САМОУБІЙСТВО

СБОРНИКЪ
ОБЩЕСТВЕННЫХЪ,
ФИЛОСОФСКИХЪ И
КРИТИЧЕСКИХЪ
СТАТЕЙ.

Ю. АЙХЕНВАЛЬДЪ

А. ЛУНАЧАРСКІЙ

Н. АБРАМОВИЧЪ

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ

ЕПИСКОПЪ МИХАИЛЪ

В. РОЗАНОВЪ

К-во ЗАРЯ

Книгоиздательство „ЗАРЯ“.

МОСКВА.
Тип. Т-го Дома М. В. Балдинъ и К°. Арбатъ, д 7.
1910.

САМОУБІЙСТВО.

Сборникъ статей Епископа Михаила, проф. Н. И. Карѣева, Ю И Айхенвальда, Н. Я. Абрамовича, А. Я. Луначарскаго, В В Розанова и Иванова-Разумника.

Москва.—1911.

13к

„Пров 38"

Побѣжденный Христосъ и „лунные муравьи".

Епископъ Михаилъ.

...„Началось это съ „переворотныхъ лѣтъ“.

„Въ эти годы (послѣ ихъ?) изъ всѣхъ щелей полѣзъ невидный ядовитый газъ

„И люди стали валкими какъ „лунные муравьи“ въ романѣ Уэльса и какъ они валятся трупикъ на трупикъ безъ всякихъ видимыхъ причинъ...

„Просто ножки больныя подвертываются...

„Оттого, что на улицѣ слякоть. Оттого, что жакетку испортили“...

Цитирую по памяти Гиппіусъ (разсказъ „Лунные муравьи“).

Да. Несомнѣнно. Непонятная „эпидемія“ началась съ переворотныхъ лѣтъ

Раньше лунныхъ муравьевъ было достаточно, но все-же не валились они такъ, „*горкой, трупикъ на трупикъ*“.

Только едва ли переворотные годы сдѣлали ихъ „валкими“.

На ногахъ держались они давно плохо. А „переворотные годы“ только переутомили тѣхъ, у кого ноги и до этого заплетались.

Отравленныхъ какимъ-то вовсе не новымъ невиднымъ отравляющимъ ядомъ.

Что это за ядъ?

Навѣрное, составъ его очень сложенъ

Я хочу говорить только объ одномъ моментѣ въ этіологіи болѣзни.

Объ отравленіи въ прошломъ *религознымъ* ядомъ.

Странно, повидимому, говорить о какомъ-то „токсическомъ“ дѣйствіи христіанства среди людей, на 95% или совсѣмъ неприкосновенныхъ къ христіанству, или прикосновенныхъ чисто внѣшне.

Но я и говорю не о христіанствѣ какъ исповѣданіи.

Разумѣю христіанство какъ психологическую „сумму“, комплексъ идей и эмоцій, отложившійся въ сознаніи, въ клѣточкахъ духа хотя бы у тѣхъ, кто вовсе не связанъ съ христіанствомъ даже „метрической записью“.

Христіанство, несомнѣнно, съ самаго начала обнаружило себя какъ одинъ изъ сильнѣйшихъ интеллектуальныхъ токсиновъ съ большой *цѣлящей* силой.

Но, какъ такое, оно, съ одной стороны, иногда воспринималось организаціями *слишкомъ ослабленными и изношенными* для того, чтобы справиться съ дѣйствіемъ новаго токсина; съ другой (и это—главное)—само оно за вѣка несчастной для него исторіи соединилось съ идейными ядами иного порядка, а еще больше само *износилось* и оскудѣло въ сознаніи человѣчества.

И въ ослабленномъ, разжиженномъ видѣ потеряло цѣлящую силу, оставшись въ тканяхъ духа, какъ начало дисгармоніи нервной тревоги и отчаянія.

Это—парадоксъ или старый ницшеанскій бунтъ противъ „добраго сладчайшаго Іисуса—съ горькими плодами его“?

Ни то, ни другое. Но объ этомъ послѣ, пока коротко и очень старыми словами.

Для автора настоящихъ строкъ подлинное христианство—одна изъ возможныхъ „скрѣпъ жизни“.

И потому ему можно и нужно выдвинуть этотъ внѣшне парадоксальный тезисъ:

„Большая часть самоубійствъ послѣднихъ дней, тѣхъ, которыя характерны для момента (самоубійства усталыхъ), свой корень имѣютъ именно въ томъ, въ чемъ для меня „скрѣпы жизни“.

Плоды „дерева жизни“ оказались горькими плодами смерти

В. В. Розановъ обвинялъ Христа во враждебности „удлиненію жизни“.

Я вѣрю, что эта величайшая изъ сказокъ человѣческой исторіи хранитъ въ себѣ сказочную живую воду,—но *пока* Розановъ правъ.

„Онъ“ (Христосъ) принесъ, говоря Его же словами, не миръ, а мечъ.

Жизненная прививка отравила.

Аристократы.

Начинаю съ самой характерной группы среди „несправившихся съ христіанствомъ“ и погибающихъ.

Это—аристократы, „возвращающіе билетъ“.

Количественно ничтожная и, слѣдовательно, статистически неинтересная группа тѣхъ, которые приняли христіанство въ самомъ его психическомъ ядрѣ, въ трагическомъ его содержаніи, не на двѣ копѣйки, а за цѣну всей души, но не смогли вынести „огня палящей“ идеи.

Ея моральной тяготы.

Сейчасъ вижу маленькаго учителя изъ Вятки, одного изъ этихъ чрезмѣрно обремененныхъ тяжестью огромной мысли.

Мученика, который тревожно и нервно перелистываетъ свою записную книжку съ жалобами на невыносимость бремени, наложеннаго на него Христомъ.

Въ противоположность большинству подлинныхъ христіанъ, онъ не боится и не бѣгаетъ имени Христа, часто призываетъ въ свидѣтели Человѣка съ лобнаго мѣста, хотя, конечно, его религія осталась бы правой, если бы онъ богохульствовалъ какъ Кирилловъ изъ

„Бѣсовъ“,литературный его предшественникъ. Я встрѣчалъ другого человѣка съ совершенно тѣмъ же духовнымъ строемъ, для котораго Христосъ—давно забытое и обветшавшее слово. Есть такіе и между враговъ Христа.

...„Мы должны умереть,—говорилъ по книжечкѣ мой собесѣдникъ, черезъ полгода дѣйствительно умершій „по волѣ своей“.—Чтобы принять міръ въ душу свою такъ, какъ требуетъ Онъ, и понести на себѣ бремя этого пониманія и то бремя отвѣтственности, какое несетъ за собой такое пониманіе,—должно имѣть другое тѣло и другую душу. А оттолкнуть отъ себя яблоко познанія мы не можемъ.

„Мы обречены. Мы должны умереть,—потому что не можемъ жить съ тоской своего познанія“.

Да, обречены.

„Въ теперешнемъ физическомъ видѣ нельзя быть человѣку никакъ“,—говоритъ Кирилловъ, этотъ посредникъ, который, можетъ быть, и довелъ до моего маленькаго учителя окольными ходами и идею „средняго креста на Голгоѳѣ“. Они совпали почти до буквальности.

Да, нельзя человѣку *такихъ переживаній* вынести.

Христіанство создало въ нѣкоторыхъ такое воспріятіе міра, такое отношеніе къ нему, при которомъ или необходимо объявить себя богомъ, какъ Кирилловъ, или умереть.

Въ Голгоѳѣ дана была „точка кризиса“, отъ которой дорога вверхъ до „перерожденія физическаго“ или паденіе внизъ съ вершины выше всякой сольнесовской или Вавилонской башни.

Тотъ же маленькій учитель въ своихъ запискахъ

такъ характеризуетъ это „непереносимое“ его христианской идеи.

„Подойти къ Голгоѳѣ, какъ требуетъ Онъ, принять ее значило взять въ свою совѣсть весь міръ, со всѣмъ его зломъ и проказой.

„Охватить въ одномъ охватѣ совѣсти все прокаженное на прокаженной землѣ и принять какъ свой грѣхъ свое дѣло, свое бремя.

„На Голгоѳѣ „перейденъ“ прежній человѣкъ. Христосъ отвергъ и распялъ бывшаго человѣка и передвинулся къ новому человѣку-Богу. Въ его лицѣ человѣкъ „побѣдилъ смерть и воскресъ въ третій день“, говоря словами евангельскаго символическаго разсказа.

„Но свое божество онъ нашелъ и сорвалъ съ неба въ такой мукѣ и ужасѣ передъ принятымъ въ совѣсть ликомъ міра и ликомъ человѣческимъ, что тяжко идти за нимъ.

„Быть свободнымъ, идти за нимъ до Голгоѳы,—нѣтъ, этого нельзя понести.

„Сознать себя Богомъ... Это мука болѣе тяжкая, чѣмъ муки рожденія.

„Я Богъ,—значитъ, весь міръ мой... Весь.. Рисунокъ на чайникѣ мой .. Каждое окно позорнаго дома мое..

„Каждое бревно тюрьмы моей мною построено... Іуда цѣлуетъ Господа,—я цѣлую... я предаю. Меня предаютъ.

„Ее“ (проститутку) цѣлуютъ, — на моихъ щекахъ поцѣлуи.

„Да, это тяжело.

„Взять на себя прокаженныя одежды міра и сорвать вмѣстѣ съ тѣломъ, съ кожей.

„Съ такой мукой, чтобы солнце остановилось въ ужасѣ.

„Какъ тогда, когда Онъ умеръ, солнце остановилось.

„Нѣтъ. Мы не можемъ.

„Сердце разорвется. Даже у него разорвалось“..

Мой маленькій учитель былъ правъ. Психика неподмѣненнаго христіанства дѣйствительно такова и дѣйствительно она непереносима.

Острая гиперстезія чувствительности, тяжкое и мучительное переживаніе „грѣха міра“, котораго *я*, отвѣтственный за все (какъ самъ Богъ),— *творецъ* могла быть побѣждена яркой вѣрой въ чудо.

Безумное по интенсивности чувство отвѣтственности могло лѣчиться только „безуміемъ“ вѣры въ побѣжденность зла вплоть до обожествленія человѣка и человѣчества—до богочеловѣчности и человѣкобожества.

До физическаго перерожденія плоти, до воскресенія не въ смыслѣ прошлаго чуда или какого-то будущаго воскресенія, а въ смыслѣ здѣшней „моей“ побѣды надъ всей дисгармоніей міра.

„Старый міръ—я принялъ и отвергъ,—

Но какъ Богъ—сотворю новый“.

Метафизически и мистически такое „перехожденіе человѣка въ новый типъ“—возможно и необходимо.

На этой вѣрѣ недавно создалась даже цѣлая религіозная группа, которая видитъ въ культѣ божественности человѣка средство противъ „головы медузы“.

Но въ фактѣ не такъ-то легко принять эту вѣру-безуміе.

И воображеніе охотнѣе рисуетъ то, что видѣлъ Кирилловъ.

„Былъ на землѣ,—говоритъ Кирилловъ,—одинъ день, и въ серединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „бу-

дешь сегодня со мною въ раю". Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное".

И дополняетъ для себя: этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ, что въ ней, безъ этого человѣка—одно сумасшествіе. Не было ни прежде, ни послѣ Ему такого же, и никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если Онъ умеръ и отъ него остался только трупъ съ синими жилками?

Такъ что же я-то?

Сумѣю ли стереть синія жилки?

Нѣтъ, только бредъ и сонъ—брошенныя съ Голгоѳы безумныя надежды; бредъ и сонъ—и всякая мысль о гармоніи и побѣдѣ и новомъ мірѣ и новомъ человѣкѣ.

...Человѣкъ былъ пущенъ на землю въ видѣ какой-то пробы, чтобы только посмотрѣть, уживется ли подобное существо на землѣ или нѣтъ.

Но поднятый обманомъ надъ землей человѣкъ не можетъ ни опуститься внизъ, ни жить ради любопытства автора человѣческой комедіи. И значитъ?.. Значитъ, долженъ умереть.

Изъ такихъ тезисовъ необходимъ уходъ въ смерть.

Не Христосъ побѣдилъ, а андреевскій Элеазаръ—съ мертвыми глазами и синими жилками на рукахъ.

Тѣнь креста, на которомъ умеръ Великій, ложится на міръ—только какъ послѣднее черное пятно, загородившее старое языческое солнце.

И люди умираютъ

Впрочемъ, ослабленная, неспособная къ широкому подъему психика не приняла бы даже будущей побѣды.

И отъ нея отказалась, осиленная мукой.

„Если даже и повѣрить грядущему, наконецъ-то, счастью людей,—то ужъ одна мысль о томъ, что природѣ необходимо было, по какимъ-то тамъ коснымъ законамъ ея, истязать человѣка тысячелѣтія, прежде чѣмъ довести его до этого счастья,—одна мысль объ этомъ уже невыносимо возмутительна“..—пишетъ одинъ самоубійца въ „Дневникѣ Писателя“.

Пусть даже будетъ гармонія,—не принимаю и билетъ на жизнь возвращаю почтительно.

Всякія мечты о гармоніяхъ—только болѣзнь сознанія.

И единственное средство избавиться отъ призраковъ—убить самое сознаніе.

Исходъ этотъ тѣмъ болѣе былъ неизбѣженъ у людей страстнаго подъема сознанія, что историческое христіанство цѣлые вѣка разрушало первоначально лежавшую въ немъ активность, искусственно отрывая отъ земли, осуждая всякое движеніе воли, направленное на землю. Атрофировало вкусъ къ той землѣ, ради которой и поднятъ былъ средній крестъ,— волю къ землѣ, оскопило ихъ активность, — и сдѣлало самую тоску о землѣ истеричной, безсильной и только мучающей.

И Христосъ былъ побѣжденъ въ самыхъ сильныхъ его ученикахъ.

Не отнятъ у нихъ, а побѣжденъ.

Но ужъ лучше, если бы онъ былъ отнятъ.

Чего же вы хотите,—спросятъ меня,—религіозной ортодоксіи вѣры въ Христа Воскресшаго?

Едва ли интересно, чего я хочу.

Во всякомъ случаѣ не старой религіозности.

А еще не пришедшей новой, въ которой великія сказки о безсмертіи и побѣжденномъ злѣ были бы слиты съ жизнью земли, снесены съ неба, передѣланы въ двигающую землю творческую силу.

Религіи,—при которой *вчера міръ могъ быть* прокаженнымъ и дурнымъ, безъ гармоніи и съ ребенкомъ, который въ подломъ мѣстѣ бьетъ кулаченками въ грудку, но *завтра можетъ и долженъ стать новымъ* въ силу дѣйственнаго жизненно-могущественнаго христіанскаго сознанія въ каждомъ новомъ человѣкѣ, всемогущимъ творцомъ новаго міра, сильнымъ вмѣстѣ со всѣмъ человѣчествомъ добыть себѣ безсмертіе и сотворить новую землю. Прагматическая волевая религіозность.

Усталые.

Усталые — это не герои, а люди средней русской больной совѣсти.

У Достоевскаго есть непохожій на него брезгливый отзывъ объ одномъ типѣ самоубійства.

„...Мнѣ двадцать три года, — приводитъ онъ одну записку, — а я еще ничего не сдѣлалъ; убѣжденный что изъ меня ничего не выйдетъ, я рѣшился покончить съ жизнью“ ..

И продолжаетъ. Онъ застрѣливается.

Это еще, впрочемъ, понятно: „для чего-де и жить, какъ не для гордости?“ А другой посмотритъ, походитъ и застрѣлится молча, единственно изъ-за того, что у него нѣтъ денегъ, чтобы нанять любовницу. Это ужъ полное свинство Увѣряютъ печатно, что это у нихъ отъ того, что они много думаютъ.

„Думаютъ, думаютъ про-себя, да вдругъ гдѣ-нибудь и вынырнетъ, и именно тамъ, гдѣ намѣтилъ“.

И не думаютъ они ничего.. Одно свинство... („Дневникъ Писателя“, январь 1876 г.).

Такая неожиданная для Достоевскаго простота объясненія была lapsus; онъ журналистъ, и этотъ lapsus онъ старается исправить въ одномъ изъ слѣдующихъ дневниковъ.

Дѣло здѣсь идетъ о самоубійцѣ-женщинѣ, собственно о *веселомъ письмѣ*, какое она послѣ себя оставила

„Предпринимаю длинное путешествіе. Если самоубійство не удастся, то пусть соберутся всѣ отпраздновать мое воскресеніе изъ мертвыхъ съ бокалами клико. А если удастся, то я прошу только, чтобъ схоронили меня, вполнѣ убѣдясь, что я мертвая, потому что совсѣмъ непріятно проснуться въ гробу подъ землею. Очень даже не шикарно выйдетъ".

Защищая самоубійцу отъ чьихъ-то упрековъ, Достоевскій настаиваетъ, что за грубымъ и фальшивымъ тономъ письма скрывается большая трагедія „сознанія", углубленно душевный кризисъ.

„Тутъ слышится душа, именно возмутившаяся противъ „прямолинейности" явленій, не вынесшая этой прямолинейности, сообщившейся ей въ домѣ отца еще съ дѣтства.

„Умерла она отъ „холоднаго мрака и скуки" со страданіемъ, такъ сказать, животнымъ и безотчетнымъ, потому что жить стало душно, вродѣ того, какъ бы воздуху не достало. Душа не вынесла прямолинейности и безотчетно потребовала чего-нибудь болѣе сложнаго"... Души. Безсмертія.

И спасла бы ее хоть маленькая вѣра въ то, что не все кончается здѣсь.

Не нужно доказывать, что во второмъ случаѣ Достоевскій глубже и правдивѣе.

Его убѣжденность, что все было бы иначе, будь вѣра въ безсмертіе, конечно, очень ужъ упрощенна и почти наивна.

Вѣра въ то, что и тамъ есть жизнь, вовсе не рѣшила бы и недоумѣнія передъ этой жизнью.

Но большая правда Достоевскаго то, что христіан-

ство внесло въ сознаніе элементы,—не сорганизованные съ планами и методами осложненной жизни, дисгармонирующіе съ ней и потому способные играть дезорганизирующую роль.

Осложненіе жизни отдаленной и скрытой жаждой „вселенской гармоніи“ все-таки оказывается опаснымъ багажемъ. Та же идея „отвѣтственности“, обязанность строить какую-то гармонію духа и жизни, ослабленныя до просто гражданской идеи, оказываются большей тяжестью, чѣмъ можетъ принять совершенно не организованный, неустойчивый духъ.

Вспоминаю длинную галлерею погибшихъ, данную однимъ беллетристомъ некрупнаго ранга, который оказался настоящимъ пророкомъ—эпидеміи „лунныхъ муравьевъ“.

Много ихъ...

Властно и медленно росла рожденная христіанствомъ идея общественной отвѣтственности.

И позвала за собой

Ангелъ „познанія“ потребовалъ на службу.

Помните эту прекрасную притчу изъ „Легенды о Флорѣ“ Короленко.

„Однажды Богъ, сжалившись надъ землею, сплошь покрытою зломъ и бѣдствіями, послалъ на землю невиннаго ангела, которому имя „Невѣдѣніе зла“.

И кому случилось взглянуть въ его чистые глаза, тотъ просвѣтлялся.. И несчастный забывалъ свое горе, а злой забывалъ свою злобу, и кругомъ ангела злоба смолкала, а онъ летѣлъ дальше.

И вотъ однажды на глазахъ небеснаго посланца убили человѣка, къ которому привелъ убійцъ самъ ангелъ. Кровь брызнула изъ раны и попала на бѣлоснѣжную одежду ангела и осталась на ней алымъ пятномъ.

И лишь только взглядъ ангела упалъ на алую кровь,—ея отблескъ отразился въ его глазахъ, и они потеряли свою прежнюю *ясность* и радостный свѣтъ. Онъ поднялъ ихъ на людей съ выраженіемъ жалобы и испуга, а затѣмъ въ ужасѣ поднялся къ престолу Бога и сталъ передъ Нимъ.

„Господи! — сказалъ онъ.— Ты Самъ послалъ меня на землю, Ты виновенъ въ томъ, что случилось, а не я... Сними же тяжесть, которая давитъ мнѣ сердце, сними съ моей одежды эти отвратительныя алыя пятна... Сдѣлай, Предвѣчный, чтобы я не зналъ, какъ прежде, чтобы въ душѣ моей опять воцарилась ясность святого невѣдѣнія“...

И ангелъ, рыдая, склонился передъ престоломъ Бога.

„Не знаешь самъ, о чемъ просишь,—отвѣтилъ ему Господь — Я не сдѣлаю этого, но вмѣсто *невѣдѣнія* Я дамъ тебѣ *скорбное пониманіе*. Я заповѣдую тебѣ носить эту кровь, какъ святыню“. И тогда въ глазахъ ангела исчезла скорбная боль и засвѣтилось въ нихъ скорбное знаніе, и стало его имя „Великая скорбь“.

Не такъ давно прошелъ по землѣ ангелъ великой скорби.

Глаза раскрылись, и люди увидѣли не горе отдѣльныхъ людей, состраданіе къ которымъ когда-то казалось достаточнымъ опредѣленіемъ совѣсти, а общее горе, которое даже на челѣ Голгоѳскаго Крестоносца вызвало кровавый потъ.

„Откровеніе“ ангела „скорби великой“ поставило на мѣсто старой личной совѣсти, жалѣющей каждаго, кто страдаетъ рядомъ, общественную совѣсть.

Новый долгъ принятъ былъ радостно, почти вдохновенно.

...Красивые и сильные шли люди навстрѣчу бурѣ.

„...Тучи, низкія, причудливо лохматыя, горѣли по всему небу яркими красками. Потянуло прохладою. Груди бодро дышали.

— Впередъ, господа, впередъ, — торопила Таня. — Эхъ, славно!

Они шли какъ-разъ навстрѣчу надвигавшимся съ юга тучамъ. Тамъ поблескивала молнія и слышалось глухое ворчаніе грома. Всѣ облака наверху стали тем нѣть“ („На поворотѣ“, Вересаева).

— Впередъ, впередъ, навстрѣчу бурѣ!

И шли. А потомъ прошло нѣсколько лѣтъ—и Варвара Васильевна („На поворотѣ“) пишетъ смерти.

„Я уже нѣсколько лѣтъ замѣчаю на самой себѣ. Что такое со мной дѣлается? Во мнѣ все словно сохнетъ, какъ сохнетъ вѣтка дерева; какъ-будто ничего не измѣнилось, взгляды, цѣли, стремленія—все прежніе, но отъ нихъ все больше отлетаетъ духъ...

„Я знаю, въ этомъ — рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, счастье и жизнь, но только во мнѣ этого нѣтъ, и я... я не люблю людей, и ничего не люблю“...

— Но вы готовы умереть за людей?

„Да, но только умереть... А не жить для нихъ!“

И это недавнее печальное письмо курсистки. *Огонлухъ, въ Кіевѣ*:

„Я умираю, потому что нѣтъ кругомъ людей. Есть одни собутыльники“.

И, наконецъ, это послѣднее письмо недавней самоубійцы,—въ Кронштадтѣ 25-го іюля:

„Мы, люди XX вѣка, безъ вѣры, безъ надежды, безъ желанія жить.

„Ни Христосъ, ни соціализмъ, ни человѣкъ для насъ не существуютъ. Ничто не существуетъ кромѣ мысли, а мысль доводитъ до самоубійства“.

Устали люди. И невѣдомыя страшныя тѣни незри-

мыя обступаютъ отовсюду, какъ вересаевскаго Сергѣя, и зовутъ въ смерть.

Отчего они устали?

Гдѣ причина усталости?

„Въ недостаткѣ личной христіанственности, личнаго усовершенствованія",—отвѣчаютъ „Вѣхи".

„Великія моральныя требованія, обращенныя къ личности, не встрѣчаютъ здѣсь ничего въ собственномъ внутреннемъ мірѣ этой личности, на что можно бы съ надежной прочностью опереться, поэтому не срастаются съ живымъ содержаніемъ душевной жизни органически.

„Новая мораль сцѣпляется съ нимъ только механически, устремляясь поверхъ личности къ нѣкоторому безличному цѣлому, къ нѣкоторой безличной и темной величинѣ: „дальнимъ", человѣчеству, обществу, народу и т. д. Работа совѣсти не воплощается здѣсь въ простомъ, конкретномъ человѣчески-понятномъ участіи къ живому человѣку, къ личности. Вся высота и напряженность состраданія обращается не къ личности, а куда-то помимо ея, въ неопредѣленную даль, къ безличнымъ огромнымъ массамъ, къ „имъ", къ „тѣмъ", къ живымъ массамъ несправедливостей, неурядицъ, одушевленныхъ въ видѣ массъ, а не къ личностямъ" (*Волжский*).

Я бы сказалъ иначе: причины отмѣченной „усталости духа" опять въ дефектахъ христіанственности, въ томъ, что всѣ эти уставшіе были не по имени, конечно, христіане, жаждавшіе осложненія жизни—чего-то внѣ и выше программъ и „здѣшнихъ" катехизисовъ. „Незримое" не обступало бы со всѣхъ сторонъ тѣхъ, кто вчера шелъ радостно навстрѣчу бурѣ, если бы мечты не обезцѣнивали дѣйствительность.

Это незримое—„тѣни“ скрытыхъ предразсудковъ (беру это слово временно).

Христіанство (безсознательное) повысило требованія, какія предъявляли къ жизни ея строители. И не давши силы,—наоборотъ, убивши, какъ мы говорили „волю къ землѣ“,—безплодно утомило.

Людей измучила и неувѣренность въ томъ, *вся ли жизнь*—въ тѣхъ ея планахъ, какія ими построены; и сомнѣніе—ведетъ ли принятая дорога къ той гармоніи, какой хочетъ не сознаніе, а „что-то тамъ внутри“.

И то, что вчера казалось полнымъ жизни, завтра показалось оголеннымъ и пустымъ.

Люди несомнѣнно были бы сильнѣе безъ этого скрытаго сологубовскаго „червяка“.

Въ опьянѣніи движеніемъ жизнь была принята въ ея простотѣ, какъ она есть, какъ борьба, солнце и воздухъ.

Безъ вопросовъ о сокровенной гармоніи, безъ осложненій, безъ трагическихъ размышленій о прошломъ и будущемъ.

Но старые призраки все-же иногда заходили, точно „гости“ у Пшибышевскаго. Сначала къ самымъ слабымъ и отравленнымъ. И нашептывали злыя мысли о поцѣлуяхъ души, о духовныхъ бракахъ, о вселенской гармоніи.

Даже въ минуты, когда человѣкъ былъ въ самой гущѣ жизни, навѣдывались прошлыя „тѣни“.

Одинъ изъ отравленныхъ вечеромъ выходитъ на улицу, и вотъ и его охватываетъ жажда мистическаго единства—объединенія въ какомъ-то сверхобычномъ ощущеніи.

„За всѣмъ, что жило вокругъ, — говоритъ герой очерка, — смутно чувствовалась какая-то другая

жизнь,—непостижимо-огромная, таинственная и единая, изъ нея и исходило все и все ею объединялось.

Умъ холодно говоритъ: только слѣпая энергія творитъ формы жизни

Но почему я долженъ принимать то, что предписываетъ умъ. Нѣтъ, міръ живъ, живъ не собраніемъ жизней, а единой могучей жизнью, и въ этой общей жизни—оправданіе жизни и ея цѣль. *Падаютъ, сами собой рѣшаясь, самыя ея непонятныя загадки. Какъ можно принять настоящее во имя будущаго? Чѣмъ можетъ быть искуплено страданіе или гибель хоть одной жизни?*“ („Передъ завѣсой Кересаева“).

Правда, на другой день онъ гонитъ эти грезы.

„Глаза съ враждебнымъ вызовомъ устремлялись въ мутную пустоту дали: *да, я сумѣю принять ее такою, какая она есть, со всѣмъ холоднымъ ужасомъ ея пустоты и со всею завлекательностью этого ужаса, не сумѣю,—умру, но не склонюсь передъ тою правдою, которая только потому правда, что жить съ ней легко и радостно*“..

Онъ отогналъ призракъ.

Да. Но легко ли примириться съ пустотой?

Нѣтъ, вырвать это „жало въ плоти“ далеко не такъ легко. Призраки атавистически мучатъ какъ воспоминаніе о какомъ-то потерянномъ раѣ.

Вотъ діалогъ изъ „Homo Sapiens“ Пшибышевскаго:

Гродскій. Послушай, Фалькъ, вѣришь ты въ безсмертіе души?

Фалькъ. Да!

— Какъ ты представляешь его?..

— Совсѣмъ не вѣрю. Я ни во что не вѣрю... А ты, дѣйствительно, ничего больше не знаешь о ней?

— О комъ?

— О ней...

— Нѣтъ... Я собственно тоже не вѣрю, но чувствую страхъ!

Какая тоска въ этихъ четырехъ строкахъ, гдѣ люди даже боятся называть душу по имени, чтобы не умереть отъ муки по ней!

Или вотъ другое:

Фальькъ. Иза, станемъ искать Бога, Котораго мы потеряли.

Иза (*полусознательно*). Бога, Котораго мы потеряли?.

Діалогъ весьма интересный для характеристики власти мучащихъ пережитковъ.

Не вѣрю, но хочу. И мучаюсь этимъ хотѣніемъ. Не признаю „сложности“, но хочу ея. И нѣтъ ничего страшнѣе этого атавизма переживаній.

Онъ долженъ нести съ собой двойственность и слабость.

Тоска по сложности жизни не опасна, пока она рѣдкая гостья, но въ минуты и годы усталости гость становится хозяиномъ и—убиваетъ.

А лѣченіе? — Praeterea censeo: или хирургія, или вытравленіе оскопленной въ области воли тѣмъ же христіанствомъ тоски по гармоніямъ или прагматическое земное христіанство, культивирующее волю къ жизни.

Такое христіанство, которое, осложняя жизнь идеей новыхъ возможностей, сумѣло-бы и дать вѣру въ эти возможности и *страстную силу движенія къ нимъ*.

Новое открытіе о человѣкѣ. Новая антропологія.

Дѣти-самоубійцы.

Поэтъ *„дѣтскаго самоубійства“*. Это совсѣмъ ужъ новое и оригинальное явленіе.

Однако нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ,—мы говоримъ о Сологубѣ,—явился.

Дѣтскія самоубійства были всегда, но только въ наши дни стали бытовымъ явленіемъ со своей метафизикой и мистикой.

Откуда-то пришла даже въ „дѣтскую“ *темная влюбленность въ смерть.*

Не боязнь жизни, а именно влюбленность въ смерть.

...Мальчики сидѣли на корточкахъ на берегу рѣки и задумчиво смотрѣли въ воду.

Ваня притихъ. Печально шепталъ онъ:

— Знаешь, что я тебѣ скажу,—я не хочу жить.

— А какъ же?—спросилъ Коля.

— Такъ же,—спокойно и словно насмѣшливо отвѣтилъ Ваня.—Умру, да и вся недолга. Утоплюсь.

— Да вѣдь страшно?—испуганно спросилъ Коля.

— Ну, вотъ, страшно. Ничего не страшно. А что и жить!—говорилъ Ваня, устремляя на Колю неотразимо-прозрачный взоръ своихъ чарующихъ глазъ.

— Что хорошаго, а тамъ все. Совсѣмъ по-другому. Подумай только,—убѣжденно говорилъ Ваня.

Тамъ, за гробомъ, совсѣмъ, совсѣмъ не похожее. Что тамъ, я не знаю, и никто не знаетъ („Жало смерти“).

И далѣе:

Все желаннѣе и милѣе становится для Коли смерть, утѣшительная, спокойная, смиряющая всякую земную печаль и тревогу. Она освобождаетъ, и обѣщанія ея навѣки, навѣки, неизмѣнны, неизмѣнны

И мечтать о ней сладостно. Сладостно мечтать о ней, подругѣ вѣрной, далекой, но всегда близкой..

Ничего нѣтъ здѣсь истиннаго, только населяютъ этотъ измѣнчивый и быстро исчезающій въ безбрежномъ забвеніи міръ...—думаетъ Коля.

Это выдумка?

Пожалуй, да.

Отчасти.

Но что влюбленность въ смерть, надежда на смерть даже у дѣтей,—это говоритъ не одинъ панегиристъ смерти Сологубъ.

Отзвуки этого тяготѣнія въ смерть,—настоящаго сладостнаго пьянаго тяготѣнія,—есть даже въ узкой и вульгарной книгѣ Проаля о дѣтскихъ самоубійствахъ.

Откуда пришло оно это очарованіе смерти?

Я еще лѣтъ шесть назадъ указывалъ одну причину. И до сихъ поръ считаю ее главной и существенной. Это—оскудѣніе въ дѣтствѣ *сказки*, я рѣшился бы сказать — *религіозной сказки:* она особенно широко осмысляетъ жизнь съ точки зрѣнія дѣтскаго міросозерцанія.

Той сказки, на какихъ воспиталась Лиза Калитина, мальчикъ изъ „Профессора Спирьки“ Мамина-Сибиряка.

Разсказовъ о мученикахъ, изъ крови которыхъ цвѣты выростали, о Спиридонѣ изъ Городищъ, которому каждый годъ сапоги шьютъ, потому что за годъ-то онъ всю округу обойдетъ, гдѣ больные, гдѣ скорбящіе...

О Донъ-Кихотахъ и Гаазахъ, Даміанахъ, Демострахъ и Бруно. О великихъ мечтателяхъ и просто „Бодрыхъ людяхъ"

Сказка нужна какъ противоядіе противъ сѣрыхъ тоновъ дѣйствительности.

Какъ суррогатъ яркой и свѣтлой жизни съ ея сѣрыми „*фактами*".

Наше время сознательно враждебно сказкѣ.

„Не нужно сказки,—говоритъ отецъ Сережи въ „Насльдственности" Марка Криницкаго.

Я бы охотно сжегъ всю эту дѣтскую литературу! Пусть онъ набирается трезвыхъ, положительныхъ свѣдѣній"

Факты,—точно топоромъ рубилъ онъ.— Факты... естественно научное образованіе .. дисциплина ума.

И сынъ окруженъ фактами.

Факты... Факты...—звенитъ у него въ ушахъ какимъ-то погребальнымъ звономъ, и что-то темное и страшное смотритъ по ночамъ въ окна.

Кража у него послѣдней сказки о Богѣ была для него послѣднимъ ударомъ.

..Собственно Сережа былъ маленькій язычникъ. И тѣмъ не менѣе онъ страшно страдалъ отъ послѣдней потери Бога, страдалъ оттого, что нарушался покой какой-то самой нѣжной и тревожной части его души.

Раньше она спала, очарованная пустымъ, ничего не значащимъ словомъ. Иногда только она заявляла свои права, но это было глухое, подавленное недовольство Теперь имъ овладѣлъ внезапный испугъ. Все какъ бы сдвинулось со своего мѣста.

Ночью во снѣ Сережа чего-то искалъ, а на другой день, когда опустились сумерки, онъ вдругъ почувствовалъ странный холодъ на сердцѣ. Чѣмъ больше сгущалась за окнами тьма, тѣмъ сильнѣе возрасталъ

его безумный ужасъ. Наконецъ, уже лежа въ постели, онъ внезапно почувствовалъ, что силы его покидаютъ. Горячій потъ выступилъ у него на лбу и на ладоняхъ...

И стѣны стали страшными.

Отовсюду глядѣло страшное, незримое.

Пустота. *Ничто.* Среди одиночества и пустоты Сережѣ нужно было ощущать за собой какую-то поддерживающую схему Сказку объ иныхъ возможностяхъ. И вотъ ее не стало, осталась пустота.

Но если съ пустотой, можетъ быть, и можно бы было справиться Сергѣю, Токареву и Варварѣ Васильевнѣ, то гдѣ же справиться маленькому Сережѣ?

И не становится ли необходимымъ, чтобы онъ влюбленно всматривался въ глаза смерти?

Конечно, тотъ же недостатокъ сказки объ яркой жизни, отсутствіе иного яркаго міра увелъ въ смерть и Колю, и другихъ.

Сказка нужна. „Хорошо. Но вы противорѣчите себѣ“,—скажутъ мнѣ.

— Вы, который, повидимому, былъ такъ согласенъ съ мыслью матери Сережи:

„*Ложь, хотя бы даже и прекрасная, рано или поздно разобьетъ твое сердце.* Съ дѣтства пріучайся смотрѣть правдѣ въ *глаза*“... И не отравляй себя мечтой о гармоніяхъ.

Да. Но, во-первыхъ, что же дѣлать, когда потребность сказки, мечты заложена настолько прочно, что та же *мать* годами не погасила въ своей душѣ глухого безпокойства“.

Оставить ребенка только впечатлѣніямъ сѣрыхъ будней, убивающей всякую силу духа школѣ и математикѣ фактовъ значитъ отнять у ребенка воздухъ, сдѣлать его рахитикомъ духа или толкать къ самоубійству.

А во-вторыхъ, я и не считаю опасной мечту саму

по себѣ. Наоборотъ, считаю ее главнымъ двигателемъ жизни.

Но только *прагматическую* мечту, слитую съ дѣломъ, въ самомъ дѣтствѣ осуществленную, ставшую идеей-силой.

Правда, мечта убиваетъ. Отравленные ею, но физически безсильные или усталые Варвары Васильевны, Токаревы и Ивановы погибаютъ послѣ борьбы или даже не начиная жизни,—пугаются живого участія въ ней и бѣгутъ изъ нея.

Но это потому, что у строителей жизни „опаленныя души".

Что ихъ жизнь — не выросшая вмѣстѣ съ ними и вмѣстѣ съ ростомъ осложнившаяся мечта.

А мечта—пробудившаяся съ запозданіемъ и не *по росту сберегшейся нервно-душевной силы.*

Для Сережи мечта,—и не украденная такъ рано,—могла бы быть смертью, если бы была только и окончательно суррогатомъ жизни, а не двигателемъ ея.

Какъ не гибнуть людямъ, у которыхъ идея, мечта и порывъ оскоплены, не воплощены въ дѣло.

Я люблю пользоваться для характеристики нашего воспитанія сказкой о царевичѣ Іосафатѣ (Будда).

Отецъ, желая охранить сына отъ темныхъ впечатлѣній жизни, помѣстилъ его въ уединенный замокъ и запретилъ всякій намекъ о смерти, старости, уродствѣ и нищетѣ.

Однако, царевичъ однажды прорвалъ охрану и увидѣлъ „нищаго, согбеннаго недугомъ" и мертваго въ гробу, и скорбь, и болѣзнь.

Пораженный зрѣлищемъ, къ которому не былъ подготовленъ, Іосафатъ ушелъ въ пустыню... Отрекся отъ жизни.

То же, что и съ нимъ, происходитъ съ большин-

ствомъ тѣхъ, кто *послѣ уходитъ* отъ жизни, испуганный страшной головой Медузы.

Жизни, пожалуй, не прячутъ отъ будущихъ ея строителей. Не прячутъ и не давятъ мечты — какъ отецъ Сережи.

Но зато усердно оскопляютъ въ дѣтствѣ всякій порывъ къ дѣйствительной жизни, къ участію въ ней, въ ея творчествѣ, сдавливаютъ насильственнымъ прессомъ эту жизнь въ ариѳметику и разсказы о Карлѣ Лысомъ.

И когда будущіе люди встрѣчаются съ дѣйствительной жизнью,—они уже потеряли вкусъ къ ней, умѣнье приладиться къ ней и испуганные спѣшатъ въ смерть.

Иногда попробовавши отъ кубка жизни, а иногда и не отвѣдавъ ее.

Нужна сказка. Мечта—та же мечта „о гармоніяхъ и сложности“ съ широкой работой съ самаго начала...

Желаніе гармоніи, но слитое и съ мускулами духа и даже съ мускулами тѣла—въ жаждущую движенія „силу“.

Жизнь, начатая не съ 25, а съ пяти лѣтъ, сліянность съ жизнью, сцѣпленность съ ней на почвѣ лучезарной сказки, имѣющей быть былью, вотъ что спасало бы отъ незримаго. Дало бы убитый христіанствомъ вкусъ къ жизни.

И для дѣтей хочу *новой религіи*,—не менѣе бодрой, чѣмъ по крайней мѣрѣ Пинкертонъ,—не способной разрушаться отъ случайнаго вопроса объ Іисусѣ Навинѣ, остановившемъ солнце, или о клопахъ въ ковчегѣ.

Внизу.

Внизу, т. е. въ народѣ.

Здѣсь Христосъ живой и ясный „дѣятель жизни".

И потому „побѣжденность Христа"- какъ мотивъ противъ жизни—выраженъ наивно и прямолинейно.

Помните недавнюю секту, еще не умершую и до сихъ поръ.

„Красную смерть"...

Секта русскихъ „душителей".

Ея догматъ: уходъ въ красную смерть.

Нѣтъ ничего „краснѣе матушки-смерти".

Недаромъ и процедура „самоубійства" обставляется такъ помпезно свѣчами, красными драпировками.

А уйти къ матушкѣ нужно, потому что жизнь здѣшняя *завершилась. окончилась.*

„Онъ" пришелъ. „Антихристъ," а Христосъ отошелъ. Поддался ему: побѣжденъ.

Ошибочно думать, что эта догма объ антихристѣ, какой-то старый раскольничій осадокъ.

Остатокъ XVII вѣка и тогдашнихъ „самосожженцевъ".

Мысль о томъ, что „онъ" царствуетъ,—коренная и

цѣпкая идея, выражающая ихъ полусознательное отрицаніе наличности, бунтъ противъ нее.

Это обратная сторона мужицкой вѣры въ „Китежъ свѣтлый“, все въ ту же гармонію, какая „мучитъ“ Карамазовыхъ и Токаревыхъ.

Въ царство Божіе, которое должно придти, но по волѣ дьявола потонуло въ Свѣтлоярѣ озерѣ.

Несмотря на внушенное вѣками убѣжденіе, что „царство Божіе“ только тамъ, вверху и побѣда тамъ, по ту сторону жизни, въ какихъ-то уголкахъ всегда живетъ надежда, что и здѣсь не мѣшало бы быть кусочку „земли праведной“, что „Китежъ“ всплыветъ.

И отсюда при всякомъ потрясеніи этой надежды взбунтовавшая совѣсть выдвигаетъ проповѣдь объ антихристѣ. Моральное недоумѣніе наканунѣ „переворотныхъ лѣтъ“ дало Тираспольское дѣло.

Переворотные годы должны были дать эпидеміи „красной смерти“.

Яркій подъемъ надежды.

Абрисы Сіона грядущаго уже виднѣлись въ воздухѣ,—казалось, вотъ-вотъ всплываетъ Китежъ, откроется земля праведная.

И погухло все.

Погасли огни

Погибла не только близкая надежда на новую жизнь.

Главное—погибла самая мечта, надежда, что придетъ Сынъ Давидовъ и устроитъ царство свое.

Вмѣсто побѣды сына Давидова осталась стертая „копѣечка“ Давида Лейзера

Откликъ на этотъ крахъ—не бунтъ, не „камни“, какими побиваютъ Давида, а спокойное согласіе съ фактомъ.

Простое до отчаянія признаніе: „Онъ“ не придетъ.

Значитъ, на землѣ антихристова воля. И все кончилось

И въ одномъ мѣстѣ пробуютъ убить ребенка антихриста.

Въ другомъ—ищутъ „красной смерти“ въ массовомъ самоубійствѣ.

А гдѣ-то въ лѣсу пророкъ съ сосны проповѣдуетъ, что „убиваться надо“.

И самъ вѣшается на той же соснѣ.

„Надо-де идти къ Христу и Его торопить на антихриста“.

Андреевъ, навѣрное, не могъ угадать, что гдѣ-то въ Вятской губерніи найдется человѣкъ, который чуть не буквально повторитъ его Іуду.

Умреть, осуждая и проклиная міръ, съ мечтой, что *онъ снова придетъ* и *побѣдитъ смерть*.

Характерно, что народъ не даетъ уединенныхъ самоубійствъ идейнаго свойства.

Здѣсь мысль строится пока коллективно, за общей отвѣтственностью. И даются коллективные выводы.

Это, впрочемъ, не значитъ, что въ новой статистикѣ самоубійствъ не найдется совсѣмъ „уединенно отравленныхъ“.

19-го августа въ Симбирскѣ повѣсился крестьянинъ Трифоновъ. За два дня передъ смертью онъ перевернулъ иконы къ стѣнѣ.

Никакого иконоборчества здѣсь не было. Просто „не Его теперь время“,—объясняетъ онъ своимъ.

А другой (с. Д-во Симб. же губ.) оставляетъ такое письмо:

„Батюшка, вы меня похороните, какъ нужно. Я противъ Бога не иду, а вижу, что Онъ отъ земли отошелъ.

И на землѣ теперь „звѣрь“, имя того звѣря 666. И нужно бѣжать въ горы, а въ горы бѣжать это значитъ умирать“.

Эти два случая однако исключительные.

Чаще—тѣ же настроенія не выкристаллизовываются въ мысль, а просто отлагаются какъ пыльный налетъ и ведутъ къ петлѣ—будто бы оттого, „что на дворѣ слякоть“.

Снова „побѣжденъ“ Христосъ,—и здѣсь побѣжденъ потому, что и самая мысль о немъ, какъ побѣдителѣ, строящемъ на землѣ голубой дворецъ правды, прошла въ сознаніе только контрабандой.

Сознаніе подавленное искусственной проповѣдью о томъ, что все „*тамъ*“ и „не можетъ“ сопротивляться активно злой и темной жизни.

И при первомъ отпорѣ жизни, не соотвѣтствующей мечтамъ, реагируетъ на нее только дѣловымъ и спокойнымъ отчаяніемъ.

Радостная религія земли съ широкимъ откровеніемъ о побѣдѣ, сказка не о дворцахъ тамъ, а о дворцѣ до неба, „*здѣсь*“, нужна и внизу.

Даже нужнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь.

Самоубійство и церковные методы лѣченія.

Куда же идти? Гдѣ средство противъ болѣзни?

Снова суживаю свою задачу: меня интересуютъ только тѣ методы лѣченія, какіе знаетъ оффиціальное христіанство.

Церковь для борьбы съ самоубійствами давно пользуется двумя средствами.

Она угрожаетъ самоубійцѣ гнѣвомъ Божіимъ и вѣчными муками.

Потомъ здѣсь, на землѣ лишаетъ его погребенія и пѣнія церковнаго.

Очень недавно послѣдняя забытая мѣра подновлена новымъ предписаніемъ церковной власти.

Оба средства давно притупились и заржавѣли.

Правда, даже Жоржъ-Зандъ и Ковалевская, по ихъ словамъ, удержаны на грани самоубійства мыслью о страшныхъ сновидѣніяхъ.

Но эта боязнь — скорѣе у испугавшихся жизни, чѣмъ у тѣхъ, кто усталъ и утомился скучной комедіей.

Будь у „этихъ“ Гамлетовскій вопросъ о томъ, „что тамъ“, онъ, кажется, только обострилъ бы желаніе заглянуть туда поскорѣе.

Если нѣтъ—хорошо. А если есть?

Какъ не посмотрѣть, что тамъ, если все надоѣло здѣсь? Какъ у Вани изъ сологубовскаго „Жала смерти“.

— А вдругъ тамъ все по-другому, „совсѣмъ не похожее“.

Пуганіе карой тамошнихъ мукъ стало даже для вѣрующихъ такимъ же неинтереснымъ, не затрогивающимъ вниманія, какъ забавныя магическія откровенія спиритовъ объ „астралѣ и элементаляхъ самоубійцъ“, вынужденныхъ воровать смрадное тѣло какого-нибудь нищаго, чтобы освободиться отъ своего грѣшнаго тѣла.

Если не пугаетъ мистическій ужасъ перехода въ „ничто“, то какъ станутъ пугать кары „тамъ“.

Въ томъ видѣ, какъ ихъ изображало прошлое религіозное сознаніе, онѣ не отвергаются сознаніемъ, а просто перестали быть для него интересными.

Какъ ни странно, но даже будущее тѣла можетъ удерживать отъ самоубійства—больше и вѣрнѣе.

„Рукой палача взять и оттащить въ позорное мѣсто и бросить“...

Непріятно остаться безъ могилы, безъ звона колокольнаго.

Но все-же и съ этимъ „ограниченіемъ правъ“ примиряются, тѣмъ болѣе, что теперь все-же нельзя относить на кладбище рукой палача и неудобно бросить тѣло на мѣстѣ свалки.

Въ концѣ-концовъ лишеніе самоубійцы погребенія—кара для близкихъ самоубійцы и несправедливая кара.

Въ „Исторіи одной жизни“ Сигурда есть печальная страничка о переживаніяхъ одной семьи въ то время, какъ хоронятъ мужа, отца, самоубійцу.

...Она (жена самоубійцы) приподнялась въ постели,

стала безпокойно прислушиваться, оперлась на локоть, провела рукой по глазамъ, пытливо устремленнымъ въ пространство, и снова безсильно опустилась на подушки

— Какъ странно! *Я не слышу колокольнаго звона* ..

И никто не рѣшился сказать, что и не было звона, что и мѣста нѣтъ для самоубійцы тамъ, гдѣ всѣ

Наказаніе тяжкое, но его уже не чувствовалъ виновникъ.

И для него колокола *все равно молчали бы*, если бы онъ былъ живъ.

Врачеваніе лежитъ не здѣсь.

Настоящій—съ моей точки зрѣнія—рецептъ помогаетъ найти чортъ въ бесѣдѣ съ Иваномъ Карамазовымъ.

Не даетъ, а помогаетъ отыскать.

Отречься отъ безсмертія, сказокъ.

Разъ человѣчество отречется отъ всѣхъ сказокъ, падетъ все прежнее міровоззрѣніе и, главное, вся прежняя нравственность, и наступитъ все новое.

Люди совокупятся, чтобы взять отъ жизни все, что она можетъ дать, но непремѣнно для счастья и радости въ одномъ только здѣшнемъ мірѣ. Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости, и явится человѣко-богъ. Всякій узнаетъ, что онъ смертенъ весь, безъ воскресенія, и приметъ смерть гордо и спокойно, какъ Богъ. Онъ изъ гордости пойметъ, что ему нечего роптать на то, что жизнь есть мгновеніе, и возлюбитъ брата своего уже безъ всякой мзды. Любовь будетъ удовлетворять мгновенію жизни, но одно уже сознаніе ея мгновенности усилитъ огонь ея настолько, насколько прежде расплывалась она въ упованіяхъ на любовь загробную и безконечную... ну, и проч., и проч. въ томъ же родѣ...

Вся энергія будетъ направлена къ землѣ, и земля станетъ роднѣе и нужнѣе.

Вотъ истинно радикальный способъ борьбы съ пессимизмомъ.

У чорта однако возникаетъ сомнѣніе. Вопросъ только въ томъ, возможно ли, чтобы такой періодъ когда-нибудь наступилъ или нѣтъ (слова чорта у Достоевскаго, „Братья Карамазовы“, кн. XI, гл. IX).

Оно есть и у меня.

Во-первыхъ, я думаю, что тѣ сказки о безсмертіи, отвѣтственности, человѣкѣ-Богѣ и землѣ праведной, которыя такъ утомляютъ человѣка, нельзя уничтожить, потому что онѣ—*правда*.

А потомъ ихъ нельзя вытравить, если и онѣ и ложь: онѣ переродили уже структуру самыхъ клѣточекъ человѣческаго духа.

И потому я лично выбралъ бы другое леченіе, представляющее обратную сторону плановъ чорта.

Мечты, всѣ въ сущности собранныя, сконцентрированныя въ фокусѣ христіанства, должны стать религіей радостной, какъ религія Уитмана, пронизанной свѣтлой идеей всемогущества человѣка въ его коллективѣ—силы его—поднять разслабленную жизнь, какъ народъ въ „Исповѣди“ Горькаго поднимаетъ разслабленную.

Исцѣлитъ усталыхъ новая „религія человѣчества“, новое христіанство, дѣлающее чудеса, исцѣляющее слѣпыхъ и воскрешающее мертвыхъ, потому что оно (если родится) дастъ не простую тоску, а великое хотѣніе, чтобы стали былью всѣ сказки.

Сказки о богѣ-человѣкѣ, о новомъ типѣ человѣка съ шестью парами серебряныхъ крыльевъ и о землѣ праведной, Царствѣ Божіемъ.

Увѣренность, что „Царство Божіе“ должно придти, когда христіанство будетъ силой, все дѣйствіе которой направлено на землю, когда ее, землю, буд ет

жалко оставить человѣку потому, что *здѣсь* дѣлается безсмертнымъ человѣкъ.

Здѣсь, а не въ темнотѣ будущаго онъ можетъ увидѣть побѣду Христа надъ мертвыми глазами Элеазара.

Безъ этого міръ когда-нибудь увидитъ массовое самоубійство Шопенгауэра.

Отсутствіе мечты—смерть. Мечта не прагматическая, не ставшая мотивомъ творчества жизненнаго, радостью, идей-силой, убиваетъ вдвое.

О САМОУБІЙСТВАХЪ.

В. Розановъ.

„Ты будешь звать смерть, и она не придетъ къ тебѣ“,—предсказалъ императору Адріану одинъ изъ его друзей, когда его вели на казнь. Предсказаніе исполнилось совершенно буквально: Адріанъ умиралъ столь тягостно, что умолялъ медиковъ дать ему ядъ. Но они не исполнили опаснаго приказанія. Въ эти длинные дни онъ могъ вспомнить слова своего казненнаго друга и мучился удвоенною мукою Кто знаетъ, выбрось онъ этотъ отвратительный поступокъ изъ своей біографіи, можетъ быть, онъ не умеръ бы столь печально. Конечно, мы не „дѣлаемъ“ свою жизнь; однако *отчасти* и „мы“ ее дѣлаемъ. Конечно, мы не созидаемъ свою смерть, но мы *отчасти* ее подготовляемъ... Тутъ есть магія громадныхъ волевыхъ напряженій, или страстныхъ на одну минуту, или упорныхъ во всю жизнь. Таковое волевое напряженіе не можетъ не получить своего разряда... и покачиваетъ жизнь или смерть въ одну или другую сторону.

Черное лучше разсматривается, если его положить на днѣ бѣлаго. Въ тѣ дни, когда я получилъ предложеніе написать „о самоубійствахъ“, я рѣшилъ, что мнѣ нечего писать и я не буду писать,—я услышалъ разсказъ, до такой степени противоположный этой темѣ, что онъ повернулъ мои мысли и къ ней. Вотъ онъ почти буквально.

...„Мы были довольно утомлены дорогою, продолжавшеюся уже не одни сутки... Все вагонъ и вагонъ... Утомленныя дѣти капризничали, и я не знала, чѣмъ занять ихъ. На одномъ изъ переѣздовъ мнѣ помогла старушка: видя, что я сама валюсь отъ сна, она тотчасъ занялась дѣтьми, спросила, какія у нихъ книжки въ рукахъ, и, взглянувъ на заглавія, стала говорить о нихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и предметовъ. Кто она, я не знаю, но, судя по французскому разговору, минутами вырывавшемуся у нея, она изъ образованныхъ. Лицо и рѣчь чисто русскія, и это была несомнѣнно русская женщина... Я заинтересовалась... И отъ разговоровъ съ дѣтьми она перешла къ разговору со мною, и тутъ кое-что разсказала о себѣ... Точнѣе, въ ея сужденіяхъ мелькали упоминанія „о себѣ“, которыя привлекли все мое вниманіе и до нѣкоторой степени волновали меня.

„Мнѣ вотъ 26 лѣтъ, и бываютъ утомительные дни и недѣли, когда я не знаю, что съ собою дѣлать, для чего живу... когда чувствую истощающую тягость жизни. Вообразите же, что старушкѣ этой было восемьдесятъ лѣтъ,—восемьдесятъ, а не семьдесятъ девять,—и она была полнѣе жизнью, чѣмъ я, свѣжѣе меня и цвѣтущѣе душою... Я *устала* жить, а она нисколько не устала, и въ такомъ возрастѣ, очевидно, уже въ приближеніи къ смерти, она о смерти нисколько не думала, будто даже забыла о ней... Будто смерть не для нея! На вопросъ, „гдѣ вы живете“, т. е. въ какомъ городѣ, она отвѣтила мнѣ,—и такъ счастливо и вдохновенно,—что у нея „нѣтъ дома“. „Я живу между своими, и вотъ теперь ѣду къ внуку, уже семейному, а погостивъ у него, поѣду къ старушкѣ-дочери“... „Когда же мнѣ захочется увидѣть всѣхъ вмѣстѣ, я пишу имъ письма, и они съѣзжаются туда, т. е. къ

той дочери или тому внуку, у котораго я живу. Но это для нихъ, можетъ быть, обременительно или не для каждаго удобно въ данное время. Къ тому же я люблю движеніе и вотъ ѣзжу то къ одному, то къ другому... И вся жизнь моя въ странствіи, счастливомъ странствіи; и хотя я не имѣю дома, но у меня въ то же время множество мѣстъ, гдѣ я „у себя дома“...

„Разъ она встала и прервала рѣчь: „Что съ вами?“— спросила я. „Судорога въ ногѣ; въ 17 лѣтъ я ее сломала... Она была залечена, но и до сихъ поръ переломъ отзывается сливающими судорогами, не надолго и безъ большой боли“...

„Я прожила 80 лѣтъ и чувствую себя свѣжею потому, что я всегда берегла себя и жила крайне осторожно. Ѣла умѣренно, не доводила до переутомленія и никогда не ложилась и не ложусь въ постель позднѣе десяти часовъ... Въ молодости я была близорука и сейчасъ близорука“... Обращаясь къ дѣтямъ, она прибавила: „Все надо беречь у себя, но особенно надо беречь глаза“...

„И все такое же простое... Я смотрѣла на нее почти не понимала, что вижу и что слышу. Такъ это необыкновенно для нашего „теперь“... Она была маленькая и худенькая и вся свѣжая... Восемьдесятъ лѣтъ, и, значитъ, она видѣла почти все царствованіе Николая Павловича, все „преобразованіе Россіи“ прошло передъ ея глазами... пронеслись Севастополь, освобожденіе славянъ, минули царствованія Александра II и Александра III... И все состарилось, а она не состарилась.

„Что она не состарилась, не одряхлѣла, не „впала въ младенчество“ или въ окостенѣлую тупость,—это я видѣла отчетливо“.

Таковъ былъ разсказъ, къ которому можно бы прибавить:

„У нея еще не произошло склероза жизни... Сосуды не лопаются, жилы наполнены кровью... жилы жизни, сосуды жизни, біографіи. И она живетъ и *хочетъ жить*!“

* * *

Полная противоположность *самоубійству*! Какая въ самомъ дѣлѣ противоположность самоубійцамъ эта восьмидесятилѣтняя старушка, каждый день которой наполненъ заботой, ожиданіемъ, встрѣчею или разлукой!

* * *

— Кто же она?—настаивалъ я.

— Приблизительно дворянка, помѣщица...

Неопытная 26-тилѣтняя дѣвушка не разспросила подробнѣе. Она сохранила только лицо, немногія рѣчи и впечатлѣніе. Не сомнѣваюсь, что они точны. Такъ какъ и переданы были случайно, внѣ „темы“ и „доказательства“.

Я подумалъ:

„Такъ вотъ какъ можно еще жить и умирать. На этомъ русскомъ фонѣ, гдѣ-то въ черноземныхъ поляхъ, какою страшною и отвратительною представляется жизнь и смерть великаго римскаго императора, безъ разсказа о которомъ не можетъ обойтись никакая исторія. Какъ, подумаешь, лживы историки: они передаютъ о томъ, о чемъ можно было бы промолчать, и не разсказываютъ о многомъ, что было бы всѣмъ интересно узнать... О томъ, что „всѣмъ интересно узнать“, иной разъ узнаешь на дорогѣ или увидишь гдѣ-нибудь „въ сосѣдствѣ“...

„Виллу Адріана“,—остатки его загороднаго дворца и строеній около дворца, — я разсматривалъ гдѣ-то около Тиволи, въ Италіи... Гидъ называлъ: „вотъ это библіотека“, „здѣсь отдыхали послѣ ванны“, „это— комнаты его друзей“... Все было страшно пустынно... О, какъ пустынно и почему-то печально! Вѣдь не всѣ „развалины“ печальны, но эти были именно таковы.

И когда—уже много позднѣе — я узналъ о характерѣ его смерти, я подумалъ: „Онъ всю жизнь томился предчувствіемъ именно *такой* своей смерти“..

* * *

Самоубійство всегда есть *катастрофа*...

Катастрофа біологическая: сего „малаго міра“, представляющаго— на худую оцѣнку—машину такой сложности, тонкости и особенностей, какую создать не въ силахъ всѣ средства трехтысячелѣтней науки.

Катастрофа личности, біографіи...

Катастрофа экономическая: если „жизнь есть мастерская“ съ тысячью „заданій“ въ ней, — то эта мастерская вдругъ лишилась одного своего работника, причемъ какое-то „заданіе“ ея осталось неисполненнымъ.

Сломана скрипка посереди̇нѣ аріи; лопнула струна въ роялѣ съ его множествомъ струнъ; что-то „не дополучено“ въ „счетахъ человѣчества“... Катастрофа во множествѣ отношеній, изъ которыхъ обыкновенно мы останавливаемся только на одномъ:

Катастрофа *личности*!

Этотъ ударъ заливаетъ все остальное. Не думаютъ о тѣлѣ съ его чудесами, о „недополучкѣ“ въ мастерской... Видятъ гробъ и человѣка въ немъ, видятъ, ко-

гда онъ могъ бы жить, и ужасаются, рыдаютъ, спрашиваютъ: „зачѣмъ? почему?“

Не всѣ знаютъ, что иногда „катастрофа“ эта столь болѣзненно отзывается на другихъ, что вызываетъ *гнѣвъ* къ погибшему... Вызываетъ осужденіе: какъ онъ могъ быть столь *жестокъ* къ людямъ, *съ которыми* была связана жизнь его, которыхъ жизнь была *съ нимъ* связана.. И вотъ онъ „выворотилъ дерево изъ почвы“, которая, какъ мать, стенаетъ, плачетъ... и, наконецъ, если не клянетъ, то *осуждаетъ* за боль.. за изуродованіе себя.

Самоубійца всегда „уродуетъ“, „обезображиваетъ“ вокругъ себя... Этого нельзя забыть.

Передъ гробомъ самоубійцы всегда нужно подумать: „а вѣдь у него была мать“. Собирающіеся около гроба его всегда должны держать въ мысли: „кромѣ *насъ* есть кто-то другой, кто его жалѣетъ, любитъ болѣе, чѣмъ „*мы*“; „кому онъ ближе“; кому онъ не только „зрѣлище“ и „случай“ въ жизни, какимъ вообще самоубійца бываетъ для толпы. Нельзя не отмѣтить этой особенности, что „множество народное“, „толпа“ въ обезличеномъ ея значеніи, „чужіе“ чувствуютъ какое-то особенное право, и притомъ нравственное право, на „тѣло самоубійцы“ и всегда горячо окружаютъ его, со страшною силою вмѣстѣ съ тѣмъ приближая къ себѣ и его душу или сближаясь сами съ душою его... И какъ бы чувствуютъ вынутою, изъятою и эту душу, и это тѣло изъ рукъ близкихъ, въ особенности родныхъ. Происходитъ какъ бы безмолвный діалогъ между „міромъ“ и „домомъ“:

— Ты его не умѣлъ сберечь... не сдѣлалъ всего, что нужно, чтобы сберечь. И онъ теперь—*нашъ*...

— Да, онъ теперь *вашъ*... Увы!—онъ не *мой* уже...

Этотъ безмолвный діалогъ между „домомъ“ и „мі-

ромъ“ всегда есть. Всегда ли онъ основателенъ, это невозможно рѣшить для всѣхъ случаевъ. Но безспорно, что для множества случаевъ онъ глубоко неправиленъ.

„Вѣдь онъ *ушелъ отъ васъ*“.

„Да, онъ ушелъ *отъ насъ*“.

Это другая форма того же разговора,—глубоко тягостнаго разговора. Толпа приходитъ и беретъ; родство — уступаетъ. Иногда это правильно. Но иногда это жестоко неправильно.

„Отчего убиваютъ себя?“ — вопросъ, который стучитъ въ голову всѣхъ.

Убиваютъ себя, потому что бываютъ одиноки.

Оттого, что „некуда пойти“.

„Некому сказать“..

Убиваютъ себя отъ безысходности... Самыя грустныя изъ самоубійствъ „Обстоятельства такъ стѣснились около меня, что задавили... Не было щелочки, куда бы пролѣзть... и вылѣзть на свѣтъ Божій... И я умеръ отъ того, что душно, тѣсно“.

Это самая кровавая часть самоубійствъ; и пробуждающая самую большую жалость тѣмъ, что въ сущности и нужно-то было очень немного, чтобы „дать воздуху“ задыхавшемуся, дать работишку, дать службу, дать должность...

Эти „бѣдныя самоубійства“, демократическія самоубійства, суть самыя жалостливыя. „Немного бы“... Въ самомъ дѣлѣ, „много ли“ человѣку надо? Не обдѣлилъ бы всѣхъ, не обѣднѣли бы всѣ, если бы помогли. Но во-время никто не помогъ.

„Толпа“, всегда такъ гордо берущая себѣ тѣла „аристократическихъ самоубійцъ“, самоубійцъ богатыхъ или обезпеченныхъ и умирающихъ „безъ цѣли“, сторонится отъ этихъ труповъ „по бѣдности“ и не счи-

таетъ ихъ „своими“, между тѣмъ какъ они именно „свои“ въ толпѣ. Это она не собрала „съ міра по ниткѣ“, чтобы „сшить бѣдному рубаху“. Несовершенство соціальной организаціи, съ одной стороны не дорослей до „научнаго совершенства“, а съ другой—потерявшей „прежнее братство и простоту“, есть причина этихъ самоубійствъ.

Они такъ страшны въ предшествующей психологіи, такъ горестны въ подробностяхъ, что около нихъ благороднаго „одра“ какъ то не хочется говорить о „ложѣ“, на которое, какъ древній Сарданапалъ, кладутъ себя самоубійцы отъ „одиночества“, отъ „неяснаго пути впереди“ и вообще съ „никого не вию“, „не видѣлъ смысла въ жизни“.

— Некуда было пойти?.. Да пошелъ бы *къ бѣдному*!

— Не было цѣли въ жизни? Да помогъ бы въ занятіяхъ неуспѣвающему мальчику или пріискалъ бы службу лишенному ея!

Эти короткіе и грубоватые отвѣты мелькаютъ въ умѣ, когда въ газетахъ читаешь ужасныя рубрики о самоубійствахъ и ихъ *явныхъ* категоріяхъ. Совершенно *очевидно*, что стоило бы двумъ самоубійцамъ встрѣтиться, чтобы не было ни котораго. Одинъ самоубійца „нашелъ бы смыслъ въ жизни“, сплотившись личною жизнью съ тѣмъ, кто „дошелъ до самоубійства подъ гнетомъ безысходной нужды“. Но съ грустью видишь, что не только для живыхъ, но и для умирающихъ есть „два хода“,—черный и парадный: и демократическій самоубійца никакъ не можетъ встрѣтиться съ аристократическимъ самоубійцею, такъ какъ „сходятъ“ они по разнымъ лѣстницамъ.

И одни сходятъ по „черному ходу“ въ мусорный дворъ, въ безвѣстность. Бѣдныхъ самоубійцъ вообще не помнятъ, не считаютъ. О нихъ не спрашиваютъ,

не задумываются. „Бѣдныхъ всегда такъ много“. Да и бѣдность такъ ясна, проста: нѣтъ загадки, нѣтъ темы. „Тема“ самоубійства собственно начинается съ разукрашеннаго, богатаго ложа Сарданапала. Тутъ говоръ, молва и миѳы.

„Человѣкъ убилъ себя среди полнаго довольства... Онъ ни въ чемъ не нуждался, былъ уважаемъ и любимъ, повидимому.. Отчего же онъ убилъ себя?“

„Отчего“ въ самомъ дѣлѣ?

Я помню смертное ложе дѣвушки 22-хъ лѣтъ; при жизни она была (или казалась) „такъ себѣ“, но въ гробу она лежала съ такимъ достоинствомъ, и это достоинство такъ переливало, наконецъ, въ красоту, что я не могъ оторвать глазъ. Умирая—съ часу ночи до 6-ти вечера, — она звала: „Мама! Мама!“ Несчастная, повидимому, не ожидала мученій собственно умиранія, дѣйствія яда, отравы... „Умереть“ ей казалось „стопъ“, „точка“, тьма. Между тѣмъ къ смерти ей пришлось перейти черезъ огненную рѣку муки... И въ ней она ужасно кричала: „Спасите меня! Мама!“ Совершенно непостижимыя по жестокости правила „Пріемнаго покоя“,—„правила“, конечно, „для всѣхъ случаевъ“ написанныя и не знающія „исключенія“, — не пропустили къ ней „маму“... Случай—спѣшный, доктора — хлопочутъ и обезпечили себѣ правильность дѣйствія общею „невпускаемостью“... Тщетно „мама“ требовала, чтобы ее пропустили, молила, — ея не впустили за двери, гдѣ безсильно хлопотала наука. „Мамѣ“ вынесли только увѣдомленіе, что спасеніе было бы возможно, если бы она приняла яду послѣ ужина и вообще поѣвши, „на пищу“, между тѣмъ она приняла его съ пустымъ желудкомъ, и онъ всосался тотчасъ и весь или, скорѣе и точнѣе, всею своею массою облилъ и сжегъ стѣнки желудка... И вотъ она умерла.

„Почему?“ Она жила съ бабушкою, тетею (ее и звала „мама“) и сестрою. Родителей уже не было въ живыхъ. Почти богатая, почти знатная, она отлично кончила, какъ и ея сестра, среднюю школу и поступила на Бестужевскіе курсы... Семья была нѣсколько консервативна, нѣсколько церковна, нѣсколько барственна. Но все это безъ преувеличенія. Семья была очень образованна... Самоубійца пошла по пути демократическихъ и вообще новыхъ убѣжденій. Но также безъ преувеличенія, безъ фанатизма. Она дома спорила. И съ нею спорили... Вѣдь позволительно не только младшимъ оспаривать старшихъ, но и старшимъ оспаривать младшихъ? Младшая однимъ годомъ сестра осталась дома, не пошла на курсы, но когда она выразила желаніе поступить на нихъ, никто ни однимъ словомъ ея не удерживалъ. Вмѣстѣ съ семьею она путешествовала за границею всего за два—за три мѣсяца до смерти. Любовалась чужими городами; была или казалась счастливою. Имѣла тотъ признакъ „счастья“, что была весела: единственное, что̀ могутъ уловить домашніе, отъ которыхъ все скрывается. На курсахъ сблизилась съ подругами, хорошо сблизилась. Такъ какъ зданіе курсовъ было далеко отъ ихъ дома, да и ее, очевидно, повлекло пожить „студенческою“ жизнью,— то она безъ всякаго „разрыва“ съ домомъ или съ разрывомъ очень мягкимъ и безболѣзненнымъ, перешла на квартиру „Какъ хочешь живи, только будь счастлива“, — сказали ей дома. На квартирѣ она прожила около трехъ мѣсяцевъ; особеннаго ничего въ это время не было, ничего не давало основанія предполагать что-нибудь потрясающее. Въ вечеръ самоубійства у нея были подруги,—и всѣ ѣли, только она почему-то, очевидно, удержалась ѣсть. И когда всѣ ушли, рѣшительно ничего не замѣтивъ у своей хо-

зяйки, она выпила въ это же утро вмѣстѣ „съ провизіей" купленнаго зелья... Выпила—и закричала, и стала звать на помощь... Поздно!

„Отчего же она умерла?"

Полная неизвѣстность.

Отъ тоски? Одиночества? Но рѣшительно не было еще времени испытать „одиночество"... Всего три мѣсяца. „Отъ разочарованія въ жизни?" Но, вѣдь, это такая молодость, что никакого „опыта жизни" она, очевидно, не имѣла. „Отъ разочарованія въ любимомъ человѣкѣ?" Но опять 22 года отвергаютъ возможность „окончательнаго, полнаго и глубокаго" разочарованія... Да о любви, по крайней мѣрѣ яркой, которую невозможно было бы не замѣтить, не говорилъ никто ни въ послѣднее время ея жизни, ни около гроба. Въ линіи этихъ чувствъ было „кое-что"... Но кто же изъ-за „кое-чего" убиваетъ себя?

Но всѣ говорили, что она была ярка, талантлива... Была умна. Ея „споры" въ этомъ смыслѣ любили, какъ проявленіе личности,—безъ сочувствія темамъ спора. Но, повторяю, не можетъ же молодежь потребовать *молчанія* въ отвѣтъ на свои тезисы, и эта дѣвушка по крайней мѣрѣ была такъ умна, что ничего подобнаго и не требовала, и не ожидала. Она была сама пылка, упорна и встрѣчала упорныя же отрицанія отъ людей, во всякомъ случаѣ несравненно болѣе ея образованныхъ.

„Но живи, матушка, какъ хочешь; наше желаніе—только видѣть тебя счастливой, довольной".

И она взяла курсы, квартиру и ядъ. Полная непостижимость!

Къ характеристикѣ долженъ добавить, что ни въ дѣвушкѣ, ни въ средѣ окружающей не было никакой экзальтированности, неуравновѣшенности и безпорядочности. Все было нормально, но не сухо и именно

„безъ преувеличенія“ въ какую либо сторону. Ни старыя деревья, ни которое-нибудь изъ молодыхъ не „шаталось на корню“ Оно упало разомъ и все. Точно „Богъ попалилъ“, какъ сказали бы въ древности..

Но никто изъ пораженныхъ членовъ семьи не отрицалъ, что въ погибшей была яркость мысли, воли и движенія... Наблюдая „самоубійцъ безъ причины“, нельзя не отмѣтить, что въ разрядъ ихъ вообще не попадаютъ тусклыя личности. Этого нѣтъ. „Деревянный, сухой человѣкъ“ вообще не наложитъ на себя рукъ. Но это одна изъ двухъ линій, которыя ограничиваютъ „зону самоубійства“, довольно опредѣленную; другая—увы!—болѣе грустная. Самоубійцами также никогда не бываютъ настоящія творческія личности. Вертеръ покончилъ самоубійствомъ. Но вѣдь всѣ интересныя и глубокія мысли Вертера принадлежатъ собственно Гете, и вотъ *онъ*-то не былъ и никогда не смогъ бы сдѣлаться самоубійцею. Юношей, на переходѣ въ зрѣлый возрастъ, онъ пережилъ только „вертеровское *настроеніе*“ и, очевидно, сердцемъ и умомъ заглянулъ въ черную зону самоубійства; но заглянувъ — отошелъ. Почему? Спасло творчество, напоръ творческихъ силъ; спасли образы, рѣявшіе въ его воображеніи Если бы онъ „закисъ“ на Вертерѣ,—можетъ быть, онъ и кончилъ бы какъ онъ; „кончилъ бы съ собою“ „обѣщавшій молодой поэтъ“ Германіи... Но у Гете около Вертера, юнаго разочарованнаго человѣка, уже мерцали желѣзныя и здоровыя черты Геца фонъ-Берлихингена, рыцаря и воина, героя и дѣятеля... Т.-е. *самъ* Гете былъ не только мечтатель, какъ Вертеръ; онъ былъ дѣятель и герой германской исторіи, „рожденный“ для этого. И „рожденіе“ спасло его. Спасли силы отца и матери, перешедшія могучимъ токомъ въ сына. „Ему лишь 80 лѣтъ“,—могли сказать родители надъ

его колыбелью. А Вольфгангъ, очерчивая образы отца и матери, почти говоритъ это: „отъ нихъ могли рождаться только столѣтніе дубы“.

Если *гдѣ* есть „вина родителей“ передъ самоубійцами,—то вотъ здѣсь. Самоубійство—волевое явленіе .. Та „катастрофа“, которою является всякое самоубійство, бываетъ собственно „катастрофою“ воли, какъ жизненнаго напряженія, жизненной энергіи.

Кто въ этихъ звукахъ:

— Въ смерти моей прошу никого не винить...

— Я умираю, потому что не нашелъ смысла въ жизни...

— Потому что въ жизни слишкомъ много темнаго..

— Потому что все безнадежно...

Кто, повторяю, прочтя эти строки, не замѣтитъ *въ тонѣ ихъ* чего-то извиняющагося, уступающаго, склоняющагося?.. О, не такъ боецъ идетъ на битву! Но *съ битвы* именно такъ уходитъ боецъ... „Мой мечъ не остръ. Порохъ разстрѣлянъ... Да и самъ я усталъ, малъ и слабъ... Пойду лягу въ канаву, пока бьются сильные... Лягу одинъ, незамѣтно“... и „чтобъ никого не винили“.

„Не надо суда... Ни надъ кѣмъ не надо суда,“—вотъ послѣдняя, невольная, всеобщая резигнація самоубійцъ.

Изъ-подъ земли бьютъ ключи толстой и тоненькой струей, и что толстою струею бьютъ — даютъ начало рѣкамъ. А выйдя изъ камня тоненькой струей, — побѣжитъ быстро... но изсохнетъ подъ солнечнымъ лучемъ, потеряется въ пескахъ... И, отойдя немного, оглядываемся и не видимъ его. Вотъ „гробъ самоубійцы“, явленіе страшное и органическое.

Никогда настоящаго генія. Никогда настоящей творческой натуры. И опять это сказывается въ записочкахъ:

„Чувствую себя *несостоятельнымъ* для жизненной борьбы". Какое страшное признаніе!

* * *

Сила рожденія—это одно. Но и другое—ранняя трата жизненныхъ силъ. Вспомнимъ старушку на дорогѣ: „Я всегда была осторожна". Вотъ *неосторожность* жизни, и именно въ самую раннюю ея пору,—до 20—22-хъ лѣтъ и *еще много ранѣе этого,* -является подспудною и тайною причиною, я думаю, большинства „самоубійствъ безъ причины". Ручей не всегда билъ тонкою струею уже при исходѣ, не во всѣхъ случаяхъ такъ билъ: иногда сейчасъ изъ скалы онъ брызнулъ толстою струею. Но сейчасъ почти попалъ на песокъ или разсѣкся на мелкія части,—и все „ушло въ землю" или „разсѣялось по сторонамъ"... такъ что къ 20-ти годамъ юноша чувствуетъ себя старичкомъ, безсильнымъ, инвалидомъ.

„Сознаніе горитъ тысячею мыслей... Въ сознаніи—все освѣщено. Но какая темь въ волѣ... темь, уныніе и безнадежность".

Вотъ тайная эпитафія надъ собою множества самоубійцъ. Всякій человѣкъ *одинъ самъ* знаетъ свои „внутренніе счеты"... Одинъ онъ только помнитъ свои „расходы"... И онъ одинъ знаетъ итогъ: „все *потеряно*"... „Потеряно, когда я только *долженъ начинать жить*".

Вотъ эти „тайные расходы" себя, своей личности, въ особенности своей энергіи, органической своей энергіи, „расходы тѣла", которые оказываются и „расходованіемъ души",—являются едва ли не глав-

нымъ источникомъ „безпричинныхъ самоубійствъ“ или самоубійствъ за „потерею смысла жизни“. И эти признанія тоже „раскрываютъ скобки“ именно около указываемой здѣсь причины и тономъ, и опредѣленнымъ смысломъ. Утопляющую роль играютъ здѣсь преувеличенія молодости Молодость не знаетъ, что то, что растрачивается „неосторожностью“, то вновь скапливается и вполнѣ возвращается послѣдующею „осторожностью“. Органическія богатства подобны денежнымъ. Гераклитовское „все течетъ“ ни къ чему такъ не примѣнимо, какъ къ біологіи; правда, „много утекаетъ“ при неосторожности. Но юность не знаетъ той великой тайны поистинѣ святого и вѣчнаго организма, что въ немъ вѣчно и „притекаетъ“, т. е. создается вновь, творится, какъ бы „воскресаетъ“. „Все течетъ“ разлагается на „все утекаетъ“ и „все притекаетъ“. Испуганная молодость считаетъ только первое: юноша не знаетъ, дѣвушка не знаетъ, что они при всѣхъ положеніяхъ, во всѣхъ состояніяхъ, при всевозможныхъ тратахъ „изъ своего кошелька“ все-таки остаются обладателями милліоновъ, неисчерпаемыхъ богатствъ, которыя немедленно же, съ каждымъ днемъ, недѣлею, мѣсяцемъ, годомъ начинаютъ „реализоваться“, какъ только прекращена дальнѣйшая „утечка металла“. Организмъ — рудникъ, жизнь—рудникъ; надѣйся на него, счастливый человѣкъ, надѣйся всегда—и да не оставитъ тебя Богъ!

Часть самоубійствъ „безъ цѣли“ безспорно ошибочны и случайны; это совершенно ясно видно каждому, кто въ молодости близко проходилъ около этой „зоны“, но былъ чѣмъ-нибудь спасенъ, и затѣмъ въ позднемъ возрастѣ оглядываетъ весь „путь жизни“. Онъ ясно видитъ преувеличенія мысли и воображенія, преувеличенія испуга. Къ тому же онъ знаетъ ту страшную, но глубокую истину, ту почти „магію“ человѣческой

жизни, что два ея конца, первый и второй, обыкновенно не походятъ другъ на друга, но чаще всего находятся въ полномъ контрастѣ. Самоубійца не знаетъ, сколько „неожиданностей“ впереди... Для „разочарованнаго“ — сколько очарованій! Для „утратившаго смыслъ“ жизни — какой ея глубокій „смыслъ“ потомъ откроется!

* * *

Худое и глубокое, грубое и трогательное, безпощадное и нѣжное страннымъ образомъ смѣшиваются въ самоубійствахъ. Въ „катастрофахъ“, оставляемыхъ самоубійцами вокругъ себя, среди оставшихся живыми, иногда бываетъ столько грубости и жестокости, что хочется жестоко судить виновныхъ въ этомъ горѣ. Ахъ, какъ бываетъ это горе черно, неизгладимо!.. Зарастетъ травой могила, но рана въ сердцѣ матери самоубійцы никогда ничѣмъ не зарастетъ. Для нея не будетъ отрады; не будетъ свѣтлыхъ дней; пѣвіе птицъ ей ничего не скажетъ, зелень лѣса ея никогда не освѣжитъ, никакому цвѣтку она не порадуется. „Этотъ цвѣтокъ могъ бы сорвать мой сынъ“,—и не наклонится, и не сорветъ сама. Да, самоубійцы жестоки,—это должна сказать имъ вслѣдъ любовь человѣческая.

— Какъ, жестокіе, вы захотѣли уйти отъ насъ всѣхъ?.. Отъ всѣхъ людей! Дерзкіе, скажете ли вы, что вы измѣрили всѣ человѣческія сердца и что во всѣхъ вы не нашли ничего, что стоило бы полюбить, не нашли которое бы полюбило васъ?

Въ глубочайшемъ зернѣ своемъ самоубійство всегда есть клевета... Метафизическая клевета. Въ самоубійствѣ есть нѣчто демоническое. Въ самомъ дѣлѣ злое...

Пусть въ то же время и несчастное. Вѣдь и демоны бываютъ „въ прекрасной печали“...

Во всякомъ случаѣ съ тѣмъ „апоѳеозомъ“, который иногда рвется вспыхнуть около гробовъ самоубійцъ, нужно быть очень осторожнымъ. Не замѣчаютъ, что это—черная яма, которая тянетъ. Этотъ почти „народный трауръ“, это „собрался весь городъ“ въ наше прозаическое и сухое время,—признаться сказать, скверное время,—не можетъ не тревожить и не занимать и отчасти не манить молодое и героическое воображеніе. Человѣку мистически врождена идея великаго почитанія... Ей отвѣчали „народныя увѣнчанія“, которыя были въ античное время и были въ Средніе вѣка. Но въ наше скверное время?... Да побѣди хоть японца,—дадутъ только важный знакъ отличія. „Народныхъ увѣнчаній“ нѣтъ, не осталось. Сколько хочешь „ной пѣсенъ“,—не получишь того, что получалъ простой мейнезингеръ въ Нюренбергѣ. Между тѣмъ молодое воображеніе всегда поэтично и всегда инстинктивно истерично. Оно ищетъ или можетъ начать искать „хоть на мигъ“, хоть „послѣ смерти“ соединиться съ сердцемъ народнымъ, съ сердцемъ обширнымъ и космическимъ — въ этихъ волнахъ горя „по утраченномъ“.

Древлѣ такъ же, какъ и нынѣ,
Адониса погребали ..

Это вѣчно... И „Адонисъ“ даже умиралъ именно „пораженный вепремъ“, отъ раны, въ крови... Повторяю, тутъ есть вѣчное. И вѣчная яма тянетъ...

Нужно быть осторожнымъ: одинъ гробъ можетъ потянуть за собою еще гробъ. Есть паника, ужасъ всѣхъ. Вообще есть коллективное, собирательное, народное въ страстяхъ, повидимому, индивидуальныхъ:

обратно унизительной „паникѣ“ можетъ образоваться горделивый и горячій токъ, увлекающій слабыхъ къ мысли о волнахъ горя, тоски, недоумѣнія около „моего гроба“. Вѣдь есть вообще посмертныя мысли, посмертныя чаянія, посмертныя ожиданія; есть *страстнѣйшія желанія* „того, что можетъ произойти только послѣ моей смерти“. Не на этомъ развѣ держится весь соціализмъ, опирающійся на „то, что будетъ послѣ меня“ и чего ни въ какомъ случаѣ не будетъ „при мнѣ“, не „будетъ при жизни“ вотъ этого соціалиста. А идутъ... Умираютъ... Отчего же не умереть „ради великихъ волнъ чувства“ вслѣдъ за „моимъ гробомъ“, вокругъ „моего гроба“? Самоубійца получитъ никакъ не меньше того, что „жертвующій собою“ соціалистъ...

Громкій вопль стоялъ въ пустынѣ,
Жены скорбныя рыдали..

Прекрасно. Грустно. Величественно. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, не умереть? Для этого?! Осмысленнѣе, мистичнѣе и ужъ гораздо разсчетливѣе, чѣмъ для соціализма. Тутъ не пропадаешь; и такъ скоро все, почти сейчасъ, и все зависитъ „отъ моей воли“.

* * *

Я не говорю, что это есть, но что это можетъ быть, можетъ начать случаться. Кто извѣдалъ сумерки души человѣческой, мерцанія души человѣческой?..

* * *

Перейдемъ къ яснымъ фактамъ. Выдающаяся умомъ, знаніями студентка разсказывала:

„Наша подруга умерла... „Тетя Кленя“, какъ ее звали дѣти, которыхъ она учила, и такъ же пріучились звать ее и мы, ея подруги. Кончила самоубійствомъ“...

Она, такая жизнерадостная, лица которой нельзя было представить безъ улыбки! Да я безъ улыбки никогда и не видалъ ее...

Красивая, она не нравилась только тѣмъ, что казалась кокетливой: для чего же всегда этотъ безукоризненно свѣжій воротничокъ и всегда завитыя, въ кудряшкахъ, волосы?

„Но они сами вились у нея. Что касается воротничковъ, то это простиралось и далѣе, на все бѣлье: правда, она не имѣла средствъ шить себѣ часто новыя платья. Но на томъ платьѣ, которое она носила, если оно и сшито было давно, нельзя было никогда найти пятнышка. Что касается бѣлья, то она шила его изъ довольно дешеваго матеріала, но зато очень много и чрезвычайно часто мѣняла. Скудное свое жалованье она и тратила больше всего на прачку и вотъ на воротнички и манжеты. Мы надъ нею смѣялись, потому что это переходило въ какую-то манію: она была въ постоянномъ страхѣ, что тѣло ея нечисто, и постоянно мылась и одѣвала все чистое и чистое бѣлье. Шею же и лицо мыла по нѣсколько разъ въ день,—все смѣясь. Потому что вы знаете, что она постоянно смѣялась“.

— Мнѣ казалось, она кокетничаетъ... т. е. желаетъ нравиться.

„Ничуть, потому что она любила. Не было серьезнѣе дѣвушки, но она запуталась въ любви. Уже года три тянулся романъ и не романъ. Вы знаете, она вся была воплощенная энергія и живость, онъ же былъ нерѣшительный и вялый. Все кончалъ курсъ и никакъ не

могъ кончить... Дворянинъ, изъ хорошей семьи и такой славный самъ, но совершенно безвольный... Она рѣшила, наконецъ, придти къ какому-нибудь концу, и вотъ они все вмѣстѣ ѣздили здѣсь по священникамъ, ища, кто согласился бы обвѣнчать. Потому что, хотя никакихъ препятствій и не было,—она—дѣвушка, онъ—холостой, не родственники и совершеннолѣтніе,—однако была нужна еще бумага отъ учебнаго заведенія, гдѣ они оба учились, и никакъ они не могли ее достать (по причинѣ лѣтнихъ каникулъ или по другой причинѣ, я не упомнилъ). Нашли, наконецъ, на какомъ-то кладбищѣ или въ какомъ-то пріютѣ. Но ея брата съ этимъ довольно безнадежнымъ студентомъ никакъ не хотѣлъ ея брать, священникъ же: дѣло въ томъ, что она нравилась другому молодому человѣку, инженеру, и съ успѣхами въ службѣ и жизни; и братъ-священникъ настаивалъ, чтобы она вышла за него. Когда она рѣшила бракъ съ вялымъ женихомъ своимъ, то онъ объявилъ, что „этому не бывать“ и разослалъ всѣмъ здѣшнимъ священникамъ письма, говоря, что они должны спросить у его сестры („имя рекъ“) и ея жениха (тоже „имя рекъ“) всѣ до мельчайшаго документы, иначе онъ подастъ жалобу на вѣнчающаго священника и привлечетъ его къ отвѣту за неправильныя дѣйствія. Это братнино письмо было получено священникомъ, согласившимся вѣнчать, въ самый день, когда было назначено таинство; молодые пріѣхали въ церковь, а священникъ выходитъ къ нимъ и говоритъ: „Я не могу вѣнчать, безъ разрѣшенія отъ начальства (такого-то) учебнаго заведенія“...Ничто не могло поколебать его твердости... И вотъ, когда мы вмѣстѣ съ нею вернулись къ ней въ квартиру, я увидѣла, что она—не жилица... Такой у нея былъ видъ. Видно, что рѣшеніе это и всѣ подготовленія, всѣ хлопоты ей сто-

или страшнаго усилія.. И когда, почти дотянувъ, она все-таки не дотянула,—струна лопнула"...

Мнѣ это было все-таки непонятно: два мѣсяца подождать, еще похлопотать...

„Не въ этомъ дѣло, а въ безволіи жениха и, очевидно, въ страшномъ собственномъ колебаніи. Я также чувствую, что она, такая строгая и требовательная, такая чистая идеалистка, стала ловить *себя* „на дурномъ". Именно въ ней, повидимому, начало происходить колебаніе,—ужъ не выйти ли въ самомъ дѣлѣ за инженера, т. е. за богатство, довольство и покой, хотя безъ любви. Торопливое ея желаніе обвѣнчаться съ инвалидомъ было собственно убѣганіемъ отъ этой „подлой мысли"; и настоящая причина самоубійства лежитъ, я думаю, въ ставшемъ закрадываться недовѣріи къ себѣ, презрѣніи къ себѣ. Впрочемъ, она ничего не говорила, и такъ я думаю только, припоминая нѣкоторыя отрывистыя ея слова да жалобы ночью, „какъ всѣ люди скверны, даже тѣ, которыхъ всѣ любятъ за ихъ высокія качества"... Она поѣхала домой, къ отцу, въ село. Онъ тоже священникъ... Но прожила недолго... И тамъ, какъ здѣсь, она была окружена дѣтьми, которыхъ учила, „чтобы не терялось даромъ время". Въ ночь какъ умереть съ нею легъ ея маленькій братишка. Она съ нимъ играла, разговаривала. И когда онъ уснулъ, она вынула изъ-подъ подушки коробочку съ ціанистымъ кали и умерла моментально. На-утро нашли ея гробъ"...

Я что-то воскликнулъ,—понятно, по адресу ея брата. Разсказывавшая кончила:

„Множество дѣтей шло за ея гробомъ, и эти же дѣти все носили цвѣты на ея могилу". Наша тетя Клёня (Клеопатра) любила цвѣты, и вѣдь она все жива, хотя и подъ землею. „Они не понимали, что она „умерла". Я была у нея на похоронахъ. Смерть ея не произвела

никакого впечатлѣнія на родныхъ, отца и мать, и за „похороннымъ обѣдомъ“ они хорошо кушали и громко говорили о такихъ мелочахъ своего обихода, что было страшно слушать. Умершую никто не жалѣлъ и не вспоминалъ“.

Должно быть, „братецъ“ отписалъ домой о поступкахъ сестрицы.

* * *

Къ разсказу я не прибавляю ни слова, не переиначиваю въ немъ слова. Разсказчица жива, и каждое ея слово можетъ быть перепровѣрено.

* * *

Кто не думаетъ никогда о самоубійствѣ?

Тѣ, къ кому смерть сама идетъ.

Въ противоположность двумъ молодымъ цвѣтущимъ самоубійцамъ я припоминаю пріемную профессора-гинеколога Н. Н. Феноменова. О, какъ печальны эти „пріемныя“ докторовъ, какъ они страшны!.. Сколько уходятъ отсюда съ надеждою и сколько потерявъ надежду!..

Комната,—обширная, вся съ мягкою мебелью,—тихая, страшно тихая, полу-затѣнена. Въ полуоткрытую дверь „въ квартиру“ я вижу мерцающую лампадку. „Вотъ и врачъ, матеріалистъ, а вѣритъ“. Это какъ-то сроднило его со мною и, я думаю, сродняетъ со всякимъ больнымъ. Феноменовъ—вообще свѣтило науки, свѣтило своего дѣла и, кажется, глубокій и прекрасный русскій человѣкъ. Въ сумракѣ замѣчаю женщину, чрезвычайно худую и пожилую, особенностью которой было то, что, должно быть, припухшія ея жилы образовали на ея шеѣ, лицѣ, а главнымъ образомъ на ру-

кахъ какіе-то толстые и синеватые узлы. Точно она вся состояла изъ костей, красноватой кожи и вотъ этихъ синихъ сплетеній жилъ.

Грустная, тяжелая. Полушопотомъ спрашиваю:

— Что у васъ?

— Ракъ.

— Какъ ракъ?.. Почемъ вы знаете?

— Докторъ сказалъ.

Пауза.

Годъ цѣлый меня лечилъ Я изъ Таганрога. Бѣдная. И я пролечила всѣ деньги, какія у меня были, осталось чуть-чуть, и тогда эти послѣднія деньги я употребила, чтобы вотъ пріѣхать сюда Когда же отъѣзжала, то онъ и сказалъ, что у меня ракъ. Но отчего же онъ раньше мнѣ этого не сказалъ? Тогда бы я и поѣхала тотчасъ сюда, можетъ-быть, здѣсь помогли бы... Но онъ все лечилъ и ничего не говорилъ, и я думала, что онъ вылечитъ.

Я молчалъ растерянно... Она была очень грустна и, можетъ быть, плакала. Какъ-будто въ моемъ участіи она тоже искала „исцѣленія“ или какого-нибудь „можетъ быть“... Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ словамъ, которыя поразили меня.

Она не была крестьянка или „совсѣмъ мѣщанка“. Сельская учительница или дочь учителя, священника, мелкаго чиновника. И вотъ говоритъ, уже слышно заплакавъ.

— Ракъ въ неприличномъ мѣстѣ... Но вѣдь я дѣвушка...

Тутъ было столько мольбы къ Богу, къ міру, столько упрека (Богу?), такая мольба, недоумѣніе о себѣ...

„Я дѣвушка и *не грѣшила*. за что же Богъ такъ *покаралъ меня*?“

За что? За что?!

Вотъ къ этой милой женщинѣ, конечно, уже умершей,—такъ отчаявшейся, такъ одинокой, такъ покинутой Богомъ и людьми,—могли-бы десятками подползти „завтрашніе самоубійцы“ и, держа ея руки съ жилами, вопить:

— Сестра, живи! Ради Бога живи!.. О, какъ прекрасна жизнь! Изъ твоихъ глазъ мы видимъ, какъ нужно жить, какъ слѣдуетъ жить, какой это безцѣнный даръ, что сердце бьется, грудь дышетъ, руки шевелятся, ноги ходятъ... Нѣтъ выше ничего, а мы, не понимая этого, бѣгая какъ на пружинахъ на молоденькихъ ногахъ, которыя намъ „ничего не стоили“, вообразили, что самое главное—„наши душевныя муки“, „измѣна друга или любовника“ или „холодность родителей“... И—собирались уже умирать. Но мы станемъ жить! Сестра, съ тобою мы станемъ жить и ты не умрешь! Же, какъ мы тоже не хотимъ теперь умирать Жизни! Жизни!

* * *

Да, именно молодежь, столь далекая отъ *естественной* смерти, ищетъ *искусственной смерти*, которою является всякое самоубійство. Страхъ, грѣхъ, отвращеніе...

„Мои ноги еще ходятъ! Какое счастье, что я не на костыляхъ и могу даже побѣжать! Никакой Крезъ со мной не сравнится“...

Вотъ естественное чувство на протяженіи всей жизни. Срѣзайте, юноши, искусственные наросты на своей мысли, какъ мы срѣзаемъ мучительныя и уродливыя мозоли.

САМОУБІЙСТВО и ФИЛОСОФІЯ.

Поведеніе людей весьма рѣдко опредѣляется цѣликомъ философскими соображеніями и міросозерцаніемъ. Уже Фихте отмѣтилъ, что скорѣе отдѣльныя лица,—мы скажемъ то же о группахъ и классахъ,—выбираютъ себѣ по плечу и по характеру философскую систему, чѣмъ эта послѣдняя опредѣляетъ характеръ и линію дѣйствія лица или группы. Но не только уступчива философія въ томъ смыслѣ, что каждый молодецъ найдетъ въ ея безмѣрно богатомъ мірѣ истину по своему образцу, но и разъ выбранная, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяинъ холитъ и нѣжитъ ее, разрабатываетъ и цѣнитъ, она не обладаетъ достаточно громкимъ голосомъ въ совѣтѣ человѣческихъ мотивовъ, гдѣ выносятся активныя рѣшенія и планы, гдѣ даются директивы исполнительницѣ-волѣ.

Кто только не повторялъ, что поступки людскіе опредѣляются чувствами, интересами, а не абстрактными идеями?

Однако и эту истину приходится принять съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Свое значеніе философскія убѣжденія все-же имѣютъ. И тѣмъ болѣе, можетъ быть, что философію каждый выбираетъ или вырабатываетъ сообразно своему характеру, своей судьбѣ, своему соціальному положенію, своей эпохѣ.

Бутти сдѣлалъ недавно попытку въ своей драмѣ „Castello del Sogno“ изобразить въ формѣ личныхъ столкновеній символическихъ персонажей внутренніе конфликты человѣческой души Интересная попытка, которая, вѣроятно, найдетъ подражателей.

Вступая на минуту на путь, указанный миланскимъ поэтомъ, мы представляемъ себѣ философію какъ благородную кастеляншу изъ дальнихъ, очень дальнихъ сѣверныхъ странъ. Она величественна, но блѣдна, почти безкровна. Она говоритъ категорично и повелительно, но на мало знакомомъ языкѣ, и ее не очень-то слушаютъ.

Ее окружаютъ знаками почета и выводятъ изъ внутреннихъ покоевъ по-королевски одѣтой, когда надо пышно принять чужихъ пословъ. Этимъ послѣднимъ она кажется настоящей госпожей замка. Но на самомъ дѣлѣ господами являются тѣ смуглые, полнокровные, суетливые обитатели, которые гомонятъ на своихъ сходкахъ, готовы иной разъ схватиться за ножи и выносятъ часто противорѣчивыя рѣшенія.

Тѣмъ не менѣе нездѣшнія пѣсни, раздающіяся изъ высокой башни кастелянши, ея странные разсказы, ея непреклонныя, хотя и неисполняемыя велѣнія живутъ тутъ же рядомъ и не являются вполнѣ чужими. Вѣдь хозяева замка въ своей молодости кружили по міру, прежде чѣмъ нашли себѣ красавицу по нраву.

Въ торжественные, трагическіе моменты, когда жизнь соприкасается со смертью, когда замокъ осажденъ со всѣхъ сторонъ злыми силами, когда переливаютъ на пули свинцовые жолоба, въ большой залѣ, залитой кровью, немолчно стонутъ раненые, когда голодъ смотритъ съ блѣдныхъ лицъ, а въ окна грозно хохочетъ дикое зарево, въ такіе дни кастелянша величественно сходитъ изъ своего терема, и къ ея по-

ученіямъ всѣ пригнетенныя силы прислушиваются съ небывалымъ вниманіемъ. И, можетъ быть, она, дочь воинственныхъ народовъ, подобная Кримгильдѣ, въ плащѣ своихъ сѣверныхъ волосъ, посылая холодныя молніи глазами героини, призоветъ всѣхъ къ послѣднему усилію и научитъ самую жизнь считать за ничто, когда она не украшена сознаніемъ побѣды духа или куплена цѣною его униженія; можетъ быть, самую смерть съ оружіемъ въ рукахъ она превратитъ въ роскошный праздникъ человѣческой гордости; можетъ быть, этой проповѣдью она доставитъ населенію замка побѣду.

Но можетъ случиться иное: она сойдетъ въ траурѣ, въ монашеской рясѣ, съ посыпанной пепломъ головой и будетъ плакать и убиваться и повторитъ съ небывалой до тѣхъ поръ силой свои страшныя сужденія о мірѣ и жизни и скажетъ, что сопротивленіе безполезно, что и въ будущемъ всѣхъ ждетъ лишь утомительная борьба, раны, лишенія, униженія и въ концѣ неумолимая смерть. Она тоже призоветъ къ мужеству, но къ мужеству другого рода: она дастъ въ руки наиболѣе отчаявшагося факелъ самоубійства и поведетъ его, проливая слезы, въ траурномъ шествіи въ пороховые погреба, чтобы извлечь оттуда пожирательницу-смерть.

Въ каждомъ изъ насъ въ переплетѣ силъ, въ хорѣ голосовъ занимаетъ свое мѣсто и выработанное нашей мыслью міросозерцаніе. Въ послѣднія минуты, въ моменты высшаго напряженія, мы обращаемся и къ нашему общему міросужденію. И оно говоритъ намъ то „да“, то „нѣтъ“, подкрѣпляя или ослабляя послѣднія рѣшенія.

Самоубійство бываетъ большею частью результатомъ тяжело сложившихся внѣшнихъ обстоятельствъ

и наслѣдственныхъ, рѣже благопріобрѣтенныхъ изъяновъ или, скажемъ, особенностей нервной системы. Тѣмъ не менѣе, анализируя любое самоубійство, мы найдемъ въ немъ моментъ, когда человѣкъ спрашиваетъ себя: „Да и что такое жизнь вообще? Что такое этотъ странный міръ?“—Этими словами онъ призываетъ философію, и она, привычная ему философія, наличность которой онъ, быть можетъ, и не предполагалъ у себя, даетъ ему, очень быстро обыкновенно, свой рѣшительный отвѣтъ, то толкая его въ гробъ, то удерживая его на краю могилы.

Вопросъ о самоубійствѣ и вопросъ о міроощѣнкѣ роковымъ образомъ родственны. Имѣются міроощѣнки, которыя логически ведутъ къ самоубійству, такъ что отсутствуетъ оно только въ силу внѣшнихъ, постороннихъ мысли причинъ. А самоубійства очень и очень часто, какъ мы знаемъ изъ тысячъ писемъ самоубійцъ, принимаютъ характеръ остро отрицательной міроощѣнки, своего рода акта философскаго протеста.

Присматриваясь къ философскимъ переживаніямъ нашего времени, мы замѣчаемъ, что въ немъ до полноты выраженія достигъ въ своемъ родѣ величественный процессъ, который довольно удачно называютъ *очисткой міросозерцанія отъ антропоцентризма.*

Казалось бы, съ ростомъ культуры должна расти и человѣческая гордость? Куда ужъ тамъ до антропоцентризма, казалось бы, дикарю, поклоняющемуся и тигру, и крокодилу, ставящему свою судьбу въ зависимость отъ камня или размалеваннаго чурбанчика, дикарю, нагому, голодному, напуганному, съ ужасомъ взирающему на страшныя силы тропической природы, ежеминутно готовыя размолоть его? Не скорѣе ли мо-

жетъ считать себя центромъ міра какой-нибудь Кантъ, идущій ночной порой по улицамъ Кенигсберга и, поднявъ глаза къ звѣздамъ, произносящій: „Есть два великія чуда въ природѣ—звѣздное небо надъ нами и нравственный законъ внутри насъ“?

Да и одинъ ли нравственный законъ? Вѣдь мы теперь прекрасно вооружены, мы покорили себѣ паръ и электричество, руками и мозгомъ мы сами создали великановъ, рабски повинующихся намъ и передъ которыми нашъ предокъ могъ бы только трепетать. Мыслью своею мы проникли въ бездны пространствъ и временъ. Изъ нашей мечты мы извлекли произведенія искусства, которыя наполняютъ нашу душу гордостью и нѣжностью, и однако чѣмъ дальше, тѣмъ больше отказываемся мы отъ того, чтобы въ центръ міра ставить человѣческое.

Этотъ дрожащій дикарь, молясь грому или бурѣ, самой мольбой своей исповѣдовалъ мысль, что и громъ и буря человѣкоподобны, что это огромные люди, могущіе гнѣваться, но и выслушивать мольбы. Весь міръ казался ему потокомъ человѣкообразныхъ волнъ. Онѣ могли быть злы, но онѣ родныя и ихъ мотивы тѣ же приблизительно, что у меня и у тебя.

И когда это міросозерцаніе систематизировалось и приняло законченныя формы, человѣкъ смогъ презрительно посмотрѣть на громы и бури, на всю власть неповоротливой и безсердечной матеріи. Ибо онъ зналъ, что она *ничто* передъ лицомъ Великаго Духа, который однимъ условіемъ безконечной своей воли можетъ уничтожить и вновь создать ее. Духъ же этотъ, царь, чудовищно превосходящій величіемъ самое царство,— *Отецъ* людей, близкій имъ, имѣющій ихъ образъ и подобіе. Такая идея, такая иллюзія дѣлала не-

страшнымъ существованіе, хотя бы и въ зубастой пасти ада, какъ выражался Карлейль.

Но время шло, и люди становились сильнѣе, а Богъ дальше. Уже говорили, что молитвы не доходятъ къ Богу, ибо онъ слишкомъ мудръ и великъ, чтобы рѣшенія его сообразовались съ мольбами ничтожнаго червя. Пути его неисповѣдимы. Доброе въ нашихъ глазахъ для него можетъ быть зломъ, не намъ судить о немъ, но да будетъ воля Его. Богъ возвеличился и обезчеловѣчился.

А тамъ пришелъ іудаизмъ и уподобилъ вселенную прекрасному часовому механизму. Чѣмъ мудрѣе мастеръ, тѣмъ менѣе нуждается построенный имъ механизмъ въ дальнѣйшихъ его заботахъ. Богъ успокоился въ безконечной Субботѣ, а въ пятницу законченный міръ живетъ себѣ, идя своимъ путемъ. А въ немъ централенъ ли человѣкъ? Онъ-то *для человѣка ли*? Все болѣе сомнѣваются въ этомъ. Развертывается все непобѣдимѣе пантеизмъ, говорящій: „Богъ и все едино суть“. Но это *все* ужъ совсѣмъ не человѣкоподобно. Самъ человѣкъ—лишь ничтожная часть всего. Центральная ли? Нѣтъ. Уже въ системѣ Спинозы, въ этомъ океанѣ, каждая капля котораго неожиданно разверзается передъ вами въ новый океанъ, человѣкъ тонетъ, уничтожается. Пантеизмъ—это вѣра въ Бога-Природу, ту самую, о которой поэты говорятъ, что она, равнодушная, сіяетъ вѣчною красой надъ человѣческими горестями.

Правда, не сразу пришло человѣчество къ выводу объ абсолютномъ равнодушіи природы. Суровый матеріалистъ Гольбахъ, книга котораго показалась такой удручающе сѣрой спинозисту Гете, еще пишетъ слово Природа съ большой буквы и, увѣренный въ

непререкаемости ея законовъ, онъ вѣритъ въ то же время въ ея изначальную разумность и благость.

Припомните тургеневскій образъ природы-титанши въ зеленомъ платьѣ, которая металлическимъ голосомъ вѣщаетъ, что ей одинаково дороги человѣкъ и блоха. Эта зеленоодеждая богиня—еще добрая мать по сравненію съ нынѣшнимъ представленіемъ о природѣ. Нашей природѣ уже ничто не можетъ быть дорого—ни человѣкъ, ни блоха. Она, строго говоря, вовсе не существуетъ, ибо въ ней нѣтъ центральнаго сознанія, она ничего не чувствуетъ, она—простой конгломератъ силъ. Но самое убійственное въ ней—это ея закономѣрность, ибо въ ней нѣтъ договора и нѣтъ законодателя,—есть только рабы Каждое существо въ происхожденіи, развитіи и исчезновеніи своемъ находится въ математически строгой зависимости отъ своей среды. Все оно получило изъ нея, все продиктовано ему ею. Но вѣдь все цѣлое составлено изъ такихъ рабскихъ частей, все слѣпо, нелѣпо взаимотѣснится, взаимопорабощено, скованное цѣпями безликой фатальности.

А сознаніе—сознаніе, воля, чувство—все это иллюзіи. Здѣсь завершеніе великаго процесса умиранія антропоцентризма. Такіе жрецы чистаго атеизма, какъ біологъ Феликсъ Ле-Дантекъ, учатъ насъ, что мы еще недостаточно поняли нашу случайность, нашу пассивность. Намъ все еще кажется, что сознаніе играетъ роль въ міровыхъ процессахъ или хоть въ нашемъ собственномъ существованіи. Ничуть не бывало: ища причинъ тому или другому вашему поступку, біологъ, согласно законченному матеріализму, можетъ цѣликомъ игнорировать ваше сознаніе, ибо механическихъ и химическихъ причинъ ему будетъ вполнѣ достаточно для объясненія одного вашего поступка, въ кон-

цѣ-концовъ цѣликомъ вѣдь разлагающагося на химическіе и физическіе процессы Нѣтъ активности—существуютъ только процессы, и каждый изъ нихъ вытекаетъ изъ предыдущихъ процессовъ, а сознанію въ этой цѣпи фатальныхъ превращеній невозможно найти никакой роли. Стоитъ ли повторять еще, что свобода воли есть чистѣйшій самообманъ? А чувство? Это ужасный даръ судьбы! Если бы мы не знали, что судьба есть только слово, подъ которымъ скрывается безотвѣтственная связь неорганизованныхъ силъ, то мы съ полнымъ правомъ могли бы назвать ее дьяволицей. Въ самомъ дѣлѣ, пусть бы себѣ рвались мускулы, лилась кровь, открывались завывающія пасти, корчились тѣла, согласно механическимъ и химическимъ законамъ,—что въ томъ, если чувства страданія при этомъ нѣтъ? Говорятъ, Декартъ безпощадно билъ своихъ собакъ, съ наслажденіемъ повторяя при этомъ: „Они автоматы и не чувствуютъ боли, но сдѣланы такъ премудро, что поведеніе ихъ вполнѣ совпадаетъ съ поведеніемъ чувствующихъ существъ“. Статуя Лаокоона не страдаетъ. Безъ чувства міръ былъ бы статуей Лаокоона. Лицо его выражало бы боль, прекрасное гибло бы въ петляхъ уродливаго, но самой муки не было бы и въ математическихъ уравненіяхъ ничего не измѣнилось бы. А однако къ кинематографу бытія приложена страшная музыка чувства, аккомпанирующая каждому его явленію. Такъ какъ въ мірѣ чувствъ страданіе, по признанію огромнаго большинства, значительно преобладаетъ, а въ пропорціи этой мы ничего не въ состояніи измѣнить, ибо мы не можемъ двигать, а нами движетъ хаосъ—Du glaubst zu schieben und du wirst geshoben,—то остается только почтительнѣйше вернуть билетъ. Кому толь-

ко? Режиссера не найдешь. Вернуть его въ пустоту и самому низринуться въ хаосъ?

Какъ же случилось, что такое страшное міросозерцаніе созрѣло вмѣстѣ съ побѣдами человѣка надъ природой?

Матеріализмъ является выраженіемъ отношенія къ міру классовъ ремесленныхъ. Городъ ремесленниковъ и торговцевъ—вотъ его носитель. Идя вразрѣзъ съ фатализмомъ капризныхъ божествъ, въ который естественно вѣруетъ зависящій отъ измѣнчивыхъ стихій земледѣлецъ, новый человѣкъ станка мастерской, начинаетъ проводить идею закономѣрности всѣхъ явленій. Такъ оно было на зарѣ греческой цивилизаціи, такъ на зарѣ цивилизаціи новѣйшей. Беконъ, не будучи законченнымъ матеріалистомъ, тѣмъ не менѣе ярче всѣхъ намѣтилъ задачу этой философіи: „Когда мы узнаемъ природу въ ея закономѣрности, мы сдѣлаемся ея хозяевами".

Человѣкъ хотѣлъ сдѣлаться хозяиномъ природы и для этого рѣшилъ познать ее до дна, какъ огромную мастерскую, полную сложныхъ, научныхъ машинъ „Природа не храмъ, а мастерская". Но, расхаживая среди своихъ новооткрытыхъ и хорошо учтенныхъ механизмовъ, человѣкъ вдругъ съ ужасомъ замѣтилъ, что и *самъ то онъ бездушный автоматъ*, что въ мастерской нѣтъ мастера, а есть лишь взаимно обусловливающіеся механическіе и химическіе процессы, и *самъ онъ только процессы да процессы*. А мое сознаніе?—Эпифеноменъ, который лучше бы сдѣлалъ, если бы пересталъ безполезно прыгать надъ реальностью, которую не въ силахъ измѣнить ни на волосъ. А моя воля?—Нелѣпая иллюзія: если бы падающій камень чувствовалъ, онъ воображалъ бы, что хочетъ упасть А мое чувство?—Оно кривится и хохочетъ,—тутъ-то бездна обмана. Оно

здѣсь, чтобы мучить тебя. Человѣкъ безпомощно вертится въ своей мастерской. Это издѣвательство, это пытка. Но во всякомъ случаѣ я могу прекратить ее, когда захочу. Но математическія формулы со стѣнъ отвѣчаютъ: „и бунтъ твой, и самоубійство твое—только процессы, опредѣленные безъ остатка другими процессами уже за тысячи и тысячи лѣтъ".

Мы уже говорили, что самъ по себѣ матеріалистическій пессимизмъ не приводитъ неизбѣжно къ самоубійству, хотя, по признанію того же Ле-Дантека, *логически* ведетъ къ нему Жизненная выносливость. крѣпкія узы инстинкта, случайное стеченіе обстоятельствъ, давшее наслажденіе въ благопріятной пропорціи,—все это можетъ держать далекой отъ современнаго человѣка идею самоубійства Но во всякомъ случаѣ безотрадная философія дѣлаетъ свое дѣло, доставляя не опору въ жизни, а медленно дѣйствующій ядъ.

Многіе хотѣли бы искать спасенія отъ этой бѣды въ возвращеніи назадъ, къ старымъ религіознымъ воззрѣніямъ. Но дѣйствительность показываетъ, что это средство не годится. Тяжелый молотъ науки раздробляетъ глиняные кумиры.

Самоубійства опредѣляются особенностями нашего соціальнаго строя. Массовыя самоубійства въ Россіи—особенностями нашей русской жизни. Я не касаюсь этой стороны вопроса. Я указываю только на пособника въ этомъ страшномъ бѣдствіи—на буржуазный пессимистическій матеріализмъ, гораздо болѣе распространенный въ нашъ вѣкъ, чѣмъ многіе это думаютъ. Я тѣмъ болѣе считаю себя въ правѣ сдѣлать это, что самъ я придерживаюсь міросозерцанія, съ начала до конца реалистическаго, позитивнаго, безконечно болѣе близкаго къ матеріализму, чѣмъ къ старымъ религіоз-

нымъ нормамъ мышленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ міросозерцаніе это, величайшимъ представителемъ котораго былъ Марксъ, ни въ чемъ нигдѣ не противорѣча положительнымъ наукамъ, какъ небо отъ земли отличается отъ пассивнаго пессимизма современныхъ экклезіастовъ и ужъ никакъ не можетъ сыграть роли силы, потворствующей склонности къ самоубійству.

Мнѣ хочется, однако, подчеркнуть не одинъ пессимистическій матеріализмъ, пропитавшій собою современную культуру, часто совершенно безсознательно являющійся глубокимъ убѣжденіемъ, основной истиной въ глазахъ милліоновъ людей. Я знаю, что милліоны людей, дѣлаясь откровенными съ собою или другими въ горькую минуту,—восклицаютъ: „Да коли на то ужъ пошло, что такое сама жизнь?“—и разражаются матеріалистической исповѣдью вѣры. Мнѣ хочется отмѣтить, однако, и другую сторону, характерную для ходячей, типичной для нашего времени жизнеоцѣнки.

Для этого я хочу сдѣлать небольшое сравненіе между самоубійцами нашего и античнаго міра, между пессимистами нашего и буддійскаго міра.

Извѣстно, что историческая философія широко, захватывавшая лучшихъ людей эпохи упадка античной культуры, символически представленная императоромъ Маркомъ Авреліемъ и рабомъ Эпиктетомъ, оправдывала самоубійство и весьма способствовала практически такому выходу изъ бытія.

Но присмотритесь къ самымъ основамъ историческаго міросозерцанія. Эта школа вѣритъ, правда, въ незыблемый и сверхчеловѣческій порядокъ вселенной, но столь же непоколебимо вѣритъ она въ основную благосклонность природы. Жизнь человѣка полна скорбей. Но это—случайное уклоненіе отъ великой гармоніи всей остальной природы, человѣческая жизнь—это

необходимая, хотя и полная страданій ступень бытія, диссонансъ, безъ остатка разрѣшающійся въ міровой гармоніи. Страдалецъ-человѣкъ можетъ отдыхать отъ тяжкихъ личныхъ переживаній, глядя въ лицо природы, то величественное, то милое, познавая прекрасную систему ея стройныхъ законовъ, возносясь душой до вершины мірозданія, сливаясь въ своеобразномъ экстазѣ съ рѣдкой и безконечной Душою Міра. Здѣсь уже готова Спинозова „Amor Dei intellectualis"; усиливая такимъ образомъ свою индивидуальную душу прикосновеніемъ Антея къ материнской почвѣ всеобщаго, стоикъ въ то же время ослаблялъ вліяніе на свою психику мелкаго, досаднаго и мучительнаго безпорядка земной сутолоки, защищая себя бронею атараксіи, т.-е. философскаго равнодушія, проходящаго мимо невзгодъ съ поднятымъ къ небу взоромъ, а иногда и съ судорожно сцѣпленными зубами.

Въ нѣкоторыхъ музеяхъ,—лучше всего въ Неаполѣ,—вы можете любоваться мраморной головой стоика Зенона. Нельзя придумать лучшаго выраженія кратко очерченной нами мірооцѣнки. Прежде всего поразительная симметрія этой головы, отъ которой вѣетъ геометріей, строго вычисленной пропорціей, словно тѣло и душа этого человѣка пропитаны математической размѣренностью. Но лицо это, кромѣ того, аскетически худо, и со страшной силой выдѣляются на немъ двѣ напряженныя скорбныя складки высокаго лба, словно двѣ застывшія волны, образующія острый уголъ между бровями. Чувствуется, что человѣкъ привыкъ, какъ къ обычному состоянію, къ напряженію всѣхъ духовныхъ силъ ради сохраненія своего величаваго покоя. Это не покой блаженства, расплывающагося въ окружающемъ; это не покой силы, увѣренной въ себѣ; это—покой осажденнаго лагеря, знающаго, что

сильная стража не спитъ и зорко смотритъ во враждебную тьму. Такова стоическая *воинственная* атараксія.

Но когда мелочи жизни проѣдали серебряную броню, когда безсмысленный, но хитрый находчивостью неисчерпаемой пошлости духъ земли ставилъ передъ философомъ дилемму жить цѣнои униженія или не жить, стоическая философія учила: *умри*. Умирая стоики облегченно вздыхали. Они позволяли себѣ умереть, взвѣсивши всѣ обстоятельства. Поставленные природой на трудный постъ, они могли, наконецъ, сказать себѣ: я въ правѣ смѣниться. Они не смотрѣли на смерть какъ на уничтоженіе, но какъ на возвращеніе къ болѣе легкому къ болѣе счастливому, болѣе гармоническому существованію. Тѣло ихъ шло къ четыремъ элементамъ, отъ которыхъ было взято, а искра разума поглощалась огненнымъ океаномъ вселенской Души. Принципъ индивидуальности былъ для нихъ источникомъ страданія, тяжкимъ бременемъ, который они несли лишь изъ чувства долга передъ верховнымъ порядкомъ, имъ было радостно сбросить съ себя индивидуальность, отождествиться съ цѣлымъ.

Это и понятно. Грекъ привыкъ жить жизнью своей общины, своей πόλις Одинъ историческій ударъ за другимъ раздробилъ общину и предоставилъ индивидуальность самой себѣ. Вопросы жизни и смерти, всегда волновавшіе арійскую душу, показались безконечно болѣе страшными, когда подошли вплотную къ маленькой личности, не защищенной уже коллективомъ. Въ стоической философіи эллинъ пытался найти новую родину, вмѣсто потерянной, новый космосъ, частью котораго могъ бы онъ себя почувствовать. Вотъ почему въ стоицизмѣ мы видимъ одновременно и эле-

менты остраго индивидуализма, и величественный универсализмъ.

Ничего подобнаго теперь. Кто же это изъ дѣйствительно мыслящихъ и образованныхъ современниковъ съ полной искренностью, наединѣ съ самимъ собою, станетъ говорить о великомъ и утѣшительномъ порядкѣ вселенной? Во-первыхъ, если бы онъ и былъ, этотъ порядокъ, то не наплевать ли на него мнѣ, страдающей личности? Что за дѣло до свѣтилъ, которыя вращаются въ изумительномъ хороводѣ, если у меня невыносимо болятъ зубы? Какой же это порядокъ, если я самъ трещина на немъ, если здѣсь, въ томъ пунктѣ, гдѣ я, все скрипитъ, разрушается, бѣснуется?

Да и потомъ, гдѣ же этотъ порядокъ? Вселенная полна обломками великихъ катастрофъ и похожа скорѣе на то колесо, которое, нелѣпо и неровнокру жась, растягивало и мучило привязанное на немъ тѣло казнимаго. И казнимый этотъ—духъ. По-вашему гармоничное коловращеніе? А по-моему безнадежное колесованіе. Вотъ что говоритъ новое индивидуальное познаніе разнаго рода и калибра гармонистамъ.

Мнѣ скажутъ: не всѣ же такъ. Конечно, не всѣ. Но гораздо больше встрѣтимъ мы этихъ отчаянныхъ душъ, чѣмъ предполагаемъ. Ибо отчаяніе это легко выступаетъ наружу въ горькіе моменты искренности даже у тѣхъ, которые не предполагали этого шила въ своемъ мѣшкѣ. Не угодно ли вамъ такое изображеніе жизни:

Въ лѣсу болото.
Въ болотѣ мохъ.
Родился кто-то,
Потомъ издохъ.

Кто написалъ это? Какая-нибудь горькая голь кабацкая? Или мрачный нигилистъ изъ семинаристовъ?

Нѣтъ, это написалъ учитель новыхъ христіанъ, идеалистъ и утонченный поэтъ Владиміръ Соловьевъ,— написалъ въ искреннемъ и дружескомъ письмѣ.

Черта индивидуалистической оторванности, усугубляющая пессимизмъ матеріалистическаго міровоззрѣнія, очень ярко выступаетъ наружу и при сравненіи новаго пессимизма съ индусскимъ.

Строго говоря, буддизмъ не пессимистиченъ, ибо онъ указываетъ спасеніе. Но съ этой точки зрѣнія непессимистично, и ученіе Шопенгауэра, что, однако, звучитъ парадоксомъ. Индусы и Шопенгауэръ приходятъ къ положительному выводу относительно бытія лишь постольку, поскольку за нѣкоторсе *сверхбытіе* они считаютъ *небытіе*, словомъ, поскольку указываютъ выходъ *за предѣлы бытія*. Поэтому они являются безспорными пессимистами, если подъ пессимизмомъ мы будемъ понимать отрицательную оцѣнку *бытія*.

Саккіа-Муни абсолютно и безповоротно осуждаетъ живое бытіе. Усиліе его направлено на то, чтобы доказать, что и скудныя радости бытія — чистыя иллюзіи, что скорбь составляетъ основу жизни. Страхъ передъ міромъ—вотъ начало премудрости для буддиста. А ужъ дальше идутъ метафизическія построенія, указывающія практическій путь для цѣлесообразнаго бѣгства изъ міра.

Но не проще ли дѣло? Стоитъ ли придумывать метафизическіе исходы, когда исходъ подъ рукою: самоубійство.

Но нѣтъ, буддистъ не считаетъ самоубійство за исходъ. Какъ ни пренебрежительно относится онъ къ дѣйствительности, все-же она для него нѣкоторое грандіозное цѣлое, тѣсно связанное единствомъ моральнаго закона. Буддистъ не вѣритъ, чтобы мое су-

ществованіе съ вотъ этимъ тѣломъ, вотъ этимъ характеромъ, вотъ этимъ умомъ, этими поступками и этою судьбою было результатомъ случая. Нѣтъ, все это имѣетъ сложныя цѣпи причинъ. И такъ какъ буддистъ—моралистъ, а не физикъ, то и причины онъ ищетъ моральныя: все мое я и его судьба—это награды и наказанія за поведеніе въ прошлыхъ существованіяхъ. Какъ же можетъ быть, чтобы эту теряющуюся въ безконечномъ прошломъ нить можно было вдругъ и окончательно пресѣчь однимъ простымъ движеніемъ. Это невѣроятно: самоубійство только зачтется, какъ новая вина, и отбросить свою кровавую тѣнь на послѣдующее существованіе. Болѣе глухо выражаетъ эту мысль и Шопенгауэръ. Но вообще говоря, арійской мысли представленіе о моральномъ монизмѣ вселенной, какъ результатѣ своеобразнаго автоматическаго суда надъ собой каждой индивидуальности, автоматическаго закона Кармы,—чуждо.

Въ знаменитомъ монологѣ Гамлета мы находимъ нѣкоторую тѣнь подобной мысли, именно тѣнь. У Гамлета вовсе нѣтъ уже увѣренности, что смерть отнюдь не прекращаетъ нити бытія, а является только своеобразнымъ узелкомъ на ней. Его останавливаетъ другое: быть можетъ, душа со смертью погружается въ глубокій сонъ, эту низшую форму жизни. Но вѣдь она допускаетъ все-же возможность сновидѣній? Не будутъ ли они черезчуръ мучительны?

Какъ характерно: у древнихъ азіатовъ объективная ткань поступковъ и воздаяній, у величайшаго поэта зари новаго времени, поэта, котораго Карлейль провозглашаетъ истиннымъ представителемъ протестантскаго христіанства,—только личность, замкнутое въ себѣ „я“, я—въ гробу, населяющее шесть досокъ

его мучительными порожденіями собственной фантазіи.

Но современный матеріалистъ, тотъ ходячій формулированный Владиміромъ Соловьевымъ, гораздо категоричнѣе. Прежде всего міръ для новой философіи не моральное, а лишь физическое единство. Въ этомъ смыслѣ мы лучше буддистовъ знаемъ, что ни одинъ гранъ нашего тѣла, ни одна волна энергіи, прошедшая сквозь нашъ организмъ не можетъ потеряться во вселенной. Но развѣ, раздробляя себѣ черепъ изъ револьвера, мы хотимъ убить нашу физику? Это было бы безсмысленно,—физика безсмертна. Нѣтъ, мы хотимъ убить нашу психику. О, она есть только эпифеноменъ, она только бѣглое пламя, вспыхивающее надъ высокой организованной матеріей—мозгомъ. Нельзя уничтожить матерію, но можно разрушить ея организацію, а съ тѣмъ вмѣстѣ задуть и надоѣвшее намъ бѣглое пламя. Я, какъ тѣло, милліонами нитей связанъ съ физической вселенной, но что такое мое духовное я? Ему и мѣста въ ней нѣтъ. Вѣсъ вселенной и ея энергетическія уравненія не поколеблются ни на іоту отъ исчезновенія безъ слѣда всего сознанія міра.

Нынѣшній самоубійца въ огромномъ большинствѣ случаевъ спокоенъ: какое тамъ воздаяніе, какія тамъ сновидѣнія? Просто разложеніе, просто черноземъ, просто лопухъ вырастетъ. Только атавизмомъ объясняется, что нѣкоторые, ощущая холодокъ ствола у своего виска, переполняются сладостнымъ чувствомъ мести. „Вотъ же, молъ, тебѣ: ты, Нѣкто въ Сѣромъ, приковалъ меня къ этой безсмыслицѣ, жизни, другіе волочатъ свои цѣпи, а я рву ихъ“.

Матеріализмъ и индивидуализмъ, вмѣстѣ взятые, создаютъ этотъ отвратительный нигилизмъ, который

составляетъ внутреннее убѣжденіе и жизненную основу нашей буржуазной культуры. Ничего не значитъ, что буржуазные культуртрегеры стараются бороться съ нимъ, подновляя аргументы обветшавшаго идеализма. Уже одинъ тотъ фактъ, что такимъ ловкимъ софистамъ, какъ, напр., Джемсъ или Бутру, приходится прибѣгать къ грубому логическому шулерству и, отступая съ завоеванныхъ наукою аванпостовъ, идти назадъ вплоть до совершенно отжившихъ формъ религіозной мысли, служитъ доказательствомъ, что изъ себя самой буржуазная культура не можетъ создать противоядія свирѣпствующему въ ней яду мѣщанскаго нигилизма.

Новыя формы мысли, получающіяся изъ сочетанія жизненнаго опыта новыхъ, полныхъ практическаго идеализма классовъ съ данными наиновѣйшей науки и научной философіи, могутъ привиться лишь новому человѣчеству, элементы котораго растутъ вокругъ насъ. Это новое міросозерцаніе можетъ служить громадной важности поддержкой въ борьбѣ за существованіе.

Накинула платокъ и крадучись пошла,
Скользнула между дверью и стѣною,
Шмыгнула въ переулокъ стороною,
И скрылась. Отъ людей ее схоронитъ мгла.

Пошла, чтобъ умереть. Рѣка недалеко,
Высокій берегъ поднялся горбато:
Прыжокъ и всплескъ, и пѣна, и куда-то
Умчитъ. Міръ духу—тѣло выброситъ рѣкой.

Съ такой мечтой въ ночи спѣша идетъ она
Слѣпая, глупая. А вѣтеръ плачетъ,
Сѣчетъ холодный дождь... Что-жъ это значитъ?
Остановилась вдругъ, какъ-будто сражена...

Вся опустилась внизъ и напрягаетъ слухъ.
Заговорило чрево Но безъ звука:
Изъ глубины дрожа поднялась мука,
Какъ Слово Вѣчное волнуя чуткій духъ.

И женщина ужъ мать. Она превращена!
Она лишь форма юной жизни новой,
Стихія, что любовно и сурово
Для вѣчности хранитъ кладъ новаго звена

И чары омута не властны ужъ надъ ней
И тягость жизни больше не пугаетъ:
Она идетъ назадъ—мать, мать! Встрѣчаетъ
Предмѣстье скорбное, все кажется роднѣй.

Прочитанное вами стихотвореніе—одно изъ послѣднихъ произведеній Ады Негри. По-итальянски оно звучитъ, конечно, красивѣе. Но мнѣ оно важно своимъ содержаніемъ. Даже не непосредственнымъ, матеріальнымъ содержаніемъ, а своимъ символическимъ значеніемъ, которое, можетъ быть, вовсе и не предусматривалось самой поэтессой.

Здѣсь материнство спасаетъ отъ самоубійства Но материнство само по себѣ — великій символъ вообще плодовитости жизни, ея роста и развитія, символъ отрицанія всего безплоднаго, себѣ довлѣющаго, махроваго или засохшаго. Чья душа ощутила въ себѣ трепетъ новой рождающейся жизни, одновременно всѣми фибрами своими исходящей изъ ея души, существа и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ новой и имѣющей право и силу на долгое свѣжее, болѣе мощное существованіе, чья душа почувствовала себя формой юной жизни новой, стражемъ, любовно и сурово оберегающимъ зародышъ, быть можетъ, безконечно важной и богатой цѣпи явленій,—тотъ, конечно, обезпеченъ и застрахованъ отъ соблазняющаго демона самоубійства.

Человѣкъ, чувствующій въ себѣ творческую силу,

просто никогда не повѣритъ, въ то, что онъ автоматъ и часть автомата. Всѣ хитросплетенія, столь полезныя въ дѣлѣ установленія закономѣрности физической природы, столь властно посягающія въ своемъ обратномъ дѣйствіи захлестнуть сложными петлями самого автора своего — человѣка, дѣйствительны и безвредны передъ непосредственнымъ, яснымъ, непоколебимымъ сознаніемъ себя силою среди другихъ силъ. „Cogito ergo sum“, — говорилъ Декартъ. Много критики встрѣтило это положеніе, и, быть можетъ, меньше было бы ея при формулѣ: *дѣйствую — значитъ существую.* Отбросивъ *мысль* и *слово,* Гете въ маскѣ Фауста восклицаетъ: *Въ началѣ было дѣло.* Частица силы. Оригинальная, самобытная, имѣющая свое сознательное направленіе, — вотъ что такое личность. Велика или мала она, эта частица,— она все-же можетъ сказать о себѣ:

Такъ на станкѣ проходящихъ вѣковъ
Тку я живую одежду боговъ.

Ткань міра, многосложную, узорную, въ которой на глазахъ нашихъ все больше становится золота мысли, пурпура чувства, планомѣрности воли.

Врядъ ли насквозь активное міросозерцаніе можетъ привиться людямъ, подобнымъ безплодной смоковницѣ. Мы говорили: не философія перерабатываетъ людей, а люди выбираютъ себѣ философію, наилучше способствующую завершенію процесса ихъ самоопредѣленія. Но философія чистой активности, философія энергіи, принимающая процессы труда за ключъ къ познанію бытія, представляющая себѣ міръ какъ сотрудничество и борьбу, — нигдѣ и ни въ чемъ не противорѣчитъ даннымъ науки и не нуждается въ заимствованіяхъ у отжившихъ міровоззрѣній. „Философы до сихъ поръ истолковали міръ, цѣль нашей философіи — пересо-

здать его",—говоритъ Марксъ. И это не просто красивый афоризмъ, это—философскій тезисъ. Человѣкъ данъ себѣ самому, какъ работникъ, какъ сложный организмъ, одаренный потребностями и рабочей силой для ихъ удовлетворенія. Познаніе природы есть только промежуточный фактъ и орудіе ея передѣлки, гуманизаціи, очеловѣченія ея. Въ этомъ смыслѣ Марксъ выдвигаетъ противъ матеріалистовъ болѣе субъективное и практическое отношеніе къ міру. Научныя теоріи хороши, пока онѣ полезны для человѣческаго творчества, но онѣ только временныя созданія рукъ человѣческихъ, между тѣмъ какъ активность, *трудъ* есть основной фактъ самого человѣческаго существованія.

Міръ сразу пріобрѣтаетъ интересъ коллоссальной драмы съ неопредѣлившимся еще исходомъ или, скорѣе, съ безконечностью перипетій впереди, и драма разыгрывается не подъ суфлера, дѣйствующія лица не маріонетки, это живая драма, а не спектакль, и мы не зрители и не актеры, а дѣйствительные ея участники. Это воззрѣніе есть своеобразная благодать, дающаяся имущему, сильному прилагается, и эта сила у неимущаго же, у безплоднаго она естественно отнимается. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не нужна была проповѣдь, пропаганда міросозерцанія чистой активности, ибо идеологіи борятся между собой за колебающихся и подрастающихъ.

Активная міроощѣнка легко достигаетъ степени религіознаго энтузіазма, у поэтовъ можно найти иногда яркое выраженіе такого переживанія. Напримѣръ, среди прекрасныхъ „Lundi" Аннунціо,—произведенія, которое искупаетъ всѣ прегрѣшенія этого богато одареннаго и несчастнаго писателя, — имѣется описаніе прогулки вдоль Африки въ іюльскій вечеръ послѣ

дождя. Настроеніе передано изумительно. Всходитъ луна, съ крикомъ носятся ласточки. Съ холма далеко видны поля и теченіе серебристой рѣки. И вдругъ своеобразное откровеніе касается души поэта:

Tutta la Terra pure
Argilla offerta all'opera d'Amore,
Un nunzio il grido, e il vespero che muor
Un'alba cetra.

Земля, какъ комъ послушной глины въ мастерской скульптора, словно предлагаетъ себя творческимъ рукамъ сознательной любви, каждый крикъ звучитъ какъ обѣщаніе, и сама печальная смерть дня не говоритъ ни о чемъ другомъ, какъ о быломъ возрожденіи свѣта на утро.

Но новый міръ, растущій въ старомъ, какъ сказочный царевичъ Гвидонъ въ гнилой бочкѣ, побѣждаетъ не только буржуазный матеріализмъ, но и буржуазный индивидуализмъ.

Еще физическое материнство, конечно, альтруистичное и самоотверженное въ себѣ, можетъ быть, замкнуто въ очень узкомъ кругу любви и сочувствія, но не то духовное и культурное материнство. Идея, образъ, рабочая сила, напряженіе борца, когда мы носимъ ихъ въ себѣ,—связуютъ насъ съ человѣчествомъ. Они не мыслимы и не цѣнны сами по себѣ, они безсмертны и полны жизни, когда прилагаются къ коллективному созиданію идеальнаго въ реальномъ. Коллективное видовое, историческое выявленіе и послѣдовательное осуществленіе идеаловъ, диктуемыхъ неограниченными въ своемъ развитіи органическими потребностями человѣческой природы,—вотъ *основное въ нашемъ человѣческомъ бытіи.*

Марксъ въ своей чудесной статьѣ „Мальтусъ и Рикардо“ объясняетъ, что единственнымъ критеріемъ

при оцѣнкѣ какихъ бы то ни было явленій должна служить выгодность ихъ для роста богатства человѣчества, которое равно, какъ тутъ же говоритъ Марксъ, росту способностей человѣческой природы. *Видъ* въ своей грандіозной работѣ считается съ индивидомъ лишь какъ съ моментомъ и частью: кто понялъ смыслъ существованія, Вида не только головою, но всѣмъ существомъ своимъ, жизнь того переполнена свѣтомъ, значительностью, упоеніемъ творчества, безмѣрно выходящаго за рамки бѣглаго личнаго бытія; кто не понялъ и протестуетъ, того исторія оставляетъ въ сторонѣ съ его безплоднымъ нытьемъ. Это звучитъ въ полномъ согласіи со словами Маха, что съ гибелью индивида гибнетъ лишь форма, идейное же духовное содержаніе ея можетъ быть и должно быть сохранено и пущено въ оборотъ истиннымъ носителемъ духа—коллективомъ. „Способствовать соціальному, художественному, научному и всякому другому обогащенію человѣческаго рода—вотъ настоящее счастье для личности".

Вѣроятно, Метерлинкъ не зналъ ни Маркса, ни Маха, когда въ своей книгѣ „Le temple ensevel." онъ выдвинулъ такой единственный критерій морали: „Все, что способствуетъ росту силъ Вида,—благо, все, что ему вредитъ,—зло".

И для людей такого міросозерцанія возможны, конечно, самоубійства, но только разумныя, условіемъ для каковыхъ является не только тягостность жизни для самого субъекта, но и правильно сдѣланная оцѣнка, приводящая къ выводу о безполезности его жизни для коллектива. Такіе случаи рѣдки, такіе случаи совсѣмъ исчезнутъ съ усовершенствованіемъ соціальной гигіены въ широкомъ смыслѣ этого слова.

И чтобы кончить словами итальянскаго поэта

статью, въ которой я уже не разъ прибѣгалъ къ ихъ помощи, приведу стихи милаго Цанелло, венеціанскаго поэта-священника:

T'avanza, t'avanza
Divino stranicro,—
Conosci la stanza
Che, fut ti dicro?
Se schiave, se lagrime
Ancora rinserra—
E'gio vin la terro!

Впередъ человѣкъ, впередъ божественный странникъ, развѣ ты знаешь, какое мѣсто суждено тебѣ занять? Пусть земля еще полна рабами и слезами,—она молода!

САМОУБІЙСТВО.

I.

Колоссальная цифра самоубійствъ у насъ въ Россіи въ послѣдніе годы можетъ навести на мысль, что смерть въ нашей русской жизни получила то полновластіе, о которомъ мечталъ великій пессимистъ, проповѣдникъ избавленія отъ „воли къ жизни“. Не только въ стихійныхъ бѣдствіяхъ и не только насильственно, но и по личной волѣ ежедневно умираютъ, кончаютъ съ собой и въ столицахъ, и въ провинціи. По преимуществу молодежь. Ежедневно газетная хроника превращаетъ завершеніе чьей-либо жизни въ мелкій газетный фактъ.

На самомъ дѣлѣ во всей тысячной массѣ самоубійствъ Шопенгауэръ врядъ ли нашелъ бы хотя одного приверженца. Даже небольшое количество тѣхъ, которые покончили съ собой въ пресыщеніи и пустотѣ, въ тягостной Taedium Vitae, философу не дали бы ни одного примѣра побѣды освобожденнаго отъ инстинктовъ и вожделѣній интеллекта.

Въ громадномъ большинствѣ тѣ, которые самовольно уходятъ отъ жизни, сведены въ могилу страшнымъ, ненасыщеннымъ *голодомъ жизни*. Звучитъ парадоксально: они умерли, потому что слишкомъ хотѣли жить. На самомъ же дѣлѣ это именно такъ. Слѣпые и страстные

поклонники обманчивой Майи, они надорвались въ мукахъ неосуществленій, обезсилѣли въ порывахъ, и пали все-таки рабами той же Майи, страшно жаждая жизни и не прикасаясь губами къ ея чашѣ.

II.

Потому-то въ этихъ строкахъ, основная тема которыхъ—смерть, мнѣ придется гораздо больше говорить о жизни, чѣмъ о смерти.

Нѣтъ явленій безъ причины. Колоссальная цифра самоубійствъ есть, несомнѣнно, вѣсть о чемъ-то, знаменованіе кровавое и удручающее. Но почему именно въ наши дни такъ страшно увеличилось число самоубійцъ? Ужели мы задыхаемся теперь сильнѣе, чѣмъ въ сѣрую дореволюціонную эпоху „малыхъ дѣлъ“ и чеховщины? Откуда прорвался этотъ напоръ массовой человѣческой воли, смертью протестующей противъ мертвечины жизни? Быть можетъ, это слѣдствіе психическаго размаха, волевой энергіи 1905 года, слабое отраженіе этого размаха? Вѣдь по сравненію со спячкой въ болотѣ, съ косной примиренностью въ немъ самоубійство кажется хотя и въ слабой степени, но все-же проявленіемъ активности.

Во всякомъ случаѣ, на нашей общей человѣческой совѣсти лежатъ тысячи такихъ убійствъ. При жизни этихъ обреченныхъ не услышали. Но вотъ послѣ смерти предсмертный крикъ ихъ записокъ и жалобъ на минуту рѣжетъ нашъ слухъ. Это—утопающіе. Мы живемъ такъ, что не можемъ всѣ держаться на поверхности жизни. Среди насъ одни живутъ, другіе тутъ же на глазахъ гибнутъ. Это никому не мѣшаетъ жить.

И по преимуществу рветъ нетерпѣливо нити своей

жизни молодость. Она горда и непримирима. И главное—она слишкомъ сильна бьющимъ въ ней потокомъ жизненной жажды и влеченій, чтобы медленно и тоскливо влачиться по колеямъ нужды, робкихъ ожиданій, безсильныхъ грезъ, безцвѣтныхъ, сухихъ, мертвыхъ дней. Сердце молодости бьется страстно; ей необходима жизнь, прибой ея уносящихъ волнъ. Она не можетъ ждать и ждать, она умираетъ отъ этого. Всѣ тѣ ушедшіе—они не могли больше ждать, не выдержали ожиданій. Еще день голода, еще день пустоты, оброшенности, безсилія,—и вотъ наступаетъ послѣдній почему-то день... За нимъ, правда, мерещатся призраками еще такіе же сѣрые, пыльные, страшные мертвой тоской дни. Но юность кричитъ: „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не хочу, не могу больше!... И захлопываетъ дверь въ пространство этихъ дальнѣйшихъ проклятыхъ Богомъ дней, съ великой тоской въ душѣ рѣшая, что надѣяться больше не на кого: ни на Бога, ни на людей. Дорога жизни упирается прямо въ смерть.

Нужно считаться еще съ особой психической атмосферой юности, съ особымъ безуміемъ ея, отъ котораго не избавленъ никто, съ ея смутнымъ, но тайно мерцающимъ въ каждой душѣ сознаніемъ какого то непреложнаго величія человѣческаго „я“. Вѣдь мы только въ старости обычно продаемъ свое таинственное первородство, свои великія достиженія за чечевичную похлебку удобствъ и пріятностей. Переходъ отъ молодости къ зрѣлости всегда характеризуется уменьшеніемъ требованій, спускомъ въ какія-то ямины. Молодость часто безумна въ гордомъ сознаніи истинно-королевскаго величія своей поэзіи, своей романтики и не хочетъ унизить этого величія въ пыли и грязи жизненной мертвечины. Только въ молодости *мы вѣримъ не разсудочно, а безсознательно въ ка-*

кое-то безпредѣльное призваніе человѣка, въ невидимую корону, которая вѣнчаетъ его молодость, его порыванія, его неосуществленную силу. И потому-то неразсчетливая, непрактичная юность производитъ совершенно безумные математическіе разсчеты: она сравниваетъ то, что есть, съ тѣмъ, чего нѣтъ, дѣйствительность съ мечтой, реальность съ призракомъ. Въ итогѣ: продолжать жить невыгодно, ибо это плохая сдѣлка—промѣнять тронъ Духа на кресло столоначальника. И этотъ фантастическій итогъ вопіетъ противъ мертвой силы будней, сметающей всѣ итоги и разсчеты мечтателей.

Въ старости мы умнѣе, тогда мы страшно бережливы и считаемъ не тысячи, а копейки жизни. И сравниваемъ не мечту съ реальностью, а небытіе съ реальностью и въ выборѣ между „кое-чѣмъ“ и „абсолютно ничѣмъ“ рѣшаемъ взять хоть кое-что.

Но это потому, что въ старости нѣтъ вокругъ человѣка такой грозовой, безпокойной, страшно волнующей душу атмосферы. Не обвѣваютъ его тогда крылья какихъ-то восторженныхъ влеченій, не томитъ его та музыка романтики, которая присуща человѣку, какъ одна изъ вѣчныхъ сторонъ его духа.

Съ молодостью же всегда неразлучны лирика и поэзія вообще; ни одинъ лавочникъ, ни одинъ крестьянинъ не выходятъ изъ магическаго круга жизненной лирики, переворачивающей вверхъ дномъ всю обычную жизненную математику. Если нужны доказательства власти лирики въ жизни вообще, то стоитъ только вспомнить о власти въ жизни всѣхъ тѣхъ чувствъ, которыя въ уменьшенной своей силѣ входятъ въ лирику, какъ ея содержаніе.

Но есть еще одно могучее для юныхъ душъ побужденіе къ смерти.

III.

Я уже говорилъ о томъ, что уходятъ изъ жизни не потому, что жизнь бѣдна, а потому, что она волшебно богата и мучаетъ душу своей недостижимостью. Что уходятъ именно жаждущіе съ воспаленнымъ отъ жажды ртомъ. Это не отрицаніе жизни, но отрицаніе себя, въ своей слабости, передъ ея богатствомъ и мощью. „Жизнь сказочна, а я слабъ и валяюсь въ пыли—скажетъ такой уходящій,—во имя самой жизни я долженъ уйти, чтобы не искажать ея".

Близко къ этому аргументируетъ герой „Разсказа о Сергѣѣ Петровичѣ" Л. Андреева. Жизнь—для побѣдителей; я—падающій и я самъ себя толкаю.

Эти Сергѣи Петровичи, неподготовленные и слишкомъ бѣдные для жизни, они какъ-то не достигли полнаго роста человѣческаго „я". Они остались, къ величайшему своему ужасу, неосуществленными, полуживыми. Въ нихъ жизнь, ея формированіе, ея ростъ на половинѣ пути остановились. Въ результатѣ—тоскующіе о своемъ безсиліи карлики, которые торопятся уйти отъ своего безобразія, отъ своего безсилія въ успокаивающую и всѣхъ равняющую тьму небытія.

Смерть—здѣсь какое-то возстановленіе равновѣсія, кощунственно нарушеннаго закона жизненнаго баланса.

Нѣтъ ничего болѣе противоестественнаго и кошмарнаго, чѣмъ эта обреченность живого существа на полужизнь, на полусуществованіе, на трату $^1/_{1000}$-ной своихъ силъ. Эта кастрація души, кастрація жизни заставляетъ бѣшено возмущаться всю натуру человѣка, рвать преграды, биться головой о каменныя стѣны, чтобы

ужъ потомъ въ совершенномъ отчаяніи затихнуть и начать тупое, мертвенное прозябаніе вмѣсто жизни.

Человѣкъ призванъ къ радостной стихійной растратѣ своихъ силъ, онъ долженъ брать жизнь и отдавать ей всего себя: силу своего мозга, своей души, созданія творчества, энергію физическую и духовную. Въ недѣланіи все живое задыхается, ибо всему живому опредѣленъ законъ роста, движенія, осуществленія. Какъ вѣтка, которая, наливаясь весенними соками, не покрывается молодыми листьями, въ которой свѣтъ и тепло воздуха рождаютъ одно лишь смутное и безнадежное усиліе къ расцвѣту, къ проявленію созрѣвшихъ въ ней силъ,—такъ молодая, страстная, горячая душа при всѣхъ своихъ алканіяхъ жизни, при всей жаждѣ ея томится полной пустотой своихъ дней, голодаетъ въ неосуществленности своихъ влеченій. Но въ природѣ такихъ извращеній нѣтъ: изъ ростка путемъ неустаннаго жизненнаго движенія вырастаетъ мощное дерево; вѣтка здороваго дерева непремѣнно дастъ почки и листья; скопленіе силъ разрѣшается ихъ тратой, живой энергіей расцвѣта, осуществленія. Каждое здоровое дерево осуществляетъ себя и производитъ все, къ чему оно призвано. Между тѣмъ какъ въ человѣчествѣ милліоны жаждущихъ этого расцвѣта, этого осуществленія своей души томятся великимъ невыносимымъ томленьемъ, жаждая жизни и не находя ея, скопляя силы и не тратя ихъ на жизнь.

Безобразная толчея нашей жизни, человѣческая нестройная сумятица, кошмарная, эгоистическая, тупая, уродуетъ этой жизненной кастраціей милліоны юныхъ душъ. Призванные къ жизни—они не могутъ жить. Побуждаемые изнутри ко всему богатству и полнотѣ жизни, къ счастью труда, къ счастью любви,

вдохновеній, борьбы—они во внѣшнемъ обречены на роковое, убивающее ихъ недѣланіе. Тысячи рабочихъ рукъ, тысячи молодыхъ умовъ, юныхъ и прекрасныхъ душъ оказываются ненужными для жизни, не находятъ никакого приложенія силъ, приперты къ стѣнѣ и не могутъ двинуть ни рукой, ни ногой. Работаютъ другіе и заняли все свободное для движенія пространство. Какъ-будто міръ—маленькая сцена, въ которой роли всѣ буквально заняты. Если вспомнить, какихъ усилій, какихъ кошмарныхъ переживаній стоило расчистить себѣ въ жизни мѣсто для проявленія своего „я“ такимъ громаднымъ людямъ, какъ Гамсунъ, если вспомнить то, что пишетъ Рескинъ о гибели молодыхъ талантовъ, пытающихся пробить себѣ въ жизни дорогу, то не покажется преувеличеннымъ утвержденіе, что нашъ міръ—маленькая сцена, въ которой всѣ роли заняты. Большинство въ этомъ тѣсномъ муравейникѣ задыхается отъ роковой обреченности на пассивность. И сколько молодыхъ душъ, не зная, куда себя дѣть, и не умѣя усмирить бунтующую въ нихъ силу желаній и влеченій, разрѣшаютъ задачу выходомъ, который диктуется отчаяніемъ!

IV.

Только отъ нужды и голода не умираютъ. Фанатики политической борьбы, научной идеи ведутъ порой годами и годами свое полуголодное и восторженное существованіе, озаренное чудеснымъ счастьемъ ихъ душевныхъ удовлетвореній. Если-же голодающіе люди умираютъ, то потому, что мучительнѣе голода физическаго былъ у нихъ голодъ души, которая ни-

чѣмъ не озарялась и не восторгалась. Душевно-жаждущій, душевно-голодный уходитъ изъ жизни, бросая жадные, завистливые взоры на дивныя радости этой жизни. Такая красота, такъ мало ея взято, а онъ умираетъ!.. Природа, любовь, поэзія, скопленная вѣками мудрость... Даже кончикомъ губъ не коснулся онъ этой чаши и повѣрилъ, наконецъ, своей тоскѣ, своей мукѣ, повѣрилъ, что онъ—обреченный, что кто-то отмѣтилъ его знакомъ мученичества, и, повѣривъ, тихонько отошелъ въ сторону отъ жизни, въ тьму...

Кто-то его обрекъ. И такихъ обреченныхъ тысячи. И каждый день сходятъ они въ тьму, каждую ночь вѣрнѣе, потому что больше всего по ночамъ, когда душа съеживается, уходитъ въ себя, отъединяется,—бросаются они въ тьму, дѣлаютъ отчаянный прыжокъ изъ жизни въ смерть. Влачились, влачились по мертвымъ, скучнымъ днямъ, и вотъ хоть разъ, на концѣ дней вспышка, беззавѣтный прыжокъ въ тьму. Всѣ эти самоубійцы, сошедшіе въ мракъ люди, не одолѣвшіе своего отчаянія, подтверждаютъ и какъ бы кричатъ намъ одно: Жизнь должна быть героична! Бойтесь вашего спокойствія, бойтесь смиренномудрія, тишины и благополучія, въ нихъ скопляются отчаянье и силы порыва, взрывы живой человѣческой воли, которая направлена если не къ жизни, то къ смерти. Ибо воля къ смерти здѣсь цѣликомъ обусловлена волей къ жизни, ею продиктована, ею вызвана. Умираютъ, потому что хотятъ жизни, умираютъ, потому что не вѣрятъ въ порабощеніе жизни буднями, потому что протестуютъ и бунтуютъ противъ нихъ, не пріемлютъ ихъ. Молодость взыскуетъ града... Смертью своей насильственной она утверждаетъ права человѣка на высшее, на предѣльное, на прекрасное... Въ природѣ молодости лежитъ особый ферментъ, особое

тревожащее бродильное начало. Не относятъ ли исключительно къ молодости всѣ иллюзіи, всѣ химеры, всѣ мечты, всѣ призрачныя порыванья? Особый родъ психической одержимости отличаетъ юность; она въ лучшей своей части живетъ въ какомъ-то платоновскомъ безуміи, ея міръ, ея дѣйствительность — это особый лирическій, химерическій міръ. Но подумайте о томъ, съ какой страшной убѣдительностью заставляютъ насъ считаться съ этой химерической дѣйствительностью!. Ее вѣдь доказываютъ самой смертью. Не безуміемъ ли было бы махнуть рукой на эту грозовую вѣчно тревожную область нашей жизни, рождающую и героизмъ, и вдохновеніе, считаясь со всѣмъ въ ней какъ съ дѣтскими химерами? Да, вѣдь, нашу-то жизнь, размѣренную, текущую подъ знакомъ разсудка и спокойствія, часто вверхъ дномъ переворачиваютъ эти бури, рожденныя огнемъ и тревогой юности. И всѣ вдохновенія пророковъ и поэтовъ, сохраняющихъ и въ старости подъ сѣдинами огонь и трепетъ вѣчной юности, они оттуда же, изъ этой области иной, необыденной дѣйствительности.

Порою вѣютъ какіе-то особые вѣтры мучительнѣйшихъ душевныхъ влеченій, обвѣвающіе молодыя души тоской по невозможнымъ достиженіямъ. Вспомните эпидемію самоубійствъ послѣ гетевскаго „Вертера“. Неопредѣленная романтика, смутная музыка невѣдомыхъ чувствъ побуждала, звала къ чему-то въ жизни недостижимому. Химеры оказывались въ тысячу разъ сильнѣе реальной дѣйствительности: вѣдь ею-то и пренебрегали, ее-то и бросали ради химеръ, страстно отзываясь на призывъ какой-то томительной, невѣдомо откуда звучащей музыки. Кончали съ собою дѣвушки и молодые люди. Это все тотъ же неутолившійся голодъ души, жаждущей какихъ-то предѣль-

ныхъ удовлетвореній. И если въ наши дни кончали съ собой послѣ книги Вейнингера, если убиваютъ себя въ нуждѣ, въ тоскѣ, въ безсиліи или въ мукахъ томленіяхъ любви, то неужели-же нужно доказывать, что эти срывы въ пропасть есть что-либо иное, чѣмъ проявленія власти души? Представьте себѣ власть только инстинктовъ тѣла,—тогда передъ бѣднякомъ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ остаются нищенство, ночлежные дома, ночи въ баркахъ и сараяхъ, случайный трудъ и при этомъ столько мелкихъ физическихъ удовлетвореній отъ каждаго стакана горячаго чая или сбитня, отъ каждаго теплаго угла. Я не хочу этимъ сказать, что только натуры низменныя соглашаются сойти на эти послѣднія ступени людской жизни,—условія подобнаго существованія выносятъ и натуры исключительно одаренныя, живущія съ темнымъ сознаніемъ своихъ внутреннихъ силъ и вѣры въ осуществленія. Диккенсъ, Гамсунъ, Андерсенъ, Горькій, Уитманъ и др. проходили такую тягчайшую школу жизни.

Но есть натуры, для которыхъ подобная жизнь влечетъ за собой душевную смерть. Представьте себѣ въ условіяхъ жизни босяка и рабочаго Шопена, Чайковскаго, Шелли, Роденбаха. Сколько такихъ, слишкомъ нѣжныхъ душъ, такихъ Шопеновъ и Роденбаховъ погибли, не имѣя возможности осуществить себя, жить своимъ истиннымъ „я“ и предпочитая спасти свою душу отъ темныхъ ямъ жизни въ холодной и чистой усыпальницѣ смерти

Не является ли настоящей отрадой для такой задавленной въ тяжкихъ условіяхъ жизни души вспыхнуть огнемъ протеста, самоволія,—радостнаго самоволія, позволяющаго роскошь опасной и успокоительной игры съ жизнью и смертью?..

Ходить надъ бездной—это своеобразное наслажденіе для каждой души, отмѣченной даромъ тревожныхъ, вѣчно зовущихъ куда-то юношескихъ силъ. Есть очарованіе и есть великій соблазнъ въ этой игрѣ, обѣщающей свободу отъ того, что есть, и волнующей надеждой на дали и тайны. Многіе изъ крупныхъ писателей, артистовъ, музыкантовъ бродили по самому краю этой бездны и чувствовали призывъ ея, откликаясь въ юношескихъ попыткахъ самоубійства.

Вспомните, съ какимъ острымъ наслажденіемъ игралъ со смертью Лермонтовъ, любившій при жизни встрѣчать жуткій взглядъ смерти и павшій жертвой своей отчаянно-смѣлой игры. Эту ставку на жизнь Лермонтовъ любилъ дѣлать предметомъ художественнаго воспроизведенія. Этотъ геніальный поэтъ, дающій смутно разгадать въ поэмахъ и стихахъ изумительныя особенности его сложной души, вѣчно порывающейся и содрогающейся въ этихъ порывахъ,—Лермонтовъ какъ-будто безсознательно утверждался на предвидѣніи иныхъ чудесныхъ міровъ для новыхъ существованій. И самый рискъ его, порыванья и взлеты — словно отклики на призывы новыхъ міровъ, заставлявшіе такъ безумно рисковать тѣмъ міромъ, въ которомъ онъ жилъ и творилъ.

Объ этой же исполненной мрачнаго вдохновенія игрѣ со смертью говоритъ въ своихъ твореніяхъ Пушкинъ. Великій поэтъ относительно предположенія, высказаннаго о Лермонтовѣ,—предвидѣнія міровъ иныхъ —ставитъ точку надъ і. Онъ прямо говоритъ объ этомъ:

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья,
Безсмертья можетъ быть залогъ,
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ!

Для тѣхъ, чье существованіе бываетъ волнуемо свѣжими и опьяняющими вѣтрами порывовъ и влеченій, кто въ погонѣ за цѣнностями высшими, единственными пренебрегаетъ мѣдной мелочью скучныхъ дней, — для тѣхъ какой-то родственной душѣ вѣстью звучатъ слова поэта:

Есть упоеніе въ бою
И грозной смерти на краю
И въ разъяренномъ океанѣ.
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы.

Какъ я уже высказался однажды, для человѣческаго я, жаждущаго охватить все высшее содержаніе жизни и страдающаго неполнотой этого содержанія,— смерть кажется какимъ-то дополненіемъ жизни, пріобщеніемъ одной тайны къ другой: тайны смерти къ тайнѣ жизни. Сущность евангельскаго благовѣстія заключается именно въ этомъ ожиданіи того откровенія, тѣхъ высшихъ осуществленій человѣческаго я, которыя обѣщаны Великимъ Благовѣстникомъ въ ожидающихъ насъ даляхъ смерти.

V.

Для того, чтобы эти дали прояснѣли и засвѣтились тихой призывающей зарей, необходимо, чтобы для сознанія нашего „сегодняшнее“, здѣшнее содержаніе жизни начало скудѣть и мелѣть. Приливы чередуются съ отливами. Тамъ, гдѣ убываютъ живыя воды жизни, эта послѣдняя начинаетъ казаться мертвой, высыхающей пустыней, и сознаніе приковывается къ тихимъ, безконечнымъ далямъ, радуясь ихъ призывамъ.

Если въ расцвѣтѣ силъ, въ буйствѣ сильной воли и жизненныхъ порывовъ мы играемъ съ жизнью и смертью, то это торжество жизни, а не смерти. И самые призывы, которые въ этой безумной игрѣ чудятся, волнуютъ именно обѣщаніями какихъ-то безграничныхъ проявленій душевной воли. Совершенно иное дѣло то очарованіе могильнаго сумрака, запаха кимерійскихъ усыпляющихъ травъ, неподвижнаго покоя для души, о которомъ мечтаютъ пѣвцы сумерекъ, воздающіе хвалу мраку. Такого рода настроенія могутъ создаваться только убылью непосредственной жизни, оскудѣніемъ воли къ жизни, отливомъ ея водъ.

Фанатики вѣры ждутъ въ смерти жизни. Смерть— врата въ подлинную осуществившуюся жизнь. Пѣвцы сумерекъ жаждутъ холодной, бездыханной упоительной Нирваны, божества таинственнаго уничтоженія и поглощенія міровымъ Всѣмъ.

Вотъ почему для людей вѣры и духовныхъ порываній смерти абсолютно нѣтъ. Смерть и жизнь другъ друга исключаютъ. Для истинно-живущихъ смерти нѣтъ, и они не могутъ помыслить уничтоженіе, ибо каждый день ихъ жизни является какой-то цвѣтной, радостной волной играющей и переливающейся своими отсвѣтами и красками, которую черный лучъ смерти не пронижетъ И, повторяю, даже безумная игра съ жизнью здѣсь будетъ знаменовать лишь радостное буйство жизненныхъ силъ и алканье новыхъ безграничныхъ проявленій душевной воли.

Смерть славословятъ и молятся ей, — какъ отрадному мраку, какъ счастью безжизненности,— безкровные, усталые, изошедшіе жизнью, чья нѣжная душа или истомлена и измучена или, какъ у Роденбаха

отъ рожденія чаетъ безмолвной музыки тьмы и небытія. Тѣ, чьи сердца вѣчно бьютъ и ранятъ грубыя волны жизни, кто жаждетъ тихихъ и недвижимыхъ стигіискихъ водъ, въ сумракѣ которыхъ застынетъ и найдетъ исцѣленіе покоя усталая душа, поютъ смерти—уничтоженію—радостный призывающій гимнъ:

Воистину благословенъ твой приходъ,
Примиряющій человѣка съ землей и небомъ!
О, какъ сладокъ долженъ быть покой,
Которымъ ты пеленаешь измученную душу!
Покой отъ свѣта и мрака.
Покой безъ муки и наслажденья...
И сладко цѣловать твои бѣлыя одежды
И миромъ ласкающія руки.

(Альманахъ „Смерть“, Вл. Ленскій).

Есть цѣлый рядъ пѣвцовъ, слагавшихъ гимны мраку, чья душа трепетала отъ сладкаго предощущенія вѣчной мистической ночи: Леопарди, Новались, Роденбахъ, Стриндбергъ, у насъ съ большой силой искренности Сологубъ.

Я изберу богиней
Тебя, о, смерть нѣмая,
Тебя любилъ я съ дѣтства,
Въ тебѣ одной я видѣлъ
Любовь и жалость къ міру,
Истерзанному горемъ
Услышь мой необычный
Призывный крикъ не медли,
Смежи мои больные
Печальные глаза.

Леопарди, авторъ этихъ строкъ, призываетъ спасеніе отъ жизни, грезитъ о вѣчной тишинѣ, въ которой утопаетъ шумъ земли. У всѣхъ лириковъ смерти—мотивъ ухода отъ земного томленія, славословіе мраку, избавляющему отъ рѣзкаго свѣта дня.

О, какъ далеко это холодное отрѣшенное самоутвержденіе одинокихъ созерцательныхъ душъ отъ горячей тоски тѣхъ, которые уходятъ отъ жизни неутоленными и жаждущими! Здѣсь смерть не моментъ отчаянья, а какъ бы послѣдняя ступень обдуманнаго и завѣтнаго восхожденія. Здѣсь вѣчныхъ сумерекъ ждутъ и славословятъ ихъ и молятся имъ въ ожиданіи, когда погрузятъ свою душу въ ихъ мягко обнимающій покой.

Ихъ очень немного, — такихъ поклонниковъ мрака, людей съ исключительной организаціей, тихо въ сторонѣ бредущихъ по міру и отворачивающихся отъ всего, чѣмъ полонъ обычный день жизни. У нихъ-то голода жизни нѣтъ,—насборотъ, сознательно отстраняя отъ себя всю пестроту, всю сложность людской жизни, душа ихъ алчетъ того, что *за* жизнью, ибо надъ нею властны вліянія нездѣшняго.

Созерцаніе пустынь смерти, вѣчныхъ судебъ, ожидающихъ насъ всѣхъ и уводящихъ отъ временнаго шума въ вѣчную тишину, еще при жизни такихъ людей словно тихимъ облакомъ покрываетъ ихъ суетный день и тушитъ его интересы и волненія.

Здѣсь какимъ-то культомъ окружается сила уничтожающая, мракъ всепоглощающій. Какъ древнему стоику, доставляетъ глубокое наслажденіе одна мысль объ этомъ окончательно неизмѣнномъ, ждущемъ человѣка рѣшеніи его судьбы, на которомъ можно утвердиться незыблемо. Глубокимъ утѣшеніемъ звучитъ необманывающая надежда:—усталая душа, ожидающая забвенія, знай, что за метаніемъ твоимъ дневнымъ и его тяжестью терпѣливо и неизмѣнно ждетъ тебя добрый безмолвный богъ мрака; онъ приготовилъ мягкія ткани, глубокое ложе, чтобы погрузить тебя въ отраду вѣчной тьмы, надъ которой сомкнулось бездонное

море времени. Смерть не обманываетъ никого, она терпѣливо ждетъ каждаго, и жаждущій предвкушаетъ моментъ ея прихода.

И сладко цѣловать твои бѣлыя одежды
И миромъ ласкающія руки

А философъ себя утѣшаетъ: „Можно отнять жизнь у человѣка, *смерти отнять у него нельзя*“. И, словно подкрѣпляя свою усталую и сомнѣвающуюся душу, Сенека говоритъ: „Выходъ изъ жизни свободенъ“.

Великій ненавистникъ сложнаго и грубаго механизма человѣческой жизни, всего, что въ ней треплетъ, нервируетъ, изламываетъ и обезсиливаетъ человѣка, Стриндбергъ тоже въ утѣшеніе себѣ въ моментъ усталости и отчаянія поетъ пѣснь мраку и забвенію, часамъ сладостнаго временнаго небытія. „Кто замѣтилъ, какъ во снѣ въ мягкой постели всѣ члены тѣла получаютъ какъ бы свободу и душа незамѣтно исчезаетъ куда-то, тотъ никогда не станетъ страшиться смерти“,—говоритъ онъ. Среди всего ужаса опошленія и униженія человѣческой души въ мелкихъ болотахъ жизни—куда уйти, куда спрятаться, въ чемъ найти забвеніе, въ какихъ водахъ очистить и освѣжить загрязненную душу, возвращая ей первоначальную божественность и глубину?.. Шведскій романистъ въ жизни такого выхода, такихъ чистыхъ водъ не находитъ. Онъ развертываетъ картины жизни удушливой, грубой, оскверняющей. Одинъ выходъ, одно спасеніе—священная вѣчность мрака, чистота небытія, гдѣ нѣтъ людей, которыхъ ненавидитъ Стриндбергъ, и нѣтъ кошмаровъ человѣческой жизни.

Нѣжная душа Роденбаха обратилась къ созерцаніямъ смерти, какъ къ богатѣйшему источнику чистыхъ внутреннихъ ощущеній, какъ къ единственной

области, не оскорблявшей его болѣзненно-тонкую впечатлительность. Его герои, какъ и онъ самъ, ужасно страдаютъ отъ крика и шума жизни, они бѣгутъ спасаться отъ нея въ пустыхъ тихихъ храмахъ, въ безлюдныхъ улицахъ умирающихъ городовъ, на высоты башенъ и колоколенъ, въ замкнутости своихъ тихихъ комнатъ. И тамъ слушаютъ жизнь тишины, предметовъ, вещей, явленій природы. Поэтъ былъ словно зачарованъ таинственной музыкой смерти, слышимой имъ изъ тишины, отдаленными погребальными хорами, звуки которыхъ рѣяли во всѣхъ моментахъ его дня. Вѣчная тишина покорила при жизни его душу и утопила въ себѣ всѣ звуки и шумы жизни обычной.

Здѣсь смерть — не пустота, въ которую бросаются отъ тоски и отчаянія, а, наоборотъ, нѣкое исполненное великаго соблазна содержаніе, предпочитаемое пустотѣ жизни.

Но самоубійствъ среди такихъ пѣвцовъ смерти почти нѣтъ; обращенные душевнымъ взглядомъ къ сумраку, они и при жизни наслаждаются музыкой вѣчности, предощущая моментъ своего осуществленія.

VI.

Это неоцѣнимая и страшнѣйшая потеря,— потеря великолѣпной страстной юношеской энергіи, которая волю къ жизни измѣняетъ въ волю къ смерти. Я говорю объ умирающихъ отъ страшнаго жизненнаго голода.

Въ наши дни число самоубійцъ становится поражающимъ. Съ каждымъ днемъ уходятъ все больше. Былъ день, когда телефонъ изъ Петербурга

принесъ извѣстіе о *двадцати* самоубійствахъ *въ одинъ день*. Между покончившими — богатыя дѣвушки, пришедшія въ отчаяніе отъ мелочности жизни, отъ невозможности осуществить мечты „прекрасной“ жизни.

Это потеря драгоцѣнной воли юношеской, жажлы юношеской, энергіи влеченій и порывовъ. Это неоцѣнимая потеря, совершающаяся изо дня въ день.

Отказываются отъ всякой борьбы за свои осуществленіе и—душевно оскорбленные—спасаются въ небытіе. Надорванная, искалѣченная душа человѣка современности сказывается въ этомъ отреченіи отъ веселой и здоровой борьбы съ жизнью. Онъ не говоритъ: Вотъ я плылъ этими медленными и тяжелыми водами, извѣдавъ опытъ одной полосы жизни,—теперь брошусь въ другую. И снова взмахи рукъ, и снова движеніе, и новыми берегами буду плыть и жадно смотрѣть на новое въ жизни. Вмѣсто того, чтобы броситься изъ жизни *въ жизнь*, изъ старой въ новую и опять новую,—изболѣвшійся тоской и отчаяніемъ человѣкъ говоритъ: Нѣтъ, руки мои въ силахъ еще двигаться, но воля моя уже не въ силахъ поднять ихъ и направить движеніе, воля къ жизни съѣдена какой-то ржавчиной, душа изнемогла и увяла. Не на новую дорогу побреду я, а уничтожу всѣ пути и уйду въ отдыхъ, въ несуществованіе, въ смерть.

Здоровый голодъ жизни, понуждающій идти и добывать то, что нужно, здѣсь замѣнился голодомъ послѣдняго отчаянія, уже не призваннаго къ утоленію, голодомъ безнадежнымъ, отъ котораго умираютъ. Такъ происходитъ метаморфоза въ побужденіяхъ, теряющихъ жизнедѣятельную силу и, наоборотъ, обращающихся противъ жизни.

Тамъ, гдѣ смерть, хотя бы самопроизвольная, вызванная отчаяніемъ, тоской и безнадежностью, яв-

ляется насиліемъ надъ душой, жизни жаждущей и умирающей оттого, что ея нѣтъ,—тамъ между жизнью и смертью прокладывается особая дорога, особый переходъ. Онъ подготовляетъ человѣка къ смерти, измѣняетъ его душу, ослабляетъ волю и наполняетъ унынiемъ и безнадежностью, которыя заставляютъ жаждать смерти. Всѣ вошедшіе въ это чистилище — обречены, они уже перегорѣли въ мукахъ желаній и порывовъ и обезсилѣли совершенно.

Чтобы спасти человѣка, нужно спасать душу его отъ этого смертельнаго унынія, отъ тоски, обезсиливающей и гибельной. Волю къ жизни надо спасать, пока она не превратилась въ волю къ смерти.

Массовыя самоубійства — это массовые кровавые протесты противъ жизни, какова она есть. *Это взрывы человѣческой воли, кричащей о жизни иной, неизвращенной, согласной съ побужденiями души и тѣла человѣка.* Мы живемъ наперекоръ душѣ и тѣлу. Весь механизмъ человѣческой жизни—колоссальное созданіе извращенности. Сама природа протестуетъ противъ него, природа души и тѣла.. Тысячи самоубійцъ, уходя, кричатъ намъ: Это невозможно. Такъ жить нельзя. Мы, при всей жаждѣ жить и именно въ силу этой жажды должны уйти, должны не жить!..

Ахъ, онѣ прекрасны всѣ мечты, всѣ утопіи будущихъ великолѣпныхъ формъ жизни, вырастающихъ по законамъ неизбѣжно медленной эволюціи этихъ формъ! Но вѣдь милліоны душъ живутъ въ этотъ моментъ и жаждутъ въ этотъ моментъ. Нельзя жить, надѣясь на глотокъ воздуха черезъ годъ: дышать нужно сейчасъ же. Нельзя жить, надѣясь на жизнь въ какомъ-то смутномъ будущемъ...

Неужели всѣ эти крики жажды, всѣ эти протесты—убійства—одно безуміе, капризъ неразумныхъ мечта-

телей? О, какъ бы резонерски-„благоразумное“ отношеніе къ этому не провалило насъ въ преступную тупость по отношенію къ жизни! Нѣтъ ли капельки самой истины въ безуміи и безумныхъ порывахъ юности? И не говоритъ ли наше странное время самоубійствъ только объ одномъ: *что жизнь ни одной минуты не можетъ быть менѣе свободной, прекрасной и богатой, чѣмъ она должна быть,* и что люди все острѣе и острѣе сознаютъ это?

О САМОУБІЙСТВѢ.

Ю. Айхенвальдъ.

...Вы спрашиваете моего мнѣнія о самоубійствѣ?

Мнѣ трудно высказываться объ этомъ, такъ какъ постороннему наблюдателю чужой смерти можно строить болѣе или менѣе глубокія догадки мотивахъ ея, можно съ большей или меньшей пристальностью вглядываться въ печальную душу, которая обрекла себя на гибель,—но все это будетъ лишь теоретическое разсужденіе; а какъ-то совѣстно разсуждать живому о мертвыхъ и въ спокойномъ размышленіи стоять на берегу той самой рѣки, въ которую теперь одинъ за другимъ, одна за другою бросаются столько молодыхъ мужчинъ и женщинъ, столько людей, едва прикоснувшихся къ жизненному кубку. Трагическая практика нашихъ черныхъ дней такъ ужасна, что передъ ея лицомъ блѣдными показались бы соображенія даже выдающагося философа. Жизнь умнѣе мысли. Да и что мы, живые, можемъ знать, можемъ сказать о тайнахъ смерти и о психологіи тѣхъ, кто нетерпѣливо зоветъ ее, ускоряетъ ея и безъ того не очень замедленную поступь? Вѣроятно, въ душѣ самоубійцы, своеобразно умудренной, происходитъ нѣчто совершенно несоизмѣримое съ тѣмъ, что переживаютъ всѣ остальные люди, которые утромъ встаютъ, вечеромъ

ложатся и хотятъ, чтобы какъ можно дольше продолжался этотъ процессъ существованія, чтобы ихъ ожидала безконечно-длинная чреда все новыхъ и новыхъ „завтра“. И, надо думать, въ обреченной душѣ, которая отказывается отъ завтрашняго дня, совершается нѣчто столь мучительное и страшное, что даже кощунственно приближаться къ ней съ теоріями и претворять ея непостижимыя муки въ равнодушіе обдуманныхъ словъ...

Оттого, если я все-таки отвѣчаю немногими строками на вашъ трудный вопросъ, то не думайте, что я не сознаю, какъ мало соотвѣтствуютъ онѣ загадочности и серьезности дѣла.

Каждый имѣетъ право на самого себя. Поэтому давно уже мыслители, не находящіеся подъ властью традиціи, рѣшительно отвергли поддерживаемое этикой воззрѣніе, будто самоубійца совершаетъ нѣчто беззаконное и нарушаетъ свои обязанности по отношенію къ другимъ. Нѣтъ, если вообще есть у человѣка какая-нибудь собственность, которой онъ можетъ полновластно распоряжаться, такъ это именно—онъ самъ. Давидъ Юмъ и Шопенгауэръ въ своихъ извѣстныхъ трактатахъ о самоубійствѣ горячо защищали его законность. Всякій имѣетъ право уйти. И есть проницательные изслѣдователи человѣческаго сердца, пловцы его глубинъ, которые утверждаютъ, что этимъ правомъ воспользовались бы всѣ, оно соблазнило бы всѣхъ, если бы только можно было питать увѣренность, что смерть это—дѣйствительно конецъ. Мы только потому не убиваемъ себя, что нашъ умъ, чуждый абсолютности, не можетъ сроднить себя съ идеей безусловнаго *ничто*, вѣчнаго покоя. Такъ думаетъ Шекспиръ. Въ его трагедіяхъ самоубійство обычно; вызываютъ его самыя различныя побужденія, и оно,

среди другихъ способовъ—благороднымъ мечомъ римлянина. Брута или Антонія, разрубаетъ Гордіевъ узелъ запутавшихся дней. Не только не имѣетъ оно въ себѣ ничего противоестественнаго, но и, наоборотъ, въ немъ проявляется сама логика: смерть—естественный выводъ и выходъ изъ жизни, неизбѣжное заключеніе ея силлогизма. Оттого Шекспиръ въ уста своего любимца Гамлета, принца датскаго и человѣческаго, влагаетъ эти страшныя слова, смертный приговоръ міру:

Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка.
Безсиліе правъ, тирановъ притѣсненье,
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ? Кто несъ бы бремя жизни,
Кто гнулся бы подъ тяжестью трудовъ?
Да, только страхъ чего-то послѣ смерти—
Страна безвѣстная, откуда путникъ
Не возвращался къ намъ, смущаетъ волю...

Если здѣсь не перечислено все то, что поощряетъ къ самоубійству, то во всякомъ случаѣ названы многіе изъ его покровителей,—личныя и общественныя невзгоды, соціальная неправда, обиженное сердце и то невыносимое, что заслуги разбиваются о презрѣніе презрѣнныхъ. И самое бремя жизни, ноша трудовъ и трудная смѣна дней способны каждаго привести къ добровольной могилѣ. Но вотъ, и она, повидимому, представляетъ собою не конецъ, а только перемѣну и продолженіе. Отъ жизни нельзя избавиться; однажды данная, она уже отъ насъ не уходитъ, и Гамлетъ спрашиваетъ себя:

Умереть? Уснуть?
Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?
Что за мечты на смертный сонъ слетятъ,
Когда стряхнемъ мы суету земную?

Вотъ что дальнѣйшій загражда̀етъ путь!
Вотъ отчего бѣда такъ долговѣчна!

Всѣ уснули бы, всѣ легли бы на отдыхъ, если бы ожно было уснуть „сномъ силы и покоя, какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ“; но горе въ томъ, что удутъ сновидѣнья, что въ нашу ночь ворвется нашъ день, и perpetuum mobile сознанія не прекратитъ своей неугомонной и мучительной работы. Человѣкъ боится не смерти, а безсмертія. Что оно такое, это мы узнаемъ въ кошмарные часы безсонницы, которая вѣдь и есть образъ безсмертія на землѣ. Отрада временной смерти, временное самоубійство сна посѣщаютъ насъ каждый день; но и тогда не покидаетъ насъ вѣчная спутница наша, мысль,—она сплетаетъ въ причудливыя арабески сновидѣній все пережитое, все денное, и къ нашему изголовью опять слетаются передуманныя думы и чувства, и давнишнія грезы: кто же поручится, что послѣдній сонъ смерти будетъ свободенъ отъ видѣній, что смерть не будетъ смущена жизнью? Если по ту сторону гроба разстилаются безбрежныя поля если тамъ ожидаетъ насъ адъ или рай, все то же, однажды зажегшееся сознаніе, то какой же смыслъ прибѣгать къ самоубійству? Оно безцѣльно и безполезно; и только потому Гамлетъ на свой классическій вопросъ „быть или не быть?“ долженъ былъ съ грустью отвѣтить утвердительно. Нельзя не быть.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Шекспира и Гамлета, самоубійцы, это—тѣ, которые повѣрили въ абсолютный конецъ, въ сонъ безъ сновидѣній, въ сплошную смерть; это—тѣ, которые не задались мыслью объ ожидающемъ ихъ продолженіи. При зловѣщемъ свѣтѣ такой пессимистической идеи единственная преградъ для всеобщаго, всечеловѣческаго самоубійства, это—

боязнь новаго бытія, а вовсе не солнце, не тепло, не радость жизни.

И если бы даже были побѣждены тѣ конкретные поощрители самоубійства, тѣ его духи-соблазнители, которые названы въ знаменитомъ монологѣ Гамлета, то все-же остаются у добровольной смерти такія чары, которыя всегда могутъ вскружить голову и увлечь любого человѣка въ манящія воды Нирваны. Инстинктъ самосохраненія въ нашей ирраціональной душѣ сталкивается со своимъ противникомъ—инстинктомъ самоуничтоженія. И какъ-разъ тогда, когда хочется жить, когда жизнерадостная молодость бродитъ въ зеленомъ лѣсу, вдругъ изъ-за какого-нибудь дерева выглядываетъ самоубійство и зоветъ къ себѣ, и молодое существо неотразимо устремляется въ его объятія. Значитъ, нельзя думать, будто самоубійцы—непремѣнно тѣ, кто недостаточно освѣщенъ и согрѣтъ солнцемъ, кто ему не сынъ родной, а пасынокъ: нѣтъ, оказывается, въ самую солнечную пору, когда только начинаешь, когда еще очень далеко до усталости,—именно тогда больше всего чаруетъ и плѣняетъ призывъ смерти; нигдѣ она такъ не заманчива, какъ въ разгарѣ жизни. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ мудрый Тютчевъ:

. . . есть другихъ два близнеца,
И въ мірѣ нѣтъ четы прекраснѣй,
И обаянья нѣтъ ужаснѣй,
Ей предающаго сердца.
Союзъ ихъ—кровный, не случайный,
И только въ роковые дни
Своей неразрѣшимой тайной
Обворожаютъ насъ они.
И кто, въ избыткѣ ощущеній,
Когда кипитъ и стонетъ кровь,
Не вѣдалъ вашихъ искушеній,—
Самоубійство и любовь?

Нѣтъ большаго утвержденія жизни, чѣмъ любовь: она хочетъ жить не только за себя, но и за другихъ; она патетически привлекаетъ къ настоящему будущее, то, что еще не родилось: она живое продолжаетъ, и, несмотря на это, именно любовь вступила въ союзъ не случайный, а кровный, — съ самоубійствомъ. Во всемъ содержаніи міра самое родственное, что встрѣтила себѣ любовь, это была смерть. Больше всего хочется смерти тогда, когда любишь. Влюбленные сознаютъ, что они уже взошли на самую вершину бытія, что впереди ожидаетъ ихъ не большее, а меньшее, что сумма дальнѣйшихъ дней уже ничего не можетъ прибавить къ ихъ предѣльному блаженству. И съ улыбкой счастья они умираютъ, они спокойно уходятъ изъ той жизни, отъ которой они уже взяли все Такъ искушенія, одинаково самоубійства и любви, рѣютъ надъ нами, когда царитъ въ насъ „избытокъ ощущеній“, когда „кипитъ и стонетъ кровь“. Горячая кровь болѣе склоняетъ къ смерти, нежели остывающая. Почему же это?

Несомнѣнно, что такіе самоубійцы, какъ Ромео и Джульетта, своей смертью поютъ гимнъ жизни. Несомнѣнно, что тѣ юные, прекрасные и восторженные, которые подпадаютъ тютчевскому соблазну самоубійства, умираютъ не потому, чтобы жизнь казалась имъ скудной и ничтожной, а напротивъ, потому, что она ихъ ослѣпляетъ и заливаетъ драгоцѣнностями своихъ лучей. Она рисуется имъ огромной, неслыханной, поразительной; себя же сравнительно съ нею они ощущаютъ какими-то сосудами скудельными. Имъ страшно, что они не вмѣстятъ жизни. У нея гигантскія чувства, царственная любовь, титаническія мысли; такъ много нужно сдѣлать, такъ она требовательна, такъ трудно быть достойнымъ ея, — и вотъ изъ уваженія къ ней и изъ сознанія собственной малости вычеркиваешь себя

изъ ея списковъ. Ее переоцѣниваешь, себя недооцѣниваешь. Есть такое самоубійство, порожденіе идеализма: это—жертвоприношеніе на алтарь великой богини, Жизни, это—религіозный актъ смиренія и подвижничества.

Наконецъ, существуютъ обиженные, обездоленные, которымъ природа дала жизнь, но забыла дать любовь къ жизни, одушевленное стремленіе къ ней, и для которыхъ она зажгла солнце внѣшнее, но не создала соотвѣтственнаго ему внутренняго солнца. Они все окутываютъ въ темную вуаль своей меланхоліи; грустящіе, непривѣтливые, безочарованные, они не испытываютъ той нормальной радости, которая есть уже въ томъ, что живешь и дышишь, и смотришь на свѣтъ Божій. Имъ трудно переносить самые обычные факты повседневности, монотонное повтореніе однообразныхъ происшествій, неутомимый бой жизненныхъ часовъ: Капель жизни удручаетъ ихъ, и на впечатлѣнія они отзываются тоской. Лишніе люди, они считаютъ лишнимъ и самый міръ. Поскольку они отвергаютъ его сознательно, они являются дерзновенными критиками Зевса. Вѣдь онъ, сотворивъ вселенную, остался ею такъ доволенъ, и пессимисты, особенно Шопенгауэръ, не могутъ простить ему, что онъ похвалилъ самого себя и, оглядѣвшись кругомъ, сказалъ: panta kala lian („все очень хорошо“). На эту высокую оцѣнку самоубіца отвѣчаетъ скукой. Воздвигнуты для него горы, зажжены солнца и звѣзды, распростерты моря и рѣки, и зеленыя нивы,— а онъ ото всей этой роскоши отворачивается. Богъ доволенъ, онъ недоволенъ. И какъ недочитанной, закрываютъ неинтересную, опостылѣвшую книгу такъ онъ уходитъ до конца представленія,—„почтительнѣйше возвращаетъ билетъ“.

Шопенгауэръ думаетъ даже, что пренебреженіе къ

міру можно повести еще дальше,—т.-е. остаться въ мірѣ. Надо жизнь не удостоить самоубійства. Кто кончаетъ съ собою, тотъ уже этимъ обнаруживаетъ извѣстную послѣдовательность и то, что онъ жизнь принимаетъ всерьезъ, ее уважаетъ и предъявляетъ къ ней, къ ея мнимой осмысленности, какія-то опредѣленныя требованія: самоубійца, изъ тѣхъ, о комъ говоритъ Гамлетъ, не самую жизнь отклоняетъ, а лишь данныя формы ея, данныя условія, которыя онъ признаетъ для себя непріемлемыми. Между тѣмъ, кто міръ презираетъ, но, презирая и логику, пальцемъ о палецъ не хочетъ ударить, чтобы сбросить жизнь со своихъ плечъ, какъ досадное бремя, тотъ явно провозглашаетъ этимъ, что все, и онъ самъ, — сплошная безсмыслица и что нечего было одобрять твореніе и хвалиться творцу.

Такъ въ самоубійствѣ не есть ли извѣстная красота—красота человѣческой гордости? Я буду жить не столько, сколько можно, а сколько я хочу,—заявляетъ самоубійца; онъ не проситъ отсрочки. Но жизни въ ея огромности это все равно; она, должно быть, и не слышитъ подобныхъ заявленій; ей нечего бояться изсякновенія, и свои выходныя двери она держитъ всегда настежь. Втунѣ пропадаетъ наша гордость, и никто, никто не замѣчаетъ, что мы добровольно ушли. Наше самоубійство ничего никому не доказываетъ, и нашего протеста, написаннаго собственной кровью, никто не прочтетъ.

Итакъ: нѣтъ вины на самоубійцѣ, и если бы даже она была, то въ ней заключается уже и наказаніе. Далѣе: нѣтъ въ самоубійствѣ ничего философски-необоснованнаго, и трудно что-либо возразить противъ него. Напротивъ, оно всегда право; оно дѣйствуетъ по закону достаточнаго основанія. Если же

все-таки вѣсть о самоубійствѣ насъ потрясаетъ, то лишь потому, что оно свидѣтельствуетъ о предѣльности несчастья, до котораго дошелъ человѣкъ, и потому, что, правое передъ разумомъ, самоубійство неправо передъ инстинктомъ. Умереть логичнѣе, чѣмъ жить, и въ томъ, чтобы умереть по собственному выбору и въ добровольно назначенный срокъ, нѣтъ никакого нарушенія раціональности. Но за жизнь говоритъ то, что сильнѣе раціональнаго: за нее говоритъ ирраціональное. Оправдать жизнь невозможно, но зато возможно жить. И то, что жить хочется,—это дѣлаетъ лишнимъ всякое оправданіе и обоснованіе. Хотя и есть въ насъ, какъ мы уже упоминали, сила самоуничтоженія, но, какъ правило, надъ нею всегда преобладаетъ сила самосохраненія. Самоубійство—исключеніе изъ правила. И долженъ совершенно запутаться въ лабиринтѣ жизненномъ человѣкъ, чтобы за Аріаднину нить принять роковую нить Парки.

Ничтожны всѣ доводы противъ самоубійства, кромѣ того, который называется: жизнь. Если она не удержитъ отъ добровольной смерти, то кто же? Если она не уговоритъ, то большей убѣдительности никто и ничто не представитъ.

Къ счастью, она убѣдительна, и отъ многихъ устъ, какъ отъ устъ Фауста, отрываетъ она, звономъ своихъ колоколовъ, отравленный фіалъ. Не даромъ, не зря, не безслѣдно каждый день восходитъ солнце: оно возобновляетъ нашу энергію и остается въ нашемъ организмѣ, въ нашей душѣ.

Если жить не хочется, то съ этимъ ничего не подѣлаешь. Но если жить хочется, то не мудрѣе ли всего слушаться этого голоса и осуществлять „волю къ жизни“? Вѣдь надо помнить, что жизнь мы застали, мы уже нашли себя въ живыхъ: не признакъ ли это,

что именно здѣсь—исходная точка, что отсюда надо отправляться и что надо идти дальше, впередъ, а не назадъ?

Скажемъ еще разъ. несчастье или томленіе духа или неувѣренность въ собственныхъ силахъ все это: аргументъ за самоубійство, и не только на послѣднемъ судѣ, но и на судѣ логики самоубійца оправдаетъ себя. Но если бы онъ могъ знать, какой стонъ ужаса, какую жалость, какое недоумѣніе и горе вызываетъ его смерть у тѣхъ, кто еще остался въ живыхъ; если бы тамъ, куда онъ ушелъ и гдѣ онъ можетъ уже смерть и жизнь сравнить, онъ увидѣлъ впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на всѣхъ своихъ физическихъ и нравственныхъ сосѣдей,—то, можетъ быть, оно удивило бы его и показало ему, какъ живымъ хочется жить, и тогда онъ внимательнѣе прислушался бы къ самому себѣ и провѣрилъ бы себя, точно ли ему не хочется жить, точно ли погасло въ немъ всякое любопытство къ существованію? Вѣрнѣе всего, что тамъ, за фатальною межой, которой вновь уже нельзя перешагнуть, онъ убѣдился бы, какъ много въ немъ еще интереса къ жизни, радости бытія, какъ безвременно поторопился онъ уйти. И тѣ руки, которыя онъ наложилъ на себя, не протянулъ ли бы онъ обратно къ жизни, въ отчаяніи, напрасно и безнадежно взывая о воскресеніи?

Въ ту минуту, когда положила Анна Каренина свою красивую черноволосую голову на рельсы, „она ужаснулась тому, что дѣлала“; и „она хотѣла подняться, откинуться“; но „что-то огромное, неумолимое толкнуло ее въ голову и потащило за спину“, и она почувствовала „невозможность борьбы“. Сама призвавшая смерть, она со смертью хотѣла бороться. И когда она умирала, ее звала жизнь. Это надо бы помнить всякому, кто

хочетъ себя убить. Жизнь поправима, смерть—нѣтъ. И смерть—наша вѣрная рабыня: когда ни позовешь ее, она тотчасъ же откликнется, всегда готовая, всегда къ услугамъ, и въ одно мгновеніе дѣлаетъ она то, чего отъ нея требуютъ. Но жизнь... жизнь—царица: ея не дозовешься; на колѣняхъ молишь ее,—она даже не оглянется, какъ Орфей на Эвридику, она больше никогда не придетъ...

Въ душѣ у каждаго живутъ тѣни родныхъ и близкихъ самоубійцъ. Да простятъ онѣ тѣ, можетъ быть, праздныя слова, которыя говоришь о нихъ! Но если бы онѣ сами могли говорить, то сердцамъ, которыя подпали тютчевскому искушенію самоубійства, куда указали бы онѣ дорогу—къ себѣ или къ намъ, въ смерть или въ жизнь?

Не было бы больше самоубійствъ, если бы люди проникались увѣренностью, что самоубійцы прошлые колѣнопреклоненно стоятъ вокругъ жизни, которую они когда-то отвергли, и славятъ ее, и, убѣжденные, больше чѣмъ кто-либо, взываютъ: Да будетъ благословенна жизнь!

Кажется, что такъ и есть; кажется, что сквозь тишину смерти, въ безмолвіи кладбища, къ живому доносится и отъ самоубійцъ славословіе жизни и жизнедавцу-Зевесу...

Отрывки по поводу юношескихъ самоубійствъ.

Н. Карѣевъ.

I.

Если бы я могъ быть увѣреннымъ, что что-либо мною написанное о самоубійствѣ,—статья или книга,—предотвратило бы хотя кого-нибудь отъ насильственнаго прекращенія своей жизни, я давно бы посвятилъ этому вопросу цѣлый трактатъ или по крайней мѣрѣ теперь бросилъ бы всѣ свои дѣла, чтобы дать въ сборникъ, спеціально посвящаемый самоубійству, что-либо болѣе солидное, нежели эти немногія странички. Каждый день читаешь въ газетной хроникѣ городской жизни по нѣскольку извѣстій о томъ, какъ люди разныхъ положеній и возрастовъ добровольно отправляютъ себя на тотъ свѣтъ, и несмотря на то, что давнымъ-давно все это читаешь изо дня въ день, не можешь къ этому привыкнуть, съ этимъ примириться. Особенно удручающимъ образомъ дѣйствуютъ тѣ случаи, когда всѣ расчеты съ жизнью кончаютъ люди, только-что, собственно, вступающіе въ жизнь,—юноши, подростки, дѣти. Иныхъ изъ такихъ самоубійцъ я зналъ лично, и тогда, конечно, это дѣйствовало наиболѣе сильно; гимназистомъ еще, студентомъ приходилось узнавать, что такой-то товарищъ или другой знакомый сверстникъ собственною рукою прерывалъ свои дни, а позднѣе бывали случаи самоубійствъ и

среди моихъ учениковъ, и всегда вѣсть о томъ или другомъ самоубійствѣ поражала своею неожиданностью, вызывая въ то же время вопросъ: зачѣмъ и неужели не могло быть иначе?

Самоубійства среди молодежи, самоубійства юныхъ существъ, передъ которыми вся жизнь еще впереди, кажутся особенно чѣмъ-то чудовищнымъ, чѣмъ-то непонятнымъ и въ то же время и жалкимъ, и досаднымъ. Нерѣдко мотивъ, если онъ извѣстенъ, бываетъ такимъ незначительнымъ, такимъ неважнымъ передъ громадностью и непоправимостью факта. Какъ не можешь примириться съ существованіемъ смертной казни, такъ еще менѣе можешь примириться съ тѣмъ, что вообще люди себя убиваютъ, а въ частности и особенности могутъ убивать себя только-что вступающіе въ жизнь. Одинъ мигъ — и прерывается молодая жизнь иногда подъ вліяніемъ преходящаго настроенія, мимолетнаго аффекта, безъ достаточно яснаго пониманія того, что человѣкъ дѣлаетъ съ самимъ собою!

Я очень хорошо знаю, что весьма часто на этотъ шагъ толкаютъ семейныя и школьныя невзгоды, служащія печальными показателями того, чѣмъ часто бываетъ по отношенію къ подрастающимъ поколѣніямъ семья и школа. На этой почвѣ разыгрываются цѣлыя трагедіи, выходъ изъ каковыхъ иногда юному существу и кажется только въ пулѣ, въ петлѣ, въ какомъ-нибудь ядѣ, но, вѣдь, нерѣдко же бываетъ и такъ, что и не Богъ вѣсть какія случайныя непріятности влекутъ за собою такія же ужасныя послѣдствія. Нужно, конечно, чтобы родители, воспитатели или, наприм., хозяева малолѣтнихъ ремесленныхъ учениковъ дѣйствительно были извергами, что бы ребенку, подростку, юношѣ дѣлалась самая жизнь немила, но вѣдь рядомъ есть и другіе случаи, когда, въ сущ-

ности, изъ-за пустяковъ, изъ-за вздора гибнетъ молодое существо, само на себя накладывающее руки. И жалко бываетъ, и досадно; жалко тѣхъ больше, кого такъ непривѣтливо встрѣтила жизнь; досадно больше на тѣхъ, кто переоцѣниваетъ жизненныя непріятности. Къ послѣдней категоріи относится и громадное большинство случаевъ такъ-называемой несчастной любви, столь скоро иногда переходящаго чувства или случаевъ стыда за какой-либо некрасивый поступокъ, и опять ставишь себѣ вопросъ: неужели впереди не было никакого просвѣта, не было возможности иного искупленія вины? А эта еще категорія случаевъ, когда мотивъ самоистребленія—въ общемъ недовольствѣ жизнью, когда юноша, едва только отвѣдавшій жизни, уже находитъ ее неинтересною, не стоящею того, чтобы жить, и оставляетъ записку, въ которой говоритъ о томъ, что жить надоѣло, что въ жизни разочаровался, такъ какъ ничего-то она и не стоитъ.

И жаль, и досадно,—жаль жертвъ своихъ пессимистическихъ настроеній, досадно, что этимъ настроеніямъ поддаются, когда впереди могло бы быть еще столько если не радостей жизни, то бодрящаго труда, придающаго смыслъ жизни и составляющаго ея настоящую цѣну,—труда въ смыслѣ дѣятельности, проявленія своего я вовнѣ, участія въ работѣ другихъ и общемъ движеніи къ ставимымъ впереди цѣлямъ. Природа вкладываетъ въ человѣка, сколько-нибудь здороваго и нормальнаго, ту инстинктивную жизнедѣятельность, которую не помню кто очень хорошо обозначилъ какъ „Optimismus ohne grund“. У кого есть отъ природы достаточный запасъ этого безотчетнаго оптимизма, тотъ любитъ жизнь даже тогда, когда она то-и-дѣло его бьетъ, ловко стараясь убѣдить, что на самомъ дѣлѣ у такого оптимизма нѣтъ никакихъ осно-

ваній. Даже жизнь, соединенная съ величайшими невзгодами, лучше смерти, потому что жизнь все-таки есть жизнь, сознаніе, переживаніе, дѣятельность, а смерть есть смерть, т. е. прекращеніе всего, погруженіе въ ничто.

II.

Конечно, чѣмъ старше человѣкъ, тѣмъ ему труднѣе сохранить юношескую жизнерадостность и отвагу, тотъ жизненный Optimismus ohne grund, о которомъ я говорю: какъ-никакъ, суровая дѣйствительность и опытъ протекшихъ лѣтъ подрываютъ почву подъ этимъ оптимизмомъ, но какъ-разъ у молодежи и нѣтъ да и быть не можетъ такого расхолаживающаго опыта. Пессимистическое настроеніе въ юномъ возрастѣ можетъ быть большею частью только преходящимъ результатомъ какихъ-либо частныхъ невзгодъ и неудачъ, которыхъ еще слишкомъ мало для того, чтобы на ихъ основаніи дѣлать прочныя обобщенія, могущія накладывать свою печать на все міропониманіе и поведеніе человѣка. Если въ такія минуты тяжелаго раздумья юношей посѣщаетъ мысль о самоубійствѣ, а иногда и приводится въ исполненіе, то не потому, чтобы она была какъ бы опознанной органической потребностью, какъ бы стремленіемъ самого организма положить конецъ своему существованію, а потому, что уже съ дѣтства люди знаютъ, что сами могутъ, когда захотятъ, убивать себя. Въ такихъ случаяхъ, конечно, самоубійство является естественнымъ концомъ психической болѣзни, коренящейся въ самомъ организмѣ, но мысль, будто каждый самоубійца есть непремѣнно душевный больной, кажется, давно сдана наукою въ архивъ, а потому, когда убиваютъ себя здоровые люди, то прибѣ

гаютъ къ самоубійству лишь по бывшимъ примѣрамъ, о которыхъ слышали.

Мнѣ лично извѣстенъ рядъ случаевъ, когда самоубійство являлось результатомъ заразительности примѣра, внушенія извнѣ, подражательности, да и вообще существуютъ многочисленные факты эпидемичности самоубійцъ. Когда человѣкъ, наложившій на себя руки, оставляетъ записку со стереотипною, прямо шаблонною фразою: „въ смерти моей никого прошу не винить", онъ только подражаетъ цѣлому ряду другихъ самоубійцъ, считавшихъ, что такую фразу вообще полагается писать въ подобныхъ случаяхъ. Есть и другія шаблонныя фразы, то-и-дѣло повторяющіяся въ предсмертныхъ запискахъ самоубійцъ. Во всякомъ случаѣ, это идетъ не отъ природы, не отъ инстинкта, не отъ внутренняго переживанія, а со стороны культурной среды, подражанія, внушенія извнѣ. Самоубійства порождаются, такимъ образомъ, не только объективными условіями существованія, заключающимися въ разныхъ отрицательныхъ сторонахъ соціальнаго строя, которыя дѣйствительно ставятъ нерѣдко людей въ безвыходное положеніе, каковы: голодъ, нищета, безпомощное одиночество и т. п., но и постоянными примѣрами того, какъ люди сами пресѣкаютъ свои дни. Сами же самоубійства порождаютъ все новыя и новыя самоубійства, а юность къ тому же такъ поддается внушеніямъ.

Быть можетъ, были правы тѣ, которые находили, что газетамъ не слѣдовало бы слишкомъ поддерживать практику самоубійствъ постоянными о нихъ публикаціями.

III.

И все-таки я не вижу, какъ бороться со зломъ. Эти бѣглые отрывки должны появиться въ сборникѣ, для

котораго написаны спеціальныя статьи на ту же тему, но я не зналъ содержанія этихъ статей. Все, что я могъ бы прибавить къ сказанному, заключается въ слѣдующемъ.

Причины самоубійствъ, лежащія въ соціальныхъ условіяхъ,—одно, и я ихъ вообще не думалъ разсматривать, но есть и такія причины, которыя имѣютъ характеръ чисто культурный—въ идеяхъ и настроеніяхъ общественной среды. Человѣкъ иногда убиваетъ себя не потому, что положеніе его сдѣлалось безвыходнымъ, а потому, что при подобныхъ обстоятельствахъ многіе другіе такъ поступали. Въ юношескомъ возрастѣ подобные случаи, кажется, особенно часты. Противъ внушеній, производимыхъ постоянно подавляемыми примѣрами, бороться можно только внушеніями, но, конечно, не въ смыслѣ морализированія и устрашеній.

Христіанство объявило самоубійство грѣхомъ, но это, какъ извѣстно, не останавливаетъ руку очень многихъ самоубійцъ, знающихъ, что это—грѣхъ и тѣмъ не менѣе сознательно его совершающихъ. Съ точки зрѣнія независимой этики трудно было бы и придумать какіе-либо доводы противъ лишенія себя жизни, которые были бы неопровержимы для людей, рѣшившихся на самоубійство: все это были бы только однѣ жалкія слова. Общество можетъ посредствомъ уголовнаго закона запретить отнимать жизнь у другихъ и наказываетъ за преступленіе этого закона, но если и само оно не имѣетъ права отнимать жизнь у людей подъ видомъ смертной казни, то во имя свободы человѣческой личности, въ себѣ самой носящей цѣль самого существованія, не имѣетъ права и запрещать кому бы то ни было распоряжаться своею жизнью: недаромъ самоубійство, какъ особый видъ преступ-

ленія, исключено почти изъ всѣхъ уголовныхъ кодексовъ Западной Европы. Да и чѣмъ устрашить самоубійцу? Отказомъ въ христіанскомъ погребеніи? Но вѣдь многихъ не устрашаетъ судьба души въ загробномъ мірѣ, не то, что судьба тѣла, обреченнаго на гніеніе.

Каждому изъ нихъ извѣстны случаи, когда люди, нанесшіе себѣ смертельную рану или принявшіе сильно дѣйствующій ядъ, сразу не умирали и предъ смертью умоляли ихъ спасти, раскаявались въ своемъ поступкѣ, говорили, что хотятъ жить, жить, жить. Такіе случаи не могутъ не производить сильнаго впечатлѣнія, не внушать сомнѣнія импульсивной молодежи. Еще болѣе для развитія задерживающихъ мотивовъ могло бы имѣть значеніе, если бы люди, покушавшіеся на самоубійство и оставшіеся въ живыхъ, съ своей стороны знакомили другихъ со своими переживаніями. Я твердо убѣжденъ, что если бы большая часть покушеній на самоубійство среди, напр., учащейся молодежи не оканчивались смертью покушавшихся, всѣ они потомъ продолжали бы жить и находили бы, что жить стоитъ и нужно, пока смерть не придетъ сама собою. Если это соображеніе имѣетъ хоть самую малую степень вѣроятности, имъ нельзя, думается мнѣ, пренебрегать, хотя бы у насъ и не было полной увѣренности, что средство окажется болѣе или менѣе дѣйствительнымъ. Утопающій хватается и за соломинку.

Соціальныя причины увеличенія числа самоубійствъ сами по себѣ, культурныя условія—тоже особая статья, но нужно дѣйствовать и на индивидуальную психику. Примѣры покушеній на самоубійство, не сразу прекращавшихъ жизнь, а оставлявшихъ достаточно времени для того, чтобы человѣкъ сталъ сожалѣть о своемъ поступкѣ и страстно желать жить, и особенно

примѣры покушеній неудавшихся, послѣ которыхъ люди продолжали жить цѣлые годы и десятки лѣтъ, нисколько не жалѣя, что не умерли, и даже радуясь, что остались живы,—такіе примѣры должны быть противопоставлены тѣмъ, которые дѣйствуютъ, когда люди умираютъ, оставивъ стереотипныя записочки съ просьбами никого въ смерти ихъ не винить или съ заявленіями о разочарованіи въ жизни.

Принятіе и непринятіе міра.

(Отрывокъ изъ книги „О смыслѣ жизни“).

Ивановъ-Разумникъ.

...Если жизнь обладаетъ субъективной осмысленностью, то міръ *можетъ* быть принятъ нами; но отсюда еще далеко до утвержденія, что онъ *долженъ* быть принятъ нами. Доказать этого нельзя; здѣсь логика безсильна; здѣсь область психологіи, а не логики.

Если бы жизнь имѣла объективный смыслъ, то тогда и только тогда была бы возможность оправданія мірового зла. Это прекрасно понимаютъ всѣ сторонники мистической теоріи прогресса. Они разсуждаютъ такъ: для того, чтобы міровое зло могло быть оправдано, жизнь человѣка и человѣчества должна имѣть объективный смыслъ, выявляющійся въ области ноуменальнаго; *слѣдовательно*, жизнь имѣетъ объективный смыслъ... Почему „слѣдовательно“? Потому, что міровое зло *должно* быть оправдано,—такова твердая вѣра послѣдователей мистической теоріи прогресса. Мы не обладаемъ этой вѣрой, а потому и выводы наши получаютъ совсѣмъ иное направленіе. Мы приходимъ къ мысли о субъективной осмысленности жизни, а отсюда и къ ясному сознанію, что *міровое зло не можетъ быть оправдано.*

Жизнь субъективно осмыслена; цѣль ея въ настоящемъ; цѣль эта и критерій субъективной осмысленности жизни заключается въ полнотѣ бытія. Все это прекрасно, но вотъ передъ нами трупикъ утонувшаго

Статья переработана авторомъ для настоящаго сборника.

шестилѣтняго мальчика Василія, черненькаго и тихонькаго сына Василія Θивейскаго; вотъ другой мальчикъ, затравленный собаками звѣря-помѣщика; вотъ убитый камнемъ сынъ Человѣка, съ золотыми, какъ солнечные лучи, кудрями; вотъ передъ нами всѣ жертвы случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II; вотъ, наконецъ, всѣ ужасы нашихъ дней, нисколько не уступающіе ни Филиппу II, ни инквизиціи... Чѣмъ все это можетъ быть оправдано? — Ничѣмъ. Надо имѣть мужество прямо взглянуть въ глаза правдѣ и твердо идти до конца по пути „свирѣпѣйшей имманенціи".

Нѣтъ въ мірѣ мысли, нѣтъ въ мірѣ силы, которая могла бы оправдать міровое зло; если бы даже такое оправданіе было возможно въ области трансцендентнаго, то я заранѣе отказываюсь отъ него и почтительнѣйше возвращаю Господу Богу билетъ на право входа въ міровую гармонію,—такъ говорилъ Иванъ Карамазовъ. Вмѣстѣ съ нимъ мы разъ навсегда категорически отказываемся отъ трансцендентныхъ утѣшеній и остаемся въ области „свирѣпѣйшей имманенціи". Зло имманентно человѣческой жизни, его нельзя *оправдать*; его можно только *принять* или *не принять*. А это какъ-разъ и есть область чувства, а не разсудка, психологіи, а не логики.

Міръ можно или принять,—т.-е. жить, или не принять,—т.-е. умереть. Логическіе доводы и въ томъ, и въ другомъ случаѣ безсильны; здѣсь мы имѣемъ передъ собою два различныхъ психологическихъ типа.

Сначала о людяхъ, не принимающихъ міра. „...Я міра этого Божьяго не принимаю, и хоть и знаю, что онъ существуетъ, да не допускаю его вовсе, — говоритъ Иванъ Карамазовъ Алешѣ.—Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я міра имъ созданнаго, міра-то Божьяго не принимаю и не могу согласиться принять".—„Это

бунтъ",—отвѣчаетъ ему Алеша, на что Иванъ замѣчаетъ: „Бунтъ? Я бы не хотѣлъ отъ тебя такого слова... Можно ли жить бунтомъ, а я хочу жить"... На этотъ разъ правъ однако не Иванъ, а сюсюкающій младенецъ Алеша: дѣйствительно, мысли и чувства Ивана—бунтъ противъ всего существующаго, непріятіе міра. Логическій исходъ такого бунта — самоистребленіе, и самъ Иванъ Карамазовъ это глубоко чувствуетъ и понимаетъ: бунтомъ жить нельзя,—говоритъ онъ. Да, бунтомъ жить нельзя; не принимая міра, можно только умереть. Я знаю,—продолжаетъ Иванъ,—что простая и горькая земная правда заключается въ томъ, что страданіе есть, что виновныхъ нѣтъ, но жить по этой правдѣ я не могу согласиться: „что мнѣ въ томъ, что виновныхъ нѣтъ и что все прямо и просто одно изъ другого выходитъ и что я это знаю — мнѣ надо возмездіе, иначе вѣдь я истреблю себя. И возмездіе не въ безконечности гдѣ-нибудь и когда-нибудь, а здѣсь уже на землѣ"... Но возмездія нѣтъ; Иванъ это знаетъ, а значитъ,—ему остается только истребить себя, потому что бунтомъ жить нельзя.

Однако Иванъ не истребляетъ себя, не доходитъ до логическаго конца; вмѣсто него это совершаетъ надъ собою болѣе послѣдовательный безымянный NN, отъ имени котораго Достоевскій помѣстилъ письмо въ своемъ „Дневникѣ писателя" (1876 г., № 10). Это письмо самоубійцы, объясняющаго, почему онъ истребляетъ себя. Почему же? Потому, что онъ не принимаетъ міра, подписываетъ ему смертный приговоръ, твердо доходитъ до логическаго конца. „Какое право имѣла эта природа производить меня на свѣтъ, вслѣдствіе какихъ-то тамъ своихъ вѣчныхъ законовъ? Я созданъ съ сознаніемъ и эту природу *сознала*: какое право она имѣла производить меня, безъ моей воли на то, со-

знающаго? Сознающаго, стало быть, страдающаго; но я не хочу страдать—ибо для чего бы я согласился страдать?"—такъ начинаетъ онъ свое письмо. Во имя чего ему страдать? Во имя гармоніи цѣлаго? Но какое ему дѣло, „останется ли это цѣлое съ гармоніей на свѣтѣ послѣ меня, или уничтожится сейчасъ же вмѣстѣ со мною". Да къ тому же черезъ нѣсколько мгновеній вѣчности непремѣнно погибнетъ человѣчество, непремѣнно умретъ земля, — во имя чего же страдать? „Въ этой мысли (о грядущей гибели міра) заключается какое-то глубочайшее неуваженіе къ человѣчеству, глубоко мнѣ оскорбительное и тѣмъ болѣе невыносимое, что тутъ нѣтъ никого виноватаго". Но наиболѣе „невыносимо возмутительной" является для него мысль о безсмысленныхъ страданіяхъ безъ всякаго возмездія, о тысячелѣтнихъ, безсмысленныхъ истязаніяхъ человѣка... Всего этого онъ не можетъ вынести, онъ не принимаетъ міра, онъ провозглашаетъ бунтъ, непріятіе міра, его уничтоженіе: „я присуждаю эту природу, которая такъ безцеремонно и нагло произвела меня на страданіе — вмѣстѣ со мною къ уничтоженію. А такъ какъ природу я истребить не могу, то истребляю себя одного"...

Непріятіе міра есть самоистребленіе. И противъ этого безсильны всѣ логическіе доводы. Существуютъ ли безсмысленныя, неоправданныя страданія? Да, существуютъ; почти всегда осмысленная трагедія одного является элементомъ безсмысленной драмы для другого. Трупикъ утонувшаго мальчика, растерзанный собаками ребенокъ, случайно убитый камнемъ человѣкъ,—все это нелѣпыя, безсмысленныя, неоправданныя страданія. „Страданіе есть, виновныхъ нѣтъ",— вотъ земная, человѣческая, тяжелая правда; кто не можетъ, подобно Ивану Карамазову, согласиться жить

по этой правдѣ, кто, слѣдовательно, не принимаетъ міра, тому остается только истребить себя, какъ это и сдѣлалъ безымянный самоубійца,—а намъ остается только молча обнажить голову передъ этимъ фактомъ и признать свое безсиліе переубѣдить такихъ людей логическими доводами.

Но не въ логическихъ доводахъ тутъ дѣло, а въ непосредственномъ чувствѣ, которое сильнѣе всѣхъ разсужденій и которое даже взбунтовавшихся заставляетъ фактически примириться съ міромъ. Отчего, дѣйствительно, такъ рѣдко истребляютъ себя люди на основаніи однихъ логическихъ доводовъ? Отчего не истребилъ себя Иванъ Карамазовъ, вполнѣ ясно понимая, что страданіе есть, а виновныхъ и возмездія нѣтъ? Отчего? Оттого, что непосредственное чувство оказалось сильнѣе его бунта, оттого, что онъ не принималъ міра умомъ, а не чувствомъ. И самъ онъ это сознавалъ. „...Не вѣруй я въ жизнь,—говоритъ онъ Алешѣ,—разувѣрься... въ порядкѣ вещей, убѣдись даже, что все. напротивъ, безпорядочный, проклятый и, можетъ быть, бѣсовскій хаосъ, поразп меня хоть всѣ ужасы человѣческаго разочарованія,—а я все-таки захочу жить и ужъ какъ припалъ къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока его весь не осилю! ...Центростремительной силы еще страшно много на нашей планетѣ, Алеша. Жить хочется, и я живу, хотя бы и вопреки логикѣ. Пусть я не вѣрю въ порядокъ вещей, но дороги мнѣ клейкіе, распускающіеся весной листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ, котораго иной разъ, повѣришь ли, не знаешь, за что и любишь, дорогъ иной подвигъ человѣческій... Клейкіе весенніе листочки, голубое небо люблю я, вотъ что! Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь“... И младенецъ Алеша соглашается съ Ива-

номъ, что „всѣ должны прежде всего на свѣтѣ жизнь полюбить“.—„Жизнь полюбить больше, чѣмъ смыслъ ея?“—спрашиваетъ Иванъ.—„Непремѣнно такъ, полюбить прежде логики, какъ ты говоришь, непремѣнно, чтобы прежде логики, и тогда только я и смыслъ пойму“...

Вотъ путь принятія міра, путь оправданія міра. Объективнаго смысла жизни нѣтъ, міровое зло не можетъ быть оправдано,—и все-таки мы принимаемъ міръ силой непосредственнаго чувства; и опять-таки это непосредственное чувство—неопровержимый психологическій фактъ. Конечно, онъ не общеобязателенъ: у кого центробѣжная сила пересиливаетъ центростремительную, тотъ оторвется отъ земли, отъ жизни, отъ міра, тотъ истребитъ себя; для того одна неоправданная слеза отравитъ всю жизнь всего міра. Но ...центростремительной силы еще страшно много на нашей планетѣ; и эта центростремительная сила—жажда той самой полноты бытія, которая является критеріемъ субъективной осмысленности жизни. Страданія есть, виновныхъ нѣтъ,—такъ всегда было, такъ всегда будетъ; и мы должны или умереть, или согласиться жить по этой тяжелой человѣческой правдѣ. И разъ мы живемъ, то уже этимъ однимъ мы принимаемъ міръ, принимаемъ неоправданное міровое зло...

И стоя на этой почвѣ, я долженъ сказать себѣ слѣдующее: зло—имманентно человѣческой жизни и не можетъ быть осмыслено; всегда были и всегда будутъ безсмысленныя безвинныя человѣческія страданія. Черезъ сотни, черезъ тысячи лѣтъ—всегда, всегда будутъ въ мірѣ безсмысленныя случайности; трагедія и драма неуничтожимы въ человѣческой жизни. Мы будемъ бороться за лучшее будущее человѣчества, мы побѣдимъ раньше или позже все соціальное зло, мы

уничтожимъ всѣ болѣзни, мы сдѣлаемъ всѣхъ людей долголѣтними и здоровыми, мы уничтожимъ все зависящее отъ насъ горе на землѣ:—да будетъ! Но и тогда не одинъ разъ будетъ безумно рыдать мать надъ трупомъ утонувшаго ребенка, и тогда не одинъ разъ случайно упавшій камень разобьетъ жизнь молодого и полнаго силъ существа, и тогда не уничтожится безвинная человѣческая мука. Безвинныя страданія всегда будутъ, міровое зло никогда не будетъ оправдано. Эту правду тяжело сознать, тяжело сказать, но все-же ей надо смотрѣть прямо въ глаза. Если правда эта для меня тяжелѣе жизни, то я не могу больше жить, не могу принять міра; если же я принимаю міръ, то я долженъ принять и эту тяжелую человѣческую правду. Это тяжело, но это необходимо, если я хочу жить.

Остается послѣдній вопросъ: но имѣю ли я *право* жить, разъ рядомъ со мной остается въ мірѣ навѣки неоправданное страданіе? Да, я имѣю это право, потому что и самъ я являюсь носителемъ этого безвиннаго человѣческаго страданія; потому что и на мою голову падаютъ тяжелые удары случайности; потому что не изъ прекраснаго далека принимаю я неоправданное зло, услаждаясь своею „полнотой бытія“; потому что въ эту полноту бытія входятъ и тяжелыя переживанія безвинной человѣческой муки, своей и чужой... И если послѣ этого я принимаю міръ, принимаю жизнь, то это значитъ, что я имѣю право ихъ принять; это значитъ, что хотя объективнаго оправданія міра нѣтъ, но существуетъ субъективное оправданіе жизни. Въ чемъ заключается это субъективное оправданіе—выяснить это должно воззрѣніе „имманентнаго субъективизма“...

Въ заключеніе—нѣсколько словъ къ возможнымъ противникамъ. Эти возможные противники—не сто-

ронники мистической или позитивной теоріи прогресса, съ которыми мы расходимся не только въ возможности, но и въ дѣйствительности; нѣтъ, я говорю теперь не о нихъ, а о тѣхъ, которые еще не пришли ни къ какой догмѣ, которые еще ищутъ отвѣтовъ на карамазовскіе вопросы и которые хотятъ во что бы то ни стало найти на эти вопросы общеобязательный отвѣтъ, а значитъ, найти и объективный смыслъ жизни. Всѣмъ имъ мнѣ хотѣлось бы сказать слѣдующее:

Ваши поиски тщетны,—поймите это разъ навсегда: васъ обманываетъ миражъ, иллюзія. Вы умираете отъ жажды смысла жизни въ пустынѣ мірового бытія, и вашему напряженному взору представляются обманчивые миражи—оазисы въ пустынѣ, зеленѣющія деревья, озера и рѣки живой воды. Все это иллюзіи вѣры,—и если вы повѣрите въ эти кажущіяся отраженія, то вѣчно будете стремиться утолить свою жажду въ недосягаемыхъ, ибо несуществующихъ, источникахъ. Поймите это разъ навсегда,—и вы увидите, какъ иллюзіи и миражи разсѣются и растаютъ подобно утреннимъ туманамъ.

Вы боитесь этого, боитесь, что безъ этихъ миражей вы останетесь въ палящей безводной пустынѣ, вамъ страшно стать лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, вы пугаетесь „свирѣпѣйшей имманенціи“... Если вы настолько слабы духомъ, что самообманъ вамъ дороже правды, то продолжайте утѣшать себя иллюзіями; если же вы хотите правды, а не душевнаго спокойствія, то прежде всего перестаньте пугаться „свирѣпѣйшей имманенціи“, перестаньте искать источниковъ воды за предѣлами человѣческаго горизонта. Оглянитесь,—и вы увидите, что вы ловили собственную тѣнь; вы увидите, что тутъ же около васъ

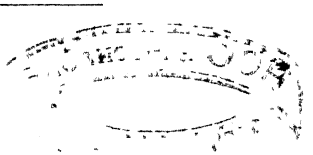
бьетъ ключъ живой воды, мимо котораго вы проходили съ пренебреженіемъ. Вы увидите тогда вокругъ себя не палящую безводную пустыню, а цвѣтущую, зеленѣющую, кипящую ключемъ жизнь; вы поймете тогда, что и сама эта пустыня мірового бытія — только миражъ, только иллюзія вашего раздраженнаго зрѣнія.

И тогда васъ уже не испугаетъ „свирѣпѣйшая имманенція“ того взгляда, который отрицаетъ объективную осмысленность жизни; вы не будете тогда вѣчно бѣжать за будущимъ, цѣпляясь за фалды Божества или Человѣчества. Не на будущее, а на настоящее вы тогда обратите свое вниманіе; вы поймете, что единственный смыслъ нашей жизни—въ полнотѣ ея переживаній, въ широтѣ, глубинѣ и интенсивности бытія. И, понявъ это, вы откроете свою душу всему человѣческому. Вы будете жадно впивать въ себя красоту человѣческаго творчества и будете творить если не поэмы, то самую жизнь, будете, по слову Эпикура, ποιήματα ἐνεργεῖν, δοκ ἂν ποιῆσαι, не писать поэмы, а переживать ихъ. Вы будете цѣнить завоеванія человѣческой мысли, безконечно углубляющія жизнь человѣчества и ведущія къ несомнѣнной побѣдѣ человѣка надъ міромъ, надъ лишеніями, болѣзнями, надъ соціальнымъ зломъ; вы почувствуете себя тѣсно связанными своими непосредственными переживаніями со всѣми людьми и будете вмѣстѣ съ ними бороться за свои субъективные цѣли и идеалы, за воплощеніе въ мірѣ правды-справедливости, правды-истины, правды-красоты. И эта полнота бытія будетъ единственнымъ смысломъ вашей жизни,—другого не ищите; чѣмъ полнѣе, ярче, шире будетъ ваша жизнь, тѣмъ она будетъ осмысленнѣе.

И тогда, умирая, вы не потребуете еще новыхъ за-

облачныхъ переживаній для осмысливанія своей минувшей земной жизни: ваша земная жизнь должна была сама оправдать себя. „Мы страдали, мы хотѣли, мы любили. Мы свершили весь нашъ путь. Не ждемъ ни радости, ни печали“... И если, умирая, мы услышимъ злорадный и насмѣшливый шепотъ Старухъ, напоминающихъ намъ объ объективной безсмысленности всей нашей минувшей жизни, то каждый изъ насъ скажетъ себѣ: „Моя жизнь имѣла ясный субъективный смыслъ. Я жилъ широкой, я жилъ полной жизнью. Я любилъ и ненавидѣлъ, я хотѣлъ, я страдалъ, я боролся, побѣждалъ и погибалъ; въ полнотѣ этихъ переживаній—весь смыслъ человѣческой жизни. Другого смысла мнѣ не надо, если бы даже онъ и былъ. И если жизнь моя дѣйствительно была широкой, яркой и полной, то пусть моя могила служитъ символомъ оправданія человѣческой жизни“...

Только жизнью можетъ быть оправдана смерть. Пусть жизнь каждаго изъ насъ будетъ такимъ оправданіемъ, пусть будетъ наша жизнь яркой, красочной, широкой,—и тогда вопросъ о смыслѣ жизни будетъ рѣшенъ нами въ самой жизни, въ вѣчно-текучей дѣйствительности. Для этого надо каждую минуту, каждый мигъ отвѣчать на призывъ жизни,—на тотъ ея призывъ, который еще Герценъ выразилъ словами: vivere memento!



Содержаніе.

Стр.

Побѣжденный Христосъ и „лунные муравьи". *Епископа Михаила* . . . . . 5.

О самоубійствахъ. *В. В. Розанова* . . . . . 41.

Самоубійство и философія. *А. Я. Луначарскаго* . . . 67.

Самоубійство. *Н Я. Абрамовича.* . . . . . 93.

О самоубійствѣ *Ю. И. Айхенвальда.* . . . . . 115.

Отрывки по поводу юношескихъ самоубійствъ. *Проф. Н. И. Карѣева* . . . . . 129.

Принятіе и непринятіе міра (Отрывокъ изъ книги «О смыслѣ жизни»). *Иванова-Разумника* . . . . . 139.

Книгоиздательство „ЗАРЯ“.

Москва, книжн. маг. „СОТРУДНИКЪ ПРОВИНЦІИ“, уголъ Тверского бульв. и М. Бронной, д № 1. **Тел. 27-96.**

П. Коганъ.

Очерки по исторіи древнихъ литературъ

Томъ I.

Греческая литература.

ОТДѢЛЪ I. *Греческій эпосъ. Гомеръ. Гесіодъ.* — ОТДѢЛЪ II. *Лирическая поэзія и начало драмы. Архилохъ. Тиртей. Солонъ Ѳеогнидъ. Алкей. Сапфо. Анакреонъ. Симонидъ. Пиндаръ. Эсхилъ.*—ОТДѢЛЪ III. *Расцвѣтъ драматическаго искусства. Софоклъ. Эвріпидъ. Аристофанъ. Аристотель.*

ИЗДАНІЕ II.

ЦѢНА 1 р. 25 к.

П. Коганъ.

Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы.

Томъ I.

Выпускъ II. Отдѣлъ IV.

Кающееся дворянство. — Лишніе люди. — И. С. Тургеневъ. — Л. Н. Толстой. — Д. В. Григоровичъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 1 руб.

П. Когант.

Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы.

Томъ III.

СОВРЕМЕННИКИ.

Выпускъ I.

Введеніе.—Купринъ.—Арцыбашевъ — Сологубъ.— Юшкевичъ.—Телешовъ.—Шоломъ Ашъ.—Айзманъ.—Зайцевъ.

Цѣна 1 р.

Выпускъ II.

Л. Андреевъ.—К. Бальмонтъ.—В. Брюсовъ.—И. Буниныъ.—А. Блокъ.—„Навьи чары" Сологуба.

Цѣна 1 р.

Выпускъ III.

Мистики и богоискатели. *Мережковскій.—Андрей Бѣлый.—Вячеславъ Ивановъ.*

Цѣна 1 р.

Ю. Айхенвальдъ.

Отдѣльныя страницы.

Сборники педагогическихъ, философскихъ и литературныхъ статей.

ВЫПУСКЪ I.

СОДЕРЖАНІЕ: Шопенгауэръ о дѣтяхъ.—Очеркъ педагогическихъ воззрѣній Фихте.—О воспитаніи Д. С. Милля.—В. Гюго какъ поэтъ семьи и дѣтей.—Памяти Ушинскаго.—Предисловіе къ русскому переводу книги Эллены Кей „Вѣкъ ребенка".—Чувства пола у дѣтей.—О застѣнчивости.—Изъ мыслей Гете и о Гете.—Вл. Соловьевъ.—Очеркъ этическ. воззрѣній Н. Я. Грота.

Цѣна 1 р. 25 к.

ВЫПУСКЪ II.

СОДЕРЖАНІЕ: Педагогическій идолъ.—Р. Гильдебрандъ о преподаваніи роднаго языка.—Замѣтка о Рескинѣ.—Книга Фолькельта о Шопенгауэрѣ.—Брандъ философіи.—Киркегоръ.—Монотеизмъ и любовь.—О Ницше.—Эдг. По.—Авель убивающій.—О книгѣ Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву".—Мережковскій о Лермонтовѣ.—Смѣшная смерть (Къ открытію памятника Гоголю).—Памяти Кольцова.—Письма Чехова.—Замѣтки о разныхъ книгахъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Н. Абрамовичъ.

ХУДОЖНИКИ и МЫСЛИТЕЛИ.

Сборникъ критическихъ, философскихъ и др. статей.

О Карлейлѣ, Эмерсонѣ, Рескинѣ, Гамсунѣ, Роденбахѣ, Уайльдѣ, Достоевскомъ и друг.

Обложка худ. *А. Тимахова.* **Цѣна 1 р. 25 к.**

Литературные портреты.

Кнутъ Гамсунъ.—М. Метерлинкъ.—А. Стриндбергъ.—Г. Ибсенъ.—Фр. Ницше.

СТАТЬИ: *Георга Брандеса, Н. Абрамовича, Г. Шлаффа, С. Рамера.*

Обложка художника *А. Ложкина.*

Цѣна 75 коп.

КРИТИЧЕСКІЕ АЛЬМАНАХИ

Книга I.

СОДЕРЖАНІЕ: „Оскаръ Уайльдъ". *Ю. И. Айхенвальда.*—„Наши литературн. кумиры: Ст. Пшибышевскій, Мор Метерлинкъ". *П. С. Когана.*—„Дж. Роденбахъ". *Н. Я. Абрамовича.*—„Ст. Пшибышевскій". Литер. характеристика. *Б. Фельдмана.* Перев. *Я. Мацкевича.*—„Ан. Франсъ". *Г. Брандеса.*—„Арт. Шницлеръ". *Г. Брандеса.* Перев. *А. Койранскаго.*—„Казимиръ Тетмайеръ". Литер. характ. *Е. Загорскаго.*—„Германъ Бангъ". *Г. Брандеса.* Перев. *А. Койранскаго.*—„Г. д'Аннунціо". *Г. Брандеса.* Пер. *А. Койранскаго.*—„Ст. Выспянскій". Крит. этюдъ *Вл. Высоцкаго.*—„Кн. Гамсунъ". *Ш. Горелика.* Пер. *Я. Бера.*

Цѣна 1 р.

Книга II.

СОДЕРЖАНІЕ. „Ш. Бодлеръ. „Цвѣты зла". *Ю. Айхенвальда.*—„Б. Зайцевъ". Очеркъ *П. С. Когана.*—„А. Стриндбергъ". Патол. этюдъ *С. Рамера.* Пер. *С. Чериковера.*—„М. Метерлинкъ". *І. Шлафа.* Пер. *С. Чериковера.*—„Эм. Зола" *Г. Сенкевича.* Пер. *И. Хвойника.* „Г. Ибсенъ" *Г. Брандеса.* Пер. *С. Чериковера.*—„Ст. Пшибышевскій". Пер. *И. Хвойника.*—„В. Сѣрошевскій". Очеркъ *В. Фельдмана.* Перев. *И. Хвойника.*

Цѣна 1 р.

Юбилейный Чеховскій сборникъ

СОДЕРЖАНІЕ: „Человѣческій путь“. **Н. А. Абрамовича.** — „Антонъ Чеховъ“. **А. Волынскаго.**—„Безъ крыльевъ“. **М. Невѣдомскаго** —„А. П. Чеховъ“. **В. Розанова** —„Бытъ, событія и небытіе“. **Д Философова**

Обложка худож *Артамонова.*

Цѣна 1 руб.

Н. Валентиновъ.

Мы еще придемъ?

О современной литературѣ.

„Жизнь человѣка“ и „Царь голодъ“

Л. Андреева.

Литературная вакханалія современности. — Трагедія „Я“. — Въ погоню за новымъ.—„Жизнь человѣка“ и смыслъ жизни человѣка. —„Царь-Голодъ“ и соціальный трагизмъ.—Гдѣ выходъ?

ЦѢНА 35 коп

Н. А. Абрамовичъ.

Сказка о голомъ королѣ.

Л. Андреевъ и „Анатема“.

Постановка Московскаго Художественнаго театра.

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ автора —О дерзаніи и дерзающихъ въ современной литературѣ.—Сказка о голомъ королѣ.—Творческое безсиліе. — Постановка Художественнаго театра.—Фальшь. — Скрипучая шарманка и міровая гармонія.

ЦѢНА 35 коп.

Н. Валентиновъ.

Философскія построенія марксизма.

Діалектическій матеріализмъ, эмпиріомонизмъ и эмпиріокритическая философія.

I. О философіи вообще. II. Матеріалистическая философія Г. В. Плеханова. III. Плехановъ и Аксельродъ въ роли критиковъ эмпиріокритицизма. IV. Натурмонизмъ І. Дицгена. V. Философія марксизма и эмпиріокритическая теорія познанія. IV. Объ эмпиріомонизмѣ А. Богданова.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Н. Валентиновъ.

Э. Махъ и марксизмъ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Вмѣсто введенія. 2) Письмо къ Э. Маху и отвѣтъ Э. Маха. 3) Э. Махъ и историческій матеріализмъ. 4) Теорія элементовъ и ея критики.

Приложеніе I.

Э. Махъ. Объ отношеніи физики къ психологіи (Изъ L' Année Pyschologique).

Приложеніе II.

Ф. Адлеръ. Открытіе міровыхъ элементовъ (По поводу 70-лѣтія рожденія Э. Маха).

Примѣчанія переводчика.

Цѣна 60 к.

Собраніе соч. В. Бельше.

ТОМЪ I.

СОДЕРЖАНІЕ. Религія нашего времени.—Въ нѣдрахъ земли.—Гибель міра.—Тайна южнаго полюса.

Переводъ С. М. Чериковера и Я. Д. Мацкевича.

Цѣна 1 руб.

ТОМЪ II.

СОДЕРЖАНІЕ. Пять сказокъ жизни.—Непостижимое въ природѣ.—У берега моря.—Окаменѣвшее животное и живая мысль.

Переводъ С. М. Чериковера.

Цѣна 1 руб.

ТОМЪ III.

СОДЕРЖАНІЕ. Гибель животнаго царства.—Зачатки культуры у животныхъ.—Языкъ обезьянъ.—Сказки о драконахъ.—Опровергнутъ ли дарвинизмъ?

Переводъ С. М. Чериковера.

Цѣна 1 руб.

ТОМЪ VI.

СОДЕРЖАНІЕ. Тайна одного растенія.—Продолжительность существованія жизни на землѣ.—Кухня первобытнаго времени.—Вейсманъ и дарвинизмъ.

Переводъ С. М. Чериковера.

Цѣна 1 руб.

Леохардо Тарасевичъ.

Пути духа и тѣла въ любви.

Цѣна 40 коп.

Генрихъ Сенкевичъ.

Въ омутѣ жизни.

Романъ изъ современной жизни

Переводъ съ польск. *Я. Д. Мацкевича* и *W. B.*

Часть I—1 р. Часть II—80 к. Часть III—1 р.

Ст. Пшибышевскій.

„СУМЕРКИ".

Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ рукописи *В. Блажеевича.*

Обложка худ. *В. Гончарскаго.* **Ч I. Цѣна 1 р.**

Печатается и въ скоромъ времени выйдетъ II ч.

ГРѢХЪ.

Сборникъ разсказовъ, стихотвореній и статей

В. Муйжеля, Н. Олигера, М. Кузмина, Вл. Ленскаго, Н. Пояркова, А. Блока, Сергѣя Кречетова, Н. Я. Абрамовича и др.

Обложка художн. **Абрамова.**

Цѣна 1 р.

Вилье-де-Лиль-Адамъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Т. I.

Новые жестокіе разсказы.

Переводъ съ франц. *С. М. Черниковера.*

Обложка худож. *Абрамова.* **Цѣна 1 р.**

Казимиръ Тетмайеръ.

НАБРОСКИ.

Переводъ съ польскаго *В. Блажеевича.*

Обложка худ. *А. Тимахова.* **Цѣна 75 коп.**

Типографія Т-го Дома М. В Балдинъ и К°. Москва, Арбатъ, № 7.